

уральский ^У 6
июнь 1991
С Л Е Д О П Ы Т

На полотнах — Мотовилиха

Знаменитый район города Перми — Мотовилиха — перешагнул уже свое 250-летие. Начало Мотовилихи дал старейший уральский завод, построенный на левом берегу Камы, ниже слияния речек Большой и Малой Мотовилих. Здесь плавил превосходного качества медь, которая высоко ценилась на европейском рынке. С появлением стали и чугунолитейного производства приобрело славу мастерство мотовилихинцев-пушкарей. Сто лет назад на здешнем заводе была изобретена дуговая электрическая сварка металлов.

В 1905 году этот городской район возглавил на Урале революционное движение.

Нынешняя Мотовилиха помнит свое прошлое. Несколько лет назад здесь торжественно открыт памятник русскому инженеру Н. Г. Славянову, изобретателю электросварки. Его авторы — пермский скульптор А. А. Уральский и архитектор С. И. Тарасов. Воссоздан дом Н. Г. Славянова и открыт как музей.

Еще раньше в Мотовилихе построено новое здание историко-революционного мемориала. Его первая экспозиция представила своеобразную художественную летопись Мотовилихи и собрала около 150 произведений живописи, скульптуры, графики, монументально-декоративного искусства пермских художников разных поколений.

В. Худына
Фото Михаила Тамаркина и Аркадия Шулятьева

Учредители —
Союз писателей РСФСР,
Ассоциация советских
книгоиздателей,
Трудовой коллектив журнала
Издатель —
Средне-Уральское
книжное издательство

2
«ИСПОЛНЕННАЯ КЛЯТВА, БОЛЬ
ЖИВАЯ...» Стихи
М. Гали

4
«ПОИМЕННО ВСЕХ УЖЕ
НЕ НАЗВАТЬ...»
50 лет начала Великой Отечественной вой-
ны. Проблемы Всесоюзной книги Памяти.
В. Савинцев

6
«СОРОК ПЕРВЫЙ, САМЫЙ
ТРУДНЫЙ ГОД!»
Воспоминания война-связиста о первых
днях войны.
И. Иофин

13
ПРОТИВОТАНКОВЫЕ БУТЫЛКИ
В. Довгопол

13
ВРАЧ КОНЦЛАГЕРЯ «УМАНЬСКАЯ
ЯМА»
Л. Сурин

14
ГИМНАЗИСТ БЕЛИНСКИЙ
Неизученные страницы биографии велико-
го русского критика.
Г. Прекин

15
ИСТОРИЯ В ЛИЦАХ
Б. Вайсберг

17
ТАНКИ НА ПЬЕДЕСТАЛЕ
П. Колесников

18
ПОД КРАСНЫМ ЗНАМЕНЕМ ПРОТИВ
КРАСНЫХ
В очерке рассказывается о знаменитом
Ижевском бунте 1918 года, когда город
превратился в «осиное гнездо контрреволю-
ции».
И. Кобзев

25
БЕЛЫЙ ШАРИК МАТРОСА
ВИЛЬСОНА. Фантастическая повесть
Продолжение книги о Великом Кристалле.
В. Крапивин

53
ЗАОЧНЫЙ КЛФ
57
ОТВЕТ ЦЕЛИТЕЛЯ ЦЗЯНА
58

ПОЛИЦЕЙСКАЯ ШАПКА
Сильвио из повести Пушкина «Выстрел» —
генерал-майор Липранди?
М. Искрин

60
КАК МУДР БЫЛ УЧИТЕЛЬ...
Крупнейший специалист по истории Визан-
тии и талантливый школьный учитель.
Это — профессор М. Я. Сюзюмов.
М. Поляковская

63
ЛЕГЕНДЫ О ЧИНГИСХАНЕ
В. Кобисский

66
БЕЛАЯ КОСТЬ. Рассказ
С. Винокурова

73
НЕСКОЛЬКО ИСТОРИЙ ПРО
ТРИДАКНУ
Занимательно о гигантском двустворчатом
моллюске.
Р. Буруковский

76
НАРОДНОЕ ПОГОВОВЕДИЕ
Какова заря — такова и погода...
Г. Рыженков

77
ПЕЛИКАН СБИЛ САМОЛЕТ
Два властелина пятого океана. Как на-
учиться жить в мире?
В. Самсонов

78
МИР НА ЛАДОНИ

79
ЭКЗОТЫ НА ОКНАХ
А. Семенин

уральский
ИЮНЬ 1991
СЛЕДОПЫТ 6

„ИСПОЛНЕННАЯ КЛЯТВА, БОЛЬ ЖИВАЯ...„

Муса
ГАЛИ

Рисунки
Сергея Григорькина

Перевод Р. Бухараева

Колизей

Как брусчатка твоя холодна,
Колизей!

Остывая душою,
Прозреваю сквозь мрак
Времена твоего беспощадного воя.
Я не твой, Колизей, я другой!
Оттого я дрожу, как от стужи,
Невзначай ощутив под ногой
Те кровавые липкие лужи...
Но, как в явь, ощутил я сейчас —
Зубы хищника рядом, о, рядом! —
Воет плеск, и клыкастая пасть
Обдаёт мне лицо жарким смрадом.
Или это, сверкая копьем
В общем реве тупом и безликом,
Мне навстречу в безумье своем
Гладиатор бросается с криком!!
Тщетны действия кровавых времен!
Смерть не властна над жизнью
живою,
Сколь б там разноликий Нерон
Не забавился жуткой резнею.
Я не твой, Колизей, я другой,
Мне не страшно:

от горестной жажды

Полной чашей полынный настой
Сам я досыта пил не однажды...
А по жизни я разве гулял!
Годы брали за горло, и часто
Мелкой мести огонь опалял,
И морозила стужа коварства...
То-то душу мою на куски
Рвали сплетнями, словно когтями,
То-то острые зубы тоски
Нахрустелись моими костями...
Тем,

что в жизни испытывал я, —
Только с ветром делился, с травой,
И за каждый глоток из ручья
Я трудом расплатился с лихвою.
Я не твой, Колизей, я другой,
Не склонюсь пред толпою ревучей...
Преклоняюсь я не пред тобой —
Перед жизненной силой могучей.

Атлантида

Атлантида, где канула ты,
Где достало тебе глубины!
Близ какой мне помедлить черты,
Близ какой океанской волны!
Или ты лишь сказание, миф,
Чтоб утешить мечтой бытие,
Или, в бездне просторы сохрив,
Наказала себя самоё!

Атлантида, где канула ты!
Слышен сквозь времена этот сон,
Разве ради утешной мечты
О тебе написал бы Платон!
Значит, были беда и напасть...
Вон, Бискай как волнами изрыт...
Вал могучий, кипящая страсть,
Пал мне в ноги и плачет навзрыд!
Были, были беда и напасть...
Сам-то я разве смирен и тих!
Сам я, что Атлантида, пропасть
Мог не раз в бурях бедствий моих.
Терпеливость надежд, слабый свет
Упований с мечтой заодно,
Сплетня подлая, злобный навет
Увлекали в пучину, на дно:
Благородные нравы отцов
Бури скоро совсем разобьют,
Гибнет тот, что ценнее дворцов,
Сокровенных традиций приют...
Атлантида, я все о своем!
Не пришлось бы мне

с горькой тоской
Где-то в мраке душевном моем
Честь искать,

как в пучине морской...
На Бискае разгул штормовой,
Напрягаю я зренья и слух:
Атлантида, неужто ты — мой
В шторме времени тонущий дух!!

Рождаясь, исчезая,— все кипят...
Стоит скала, Что ей шторма и годы,
Что ей мгновенья жизни и борьбы!
Брат, человек...

Ты смертен от природы,
Но разве сам ты не Скала судьбы!!

«Неизвестный»

О чем рыдают олсдорфские ели?
О чем скорбят над Эльбой облака!
Неужто из бывшего налетели
Осенний мрак и черная тоска!..
Когда б вам, ели, знать, какое горе,
Какая боль зарыты в землю тут!
По кладбищу

военных лет в Олсдорфе
Едва шагаю — ноги не несут.
Шагну и встану, словно отрешаясь,
Читаю надпись...

Холод. Сырость. Хмарь.
Да сколько ж горя — зла,
по свету маясь,
Тыносишь, человеческая тварь!!
Война ненасытимая, глотая
Моих друзей, сокрыла навсегда

Скала судьбы

А мог не увидеть. Кабо да Рока —
Скала судьбы — как будто говорит,
Как будто утешает издали:
Свеча судьбы твоей — еще горит!
Такие в ней терпение и сила,
Что разум не вмещает — испокон,
Не считаешь, сколько отразила
Она свирепых океанских волн!
Она — бесстрашна. Такова и ныне,
Как век, тысячелетие назад.
В подножии ее живые воды,
Как память неумная, кипят...
...Рева, в бездumье вырастая

в горы,

К ней рвутся океанские валы,
Всегда с разбега разрешая споры,
Кидается волна на грудь скалы,
Скала же — отвечает ей молчаньем.
Грудь нараспашку при любых ветрах.
Вал посрамленный

отползет с урчаньем,
А с ним — в небытие уходит страх.
Что за судьба! Горда, невозмутима
Сегодня и столетие назад...
Волн мелких суета неуютима:

Хасана и Ахсана, Тимербая,
Птенцов из одного со мной гнезда...
Шагну и встану, словно отрешаясь,
Пройду и снова оглянусь назад...
Надгробье за надгробьем:

имя. Надпись.

И вдруг одно лишь слово:

«Unbekannt».

Как безымянно, страшно вы зарыты,
Кто ж были вы! Уж не мои ль друзья!
Гляжу на одинаковые плиты,
Как будто бы дождусь ответа я.
Шагну и встану, словно отрешаясь:
Безвестны разве прожитые дни,
Пути-дороги, ветер, почки, завязь,
В мелодиях ветров звучат они!
Ночь,

от любви мальчишеской хмельная,
Рассветная звезда, вода, луна,
Исполненная клятва, боль живая,
Неужто не нужны им имена!
На кладбище молчу,

скрывая скорбь я,

Рыдают ели. Облака плывут.
«Безвестные»!!

Нет, лжете вы, надгробья!
Известны все, кто похоронен тут!

Владимир
САВИНЦЕВ

Пусть поименно всех уже не называть...

После окончания Великой Отечественной войны выросло уже два поколения людей, а мы только недавно приступили к созданию Всесоюзной книги Памяти. Грустно это. В России память о погибших всегда была священна. Их имена перечисляли в церквях на торжественных богослужениях, а в главном храме страны — храме Христа Спасителя — на стенах были начертаны фамилии всех русских воинов, убитых в Отечественную войну 1812 года. Это ли не образец того, как умели у нас чтить павших защитников Родины! И вот теперь, кажется, мы спохватились. Сотни, если не тысячи человек по всей стране ведут поисковую работу и... открылся печальный факт: полностью всех погибших поименно уже не называть. Как бы ни старались энтузиасты создания названной книги, она не будет полной. А значит — и лозунг «Никто не забыт, ничто не забыто» останется лишь лозунгом...

Для такого утверждения у меня есть все основания. Еще летом 1988 года я взялся составить книгу Памяти для нашего Нытвенского историко-краеведческого музея. Было задумано вписать в нее золотыми буквами всех жителей Нытвенского района Пермской области, погибших в Великую Отечественную войну. Вот тут-то я и столкнулся с рядом практически неразрешимых вопросов. Во-первых, в качестве бесспорного доказательства гибели людей приходится принимать только документальные сведения из райвоенкомата или архива Вооруженных Сил СССР. Но воевавших, а значит и погибших, было больше, чем это зафиксировано документами. Представьте себе, что в 41-м году семнадцатилетний парнишка сбежал на фронт, был зачислен в какую-то воинскую часть и вскоре погиб или пропал без вести. Затем ничего не остается от подразделения, в котором он служил, гибнут и штабные документы. Естественно, ни в архиве, ни в военкомате по месту жительства парня о нем уже нет никаких сведений.

Назвать абсолютно точное число погибших в каком-то городе или районе невозможно и по иным причинам. Например, человек во время войны находился не в «своем» районе или даже в другой области, откуда потом и ушел на фронт. Если он погиб, и к тому же у него не оказалось родных, что бывало не так уж редко, ибо речь идет о поколении родившихся в годы гражданской войны, то он до сих пор числится при том военкомате, где призывался. Конечно, для общесоюзного учета потерь это все равно,

Вот и еще один трагический юбилей встречаем мы. 22 июня 1991 года — пятьдесят лет со дня начала Великой Отечественной войны. Есть дело в эти скорбные дни у историков, краеведов, следопытов — всех, кто по-настоящему хочет вписать хотя бы строку в объективную летопись своей страны, края и передать ее потомкам без купюр. Идет работа над Всесоюзной книгой Памяти. Напомним, что началась она в 1989 году, после выхода постановления Секретариата ЦК КПСС «О Всесоюзной книге Памяти» и должна завершиться, по замыслу, к году 1995-му — пятидесятилетия Победы. А в декабре 1990-го газета «Известия» опубликовала обращение председателя Всесоюзного Совета ветеранов войны, труда и Вооруженных Сил Маршала СССР Н. Огаркова и генерала армии, председателя редколлегии книги И. Шкадова, в котором говорится: «...Дело это чем дальше, тем труднее...» И далее: «...Для того, чтобы книга Памяти могла выйти в срок, темпы надо увеличить многократно... Вот Ногинский городской Совет ветеранов войны и труда решил провести... в городе и районе поисковую акцию «Назовем поименно»... Мы призываем поддержать благородную инициативу с тем, чтобы максимум работы был выполнен в 1991 году...»

На первый взгляд, да и вообще — если говорить абстрактно, теоретически — призыв прекрасный, и инициатива (или, как раньше говорили, почин) более чем благородная. Но есть, как оказалось, и другая точка зрения — несколько не менее, по моему мнению, заинтересованная и компетентная, чем, так сказать, столичная, руководящая, зато чуть более конкретная. Вот что написал нам еще до выхода того номера «Известий» преподаватель металлургического техникума из Пермской области, человек, этому делу не посторонний.

но в городскую или районную книгу Памяти человека уже не вписать, ибо в документах он здесь не значится.

Мало надежды и на помощь родных погибших воинов, на знавших их людей. Одних уже нет в живых, другие уехали, третьи почти ничего не помнят. Однажды я пытался узнать что-либо о человеке, не вернувшемся с фронта. Родители его умерли. Тогда я опросил всех старожилов деревни, в которой он жил. Узнал только одно: да, был такой человек, да, ушел на фронт и не вернулся. Вот и все. С чем я пришел, с тем и ушел...

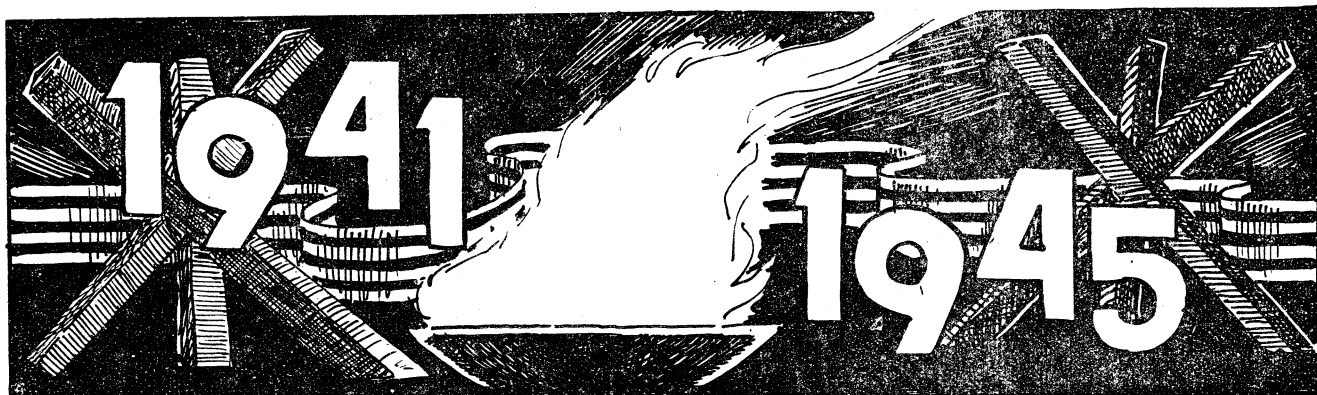
Не лучше обстоит дело и с теми погибшими, кого «зафиксировали» военкоматы. Все они занесены в так называемую «Алфавитную книгу учета безвозвратных боевых потерь военнослужащих в период Великой Отечественной войны». Записи в нее делались на основании поступавших в военкоматы «похоронок», а также данных управления по учету персональных потерь. Но эти документальные сведения о погибших и пропавших без вести настолько скудны, что нельзя даже говорить всерьез о составлении именно такой книги Памяти, которую у нас замыслили. По этому замыслу, насколько мне известно, в книге на каждого погибшего и пропавшего без вести должны содержаться следующие данные: фамилия, имя, отчество, дата рождения, место призыва, воинское звание, дата гибели и место захоронения. Увы, точная дата гибели отмечена далеко не у каждого военнослужащего. Очень часто фигурируют только год и месяц, иногда — просто год. Еще реже указано место захоронения. И дело здесь вовсе не в халатности военной статистики. Когда войска отступали, убитые оставались на поле боя. Кто, где и когда их хоронил — попробуй теперь определи! Да что там место захоронения, если даже с установлением воинского звания погибшего возникает путаница.

А пропавшие без вести? В абсолютном большинстве эти люди тоже погибли. Но где и когда? В «Книге учета...» только против очень немногих фамилий стоит приписка: «умер в немецком плену» и указана дата смерти. Теперь, благодаря гласности, нам стало известно, сколько на самом деле попало в плен советских солдат и офицеров. Вот данные из нашей центральной печати: за первые шесть самых трудных и трагических месяцев военных действий в плену оказались 3 миллиона 900 тысяч советских воинов, из которых к началу 1942 года в живых

осталось только 1 миллион 100 тысяч. За последующие годы войны в плен попали еще около 2 миллионов солдат и офицеров. Почти все они остались безвестными.

Работая над книгой Памяти, я поразился огромному числу пропавших без вести. Их еще больше, чем убитых. Но попробуй определи, кого из них разорвало снарядом на поле боя, а кто умер в плену от голода и болезней. «Пропал без вести» — это действительно все, что мы о них знаем, и узнать что-то еще о большинстве их уже никогда не сможем. Неужели об этом не было известно тем, кто устанавливал, какие именно сведения о погибших должна содержать Всесоюзная книга Памяти? Кого же мы обманываем? Мертвых? Их уже нельзя обмануть. Мы обманываем живых, создавая очередную лжепатриотическую сказку, будто в состоянии назвать всех павших в годы Великой Отечественной войны защитников Родины. Еще раз утверждаю, как историк, занимающийся краеведческой и поисковой работой: этого мы никогда не сможем сделать. Да, каждый год поисков будет открывать новые имена и судьбы. Но ВСЕХ павших ни к пятидесятилетию Победы, ни после нее поименно нам не назвать. И эту горькую правду следует объявить людям.

...А книгу Памяти для Нытвенского историко-краеведческого музея я все же составил. В нее занесены 3450 жителей Нытвенского района, погибших и пропавших без вести в войну с фашистской Германией и милитаристской Японией. Это более чем каждый второй из нытвенцев, призванных тогда в Вооруженные Силы. Это почти каждый восьмой из жителей района в те годы. Причем кто-то наверняка не попал в книгу. И я думаю вот о чем. Если процент потерь только жителей Нытвенского района перенести на всю страну, население которой, по оценке наших и зарубежных историков, не превышало тогда 170—180 миллионов, то получается, что безвозвратные потери одних военнослужащих составят 20—21 миллион человек. А как быть с потерями гражданского населения, где счет тоже идет на миллионы? Сколько же действительно потерял наш народ в Великую Отечественную войну? Мы обязаны уточнить — хотя бы на уровне порядка, что реальнее всего. И конечно, ни в коем случае не стоит прекращать тяжелейшую и благороднейшую работу по установлению конкретных имен павших. Только — без громких лозунгов и невыполнимых инструкций. Никогда еще они не помогли выяснить истину.

А теперь попробуем коротко подытожить сказанное. Что же — Владимир Борисович Савинцев вообще против проекта Всесоюзной книги Памяти, одобренного уже и самим Президентом? Нет. И лучшее доказательство этому — его серьезнейший вклад в нее, сделанный лбами рукошума и разговоров задолго до начала большой кампании. А вот выражаемое им чувство глубокого сожаления по поводу безвозвратно утерянного времени для подлинного сохранения Памяти о павших — нам близко и понятно. Так же, как и искреннее его опасение: как бы и впрямь не стала Всесоюзная книга Памяти очередным формальным рапортом к очередной дате. Потому и публикуем его письмо — а вовсе не затем, чтобы столкнуться лбами руководителей книги с ее «низовыми» авторами, как может кому-то показаться. Боже упаси! Тем более, что одного из авторов обращения, содержащего и вполне конструктивные советы по упорядочению дальнейшего сбора материалов, генерала И. Шкадова, уже нет в строю. Он сам погиб как солдат и достоин памяти... Самой светлой...

Со своей стороны «Уральский следопыт» предлагает подборку очередных поступлений на свою «Золотую полку», а также, быть может, — и в названную книгу. Немало новых имен фронтовиков принесли за последнее время письма. О русском солдате еще дореволюционной закалки, участнике трех войн Гаврииле Епифановиче САБЯНИНЕ, погибшем в Прибалтике и посмертно удостоенном звания Героя Советского Союза, написал журналист из Белоруссии Александр Лещенко. О своих земляках из города Юрюзани Челябинской области: в войну — бесстрашном командире минно-торпедной части подводной лодки Александре Ивановиче ЧУМАНОВЕ, ныне живущем в Ленинграде, и о прошедших многие фронты, удостоенных многих наград участниках Парада Победы Павле Александровиче РАСКАТОВЕ и Владимире Васильевиче КЛИМАНОВЕ, по сей день продолжающих трудовой путь, рассказал Леонид Сурин. Свердловчанин, ветеран войны Александр Герасимов поделился воспоминаниями о сослуживцах — «святых с косичками солдатах» (строка из стихотворения) молоденьких

санинструкторах 31-й армии — жестоко убитой фашистами Полине ИВАНОВОЙ и получившей тяжелое ранение Марии АНДРЕЕВОЙ. Герой заметки Геннадия Решетина из Челябинска — кавалер ордена Александра Невского, инвалид после Висло-Одерской операции капитан в отставке Валентин Егорович ПЯТЫШЕВ. А общественный руководитель музея 5-й школы города Среднеуральска Петр Зюзин сообщил об уроженце села Щелкун Сысертского района Свердловской области Петре (отчество не названо) ЗЮКИНЕ, погибшем 24 февраля 1943 года и похороненном в братской могиле под Ленинградом.

Письма продолжают поступать. И пусть содержащиеся в них данные не всегда вписываются в графы рекомендованных таблиц. Главное — работа по сбережению Памяти продолжается...

Подготовил А. ПОНИЗОВКИН

Рисунок
Игоря Кожевникова

Илья
ИОФИН

Рисунки
Николая Мооса

«СОРОК ПЕРВЫЙ, САМЫЙ ТРУДНЫЙ ГОД!»

(Воспоминания)

Переправа, переправа...

22 июня 1941 года. Жаркий солнечный день. Над Москвой синее, без единого облачка, небо. Экзамены в институте сданы досрочно. В воскресенье можно и отдохнуть. Объявление по радио: «Будет передано важное правительство сообщение...» Выступление главы правительства Молотова. Митинг в институте. Выступаю на нем и обещаю не шадить сил, а если потребуются жизни для полной

Илья Исакович Иофин родился в Екатеринбурге в 1915 году. После окончания Свердловского электротехникума связи был оставлен на преподавательской работе. В 1937-м командирован на учебу в Московскую инженерно-техническую академию связи имени Подбельского (Московский институт инженеров связи), которую с отличием закончил в 1941 году. С 23 июня 1941 года — в Советской Армии. Был командиром взвода, роты, батальона связи. Участник боев под Смоленском, Москвой, на Северо-Западном фронте. Дважды ранен. Награжден орденами Отечественной войны II степени, двумя — Красной Звезды, «Знак Почета». Майор в отставке. С 1947 по 1983 год — преподаватель, зав. отделением, зав. учебной частью, директор Свердловского электротехникума связи, преподаватель. За успешную подготовку квалифицированных кадров для народного хозяйства И. И. Иофину были присвоены почетные звания «Заслуженный учитель школы РСФСР», «Мастер связи СССР», «Почетный радист СССР».

Умер в 1983 году.
Главы воспоминаний публикуются с разрешения его жены Анны Антоновны Павлюченко и сына Александра Ильича Иофина.

победы над врагом. Говорю искренне, слова, идущие от сердца. Победить или умереть. Третьего не дано.

Указ о мобилизации: «Считать первым днем мобилизации 23 июня».

Утром 23 июня я отправился на сборный пункт. На дверях клуба, куда надо явиться, замок и нет никакого объяснения. Побежал в военкомат, что возле завода «Серп и молот». Озабоченные сотрудники, не получившие никаких указаний. Показываю свое мобилизационное предписание, в котором написано о явке в воинскую часть в город-порт Винау на Балтийском побережье. Один из пробегавших сотрудников военкомата советует обратиться в клуб завода: там будто бы формируется эшелон в Прибалтику.

В клубе, на лунке сбора, кое-какое подобие порядка. Приходящих регистрируют по направлениям, приказывают явиться для отправки на фронт в этот же день в 20.00. Вечером грузимся в эшелон, направляющийся в Ригу. В нашем вагоне только командный состав. Отправляемся с Рижского вокзала в 23.00. Покормить нас забыли, и мы едем голодные. У большинства, по легкомыслию, с собой ничего нет.

Эшелон спешит на запад. Мелькают станции — Ржев, Нелидово... Станция Великие Луки забита эшелонами. Впервые увидел фашистский самолет-разведчик, кружащийся над станцией. Какой-то капитан замаскировался под дерево и стреляет в самолет из револьвера. Святая наивность!

Вечером проехали Себеж и остановились на первом разъезде на территории Латвии. Начало уже смеркаться, и вдруг — пулеметный огонь по эшелону. Мы выскочили из вагонов и попадали на землю. Не вооруженные, не обмундированные, не организованные ни в какие команды, естественно, мы не могли оказать сопротивление диверсионной группе...

Потом чье-то короткое приказание: «Погрузиться в эшелон». Несколько человек убито, около двух десятков ранено. А до войны еще не доехали. Эшелон пошел обратно и остановился во Ржеве. Разместились в здании школы и впервые за двое суток получили по миске супа и кусочку хлеба.

Через несколько часов началось формирование частей. Я попал в отдельную роту связи 900-го стрелкового полка 242-й стрелковой дивизии и был назначен командиром линейного взвода. В нем 40 человек, все москвичи, в основном рабочие, и по возрасту все старше меня. В роте 4 взвода: штабной, два линейных, радиовзвод, полувзвод подвижных средств связи и хозяйственное отделение. Всего около двухсот человек. Инженеров связи трое: И. М. Мордасов, Н. В. Парецкий и я.

Командир роты — лейтенант Кулагин — инженер-металл-

дург. Начальником связи полка назначен старший техник-лейтенант, работник Наркомата связи Г. С. Трефилов. В роте нет ни одного кадрового офицера, все мы из запаса. Через два дня роту обмундировали, выдали оружие и табельное имущество. Моему взводу, помимо катушек кабеля, телефонных аппаратов и линейного инструмента, выдали много комплектов сигнальных флажков, лампы Цейса и Манжена для световой связи — имущество, как оказалось впоследствии, совершенно непригодное для боевых действий.

Настоящих связистов, имеющих эту гражданскую специальность, в моем взводе нет ни одного, да и в роте всего пятеро, в том числе трое нас, командиров. Поэтому советую ротному срочно начинать полевую учебу. Кулагин принимает предложение. С завтрашнего утра начинаем наводить линии, включать аппараты, тренироваться на прием и передачу флажками.

Я получил строевого коня. Смотрим друг на друга подозрительно. В жизни ни разу не приходилось садиться в седло. Подвожу коня к невысокому забору, чтобы сразу прыгнуть в седло, дальше как-нибудь обойдется. Конь оглядывается и делает несколько шагов вперед. Сесть в седло так и не удается. Бойцы смеются, так недолго и авторитет потерять.

Поздно вечером отправляюсь к ветеринарному фельдшеру полка, и он дает мне первые уроки верховой езды. Через два дня тренировки я становлюсь относительно благополучным кавалеристом.

Полк продолжает формироваться. Его командиром назначается майор Беляков, спокойный, рассудительный, знающий свое дело. Награжден за бои на озере Хасан орденом Ленина. Командиры батальонов — капитаны — тоже бывшие участники боев на Дальнем Востоке.

Над городом пролетают немецкие самолеты. При первом налете я потерял самообладание и бросился в укрытие. Вижу иронические взгляды некоторых солдат. Нет, так нельзя! При следующем налете остаюсь на своем месте и последним, после солдат, ухожу в укрытие. Дается эта выдержка нелегко.

Третьего июля слушал речь Сталина, переданную по радио. Да, война серьезная, тяжелая, кровопролитная. Вызывает недоумение: как могли пустить фашистов так далеко на нашу территорию?

Ночью — подъем по боевой тревоге: высажен десант. Слышна беспорядочная стрельба со всех сторон. Вражеского десанта не оказалось. Чуть не перестреляли друг друга.

Прибыли в город Белый Смоленской области. Самолеты непрерывно бомбят колонны нашей дивизии и город. Нашей авиации нет, поэтому самолеты противника действуют безнаказанно. Надо переправляться через реку Обша, которая делит город на две части. Единственный мост забит войсками и повозками. Спрашиваю женщину, нет ли другого моста через реку?

— Моста нет, а есть переправа. Река там мелкая, можно перейти вброд.

Действительно, переправились легко и без потерь. А во втором взводе при переправе через мост разбиты две двуколки и ранено три человека. Первое столкновение с начальником связи полка Трефиловым.

— Кто вам дал разрешение переправляться через реку в другом месте?

— Но ведь переправились первыми и без потерь, — отвечаю я.

— Отставить разговоры и идти тем путем, где движется колонна. Вы уходите от опасности и не представляете, что творилось на мосту!

Весь этот крик происходит при солдатах. Никому из нас непонятны упреки. Разве попытка сохранить людей и имущество — преступление?

Девятого июля, к вечеру, полк прошел районный центр — село Батурино, и возле болота «Свитский мох» батальоны завязали бой с передовым отрядом противника.

Первые месяцы войны

Голодные, усталые, непривычные к боевой обстановке, под минометным обстрелом связисты разместились в кустарнике на краю болота. Боевое охранение противника отошло на другой берег. На время бой прекратился.

Кругом, насколько хватает глаз, поля, засеянные льном, ярко-голубые цветы его мне не приходилось никогда видеть на Урале. Царит тишина, нарушаемая только щебетанием птиц. По полю бродит большое стадо колхозных коров. Совсем мирная картина, если не считать серых пятен воронок от разорвавшихся мин — на дороге и среди льна.

Возле моего взвода остановился офицер с «ромбом» в петлицах — комиссар дивизии Иван Кабичкин, человек богатирского телосложения.

— Первый взвод отдельной роты связи, — доложил я.

— Когда получали довольствие в последний раз?

— Более суток тому назад, дали по три сухаря.

— Пошлите посыльного за помощником командира полка.

Минут через 10—15 прибыл интендант III ранга Вайнштейн.

— Почему не кормите людей? — загремел бригадный комиссар.

— Отстали тылы, утром будут, — невозмутимо ответил интендант.

— Немедленно накормите людей. Смотрите, сколько бесхозного скота бродит вокруг. Мобилизуйте сельское население и, повторяю, немедленно накормите людей.

Через час нам выдали по круглой красной головке сыра. Без хлеба и чая он закупоривал горло, но голод утолили.

Прибежал посыльный и сообщил, что меня вызывает начальник связи. Непонятно, почему помимо командира роты? На ходу посыльный сообщил, что начальник штаба приказал Трефилову выяснить: есть ли противник в деревне Спиричино.

— Возьмите моего коня и скачите в деревню. Узнайте, есть ли там немцы, — приказал начальник связи.

— Можно взять кого-нибудь из красноармейцев? — спросил я.

— Никого не брать. Поезжайте один и немедленно. Время не терпит.

Мысленно я уже прощался с жизнью. Ведь если в деревне немцы, обратно мне не вернуться.

Три километра я проскакал аллюром. На мое счастье, в деревне пусто: ни немцев, ни гражданского населения. На обратном пути попал под минометный огонь. Не верилось сначала, что по одиночному всаднику будут бить из миномета, но стреляли.

Часа через два началось форсирование болота «Свитский мох». Двуколки с имуществом пройти через болото не могут, и мы тащим катушки с кабелем и телефонные аппараты на себе.

Вместе с развернутым в цепь моим взводом идет комиссар дивизии Кабичкин и настаивает меня.

— Не надо кланяться пулям, — говорит он. — Покажите пример бойцам. Ведь каждой пуле не накланяешься, а та, которая найдет, не свистит.

Снова надо наступать на горло собственному страху. Часто я задумывался, что же такое страх и до каких пор он действует? Как часто бывало: сидишь в окопе или лежишь, прижавшись к земле, под обстрелом, и кажется, что нет силы, которая может оторвать от земли и заставить подняться. И вдруг крик: «Прервалась связь!» Страх больше нет. Сознанием владеет только одна мысль: быстрее на линию, быстрее восстановить связь...

Возле меня, все время рядом, перебегает рядовой Лавренев, а когда я при перебежках падаю на кочки, он лезет под меня вместе с головкой сыра, которую несет в руках. На глазах у него крупные слезы, руки трясутся.

Урок, данный мне комиссаром, не пропал даром, и я

успокаиваю Лавренева так, чтобы слышали и другие бойцы.

— Не надо бояться, нас не убьют. Держитесь смелее.

— Не могу. Я очень боюсь, у нас вся семья смиренная. Господи, страх-то какой! Я воевать не сумею.

И жаль его, и тяжело смотреть на человека, совершенно потерявшего человеческий облик. Отправляю Лавренева в обоз с каким-то поручением и приказываю остаться там.

Уже выявилось боевое ядро взвода: Скоркин, Гаврилов, Малайтов, Моргачев, Ливанов, Романов и еще человек 10—12, которые хорошо держатся под обстрелом и четко выполняют команды. Во взводе двое убитых и трое раненых.

Наступила короткая летняя ночь. Мы переправились через болото и разместились в трехстах метрах от передовой, на горке, возле деревни Жидки. В расположение роты прибежал начальник связи полка Трефилов и с криком, срывающимся на визг, приказывает командиру роты Кулагину наладить связь с одним из стрелковых батальонов. Куда тянуть линию, Трефилов толково объяснить не может и показывает вперед, на небольшую рощу. Кулагин пожимает плечами, так и не поняв задачу. Ведь нам известно, что в роще немцы. Но приказ есть приказ.

Для наведения связи выделяют одно отделение второго взвода. С ним направляется командир взвода Ковалев.

Застрелотали кабельные катушки. Бойцы ползут вперед. Поднять голову невозможно: огонь пулеметов и автоматов прижимает к земле.

Через час возвращаются трое бойцов, один из них легко ранен в руку, два человека убиты, в том числе и Ковалев, еще трое взяты в плен. Связисты «привели связь» в расположение немцев!

Кулагин отправляется докладывать Трефилову. Бессмысленная гибель целого отделения подавляет бойцов и командиров.

Кулагин долго не возвращается в роту. Как потом выяснилось: всю вину Трефилов свалил на него, и Кулагин отстранен от командования ротой.

Меня вызывает командир полка и назначает ротным. По старой комсомольской привычке пытаюсь доказать, что Кулагин не виноват. Майор Беляков — командир полка — только махнул рукой и велел начальнику штаба подготовить приказ.

Дожидаюсь Кулагина, которого «обрабатывает» уполномоченный «Смерш» Расщупкин, на удивление бесцветная личность. Сажу рядом и слушаю его бессмысленные вопросы:

— Зачем вы послали наводить связь к противнику?

— Почему погиб командир взвода Ковалев?

— Почему трое красноармейцев попали в плен?

Ответить на такие вопросы, пожалуй, не смог бы и сам господь бог! По какой-то причине главный виновник этой «операции», Трефилов, остается в стороне.

Кулагин возвратился со мной в расположение роты подавленным. Даже взвода ему не доверили.

— Для меня вы останетесь прежним Кулагиным, — говорю я. — Принимайте командование первым взводом. Этот вопрос я ни с кем согласовывать не буду.

Надо наводить порядок в роте, а то так недолго и всех погубить.

Не дожидаясь приказа начальника связи, посылаю три пары лучших сержантов и бойцов первого взвода установить местонахождение КП батальонов, и связь тянуть не вперед, а назад, от батальона к полку. Всем свободным, под началом Кулагина, приказываю рыть окопы и шели полного профиля.

Как быстро познаются люди на фронте! Чтобы узнать человека, достаточно побывать с ним в одном бою, где притвориться невозможно. Человек обнажается сразу. Особенно командир. Здесь мундиром с «кубарями» или «шпалами» в петлицах авторитета не завоеешь. Это не мирное время, а поле боя — не казарменный плац. Посы-

лая человека на задание, не знаешь, вернется ли он или останется на поле боя...

Первой моей задачей было наладить питание. Ведь прошло уже несколько боевых дней, а горячей пищи мы не получали ни разу.

Ротный обоз был в двух километрах от передовой, с ним был и старшина роты Широков. Вызванный ко мне, он пугливо озирался и говорил, что кухню доставить сюда нельзя из-за сильного обстрела переправы, да и сварить обед тут не удастся. По кухне сразу откроют огонь.

— Если вы сейчас не накормите бойцов, отправлю рядовым в линейный взвод. Продукты будете доставлять и выдавать лично, — распорядился я, стараясь говорить как можно спокойнее.

Вот ведь как бывает. Одними не перестаешь удивляться: смелые до безрассудства, ничего им не страшно. Любое задание выполняют умело и с уверенностью, что с ними ничего не случится. Это Скоркин, Дерюгин, Моргачев, Малайтов, Чепурко, Гаврилов. Каждый хочет попасть на выполнение задания только с ними.

Другие бойцы более серьезные, немногословные, но всегда выполняют задание, чего бы это ни стоило. Таковы Солдатов, Лошак, Шведов, Бабий. У них, помимо всего, твердая уверенность, что на этой войне живым не останешься, рано или поздно убьют. Так мне однажды сказал Бабий, и действительно через трое суток он погиб при наведении линии. В разное время, в течение 10—12 дней погибли Шведов и Лошак, а Солдатов был тяжело ранен.

Третья категория бойцов да и некоторых командиров — это те, кто совершенно не могут держать себя в руках. Они всегда и всего боятся, на лице и во всем облике их — тупой животный страх. Таких как Туманов, Лавренев, Мордасов, Мухин — вообще нельзя оставлять одних. Идти с ними на задание никто не хочет: ведь в критической ситуации они бросят тебя и убегут.

Лавренев вообще погиб в обозе от собственной трусости. Прилетел наш самолет. Лавренев, как всегда перепугавшись, не разобрался в чем дело, принялся нахлестывать коня в повозке, спеша уехать от самолета. Конь ударил Лавренева копытом по голове и убил его... В ротном тылу это была первая потеря. Не знаю, что бы я сказал теперь, но сказанное тогда на его могиле считаю правильным: «Он жил, как трус, и погиб от своей трусости. Забудьте его могилу и — вперед...»

Однажды под вечер, после интенсивного минометного обстрела и сильного автоматного огня, с передовой прибежал с телефонным аппаратом дежурный телефонист Мухин. Связь с батальоном была прервана.

— Все убежали, на передовой никого не осталось. Я тоже убежал.

— Как же ты бросил батальон без связи? — спросил я его и добавил: — Немедленно идем обратно вместе со мной.

Я вынул из кобуры пистолет, вставил в гранату запал и велел ему следовать за мной.

Мухин заплакал. Слезы текли ручьями по его грязному лицу.

— Вы меня расстреляете, а я не виноват. Все побежали, и я вместе с ними.

— Дурак! Я бы расстрелял тебя за трусость, но некого больше посылать. Возвращайся и оправдайся своим поведением.

С большим трудом, перебежками и ползком мы добрались до КП батальона. Комбат оказался на месте, к счастью, была цела и линия. Отсутствие связи во время бегства Мухина никто не заметил. После этого эпизода Мухин стал немного смелее и умел, в известной степени, держать себя в руках.

С командирами в первый период войны мне повезло значительно меньше, чем с солдатами, хотя в дальнейшем я был более удачлив. А пока... Попытаюсь нарисовать их портреты.

Трефилов Гурий Семенович — начальник связи полка,

Трудно встретить человека, в котором природа собрала бы такой конгломерат отрицательных качеств: эгоизм, подлость, трусость, грубость с подчиненными и подхалимство начальству, незнание оперативной обстановки, а отсюда и неумение правильно поставить задачу. Лучше было быть два раза раненым, чем один раз встретиться с Трефиловым. Первым, как я писал, от него пострадал бывший командир роты Кулагин. Дальше, очевидно, была моя очередь.

Однажды, во время наступательного боя, заведомо обреченного на неудачу, на командном пункте полка присутствовал командир дивизии генерал-майор Коваленко. Под сильным обстрелом проводная связь обрывалась каждую минуту, и вообще весь провод был превращен в «лапшу». Связисты выходили на линию непрерывно. Погибло и было ранено в течение часа одиннадцать человек, а связь восстановить не удавалось. Генерал вызвал Трефилова, который и мне приказал идти с ним.

— Если через полчаса не восстановите связь, я вас расстреляю, — сказал генерал.

Я доложил, что радиосвязь с наступающим батальоном имеется.

— Не нужно мне ваше радио, дайте телефонную связь! — Генерал посмотрел на часы. — Через полчаса явится ко мне. Не будет связи — расстреляю, — еще раз повторил он.

Послал еще одного, последнего резервного телефониста Гаврилова. Это был хороший, храбрый солдат.

— Николай Христофорович, — обратился я к нему, — сделай, пожалуйста, все, что возможно, и береги себя.

— Как вы разговариваете с подчиненными, каким тоном отдаете приказ! — закричал на меня Трефилов.

Через 20 минут звонок с линии. Гаврилов сообщает, что ранен в грудь. Двигаться ни вперед, ни обратно не может. Я выскочил из окопа и крикнул Трефилову, который не отходил от меня ни на шаг, что пойду сам устранять повреждение.

— Нет, никуда ты не пойдешь. Пойдем к генералу докладывать, что повреждение не устранено.

Делать нечего, приказ есть приказ. Мысленно я уже прощался с жизнью, не мог только никак смириться с таким бесславным концом. Ведь это не гибель на поле боя. Как хотелось тогда, чтобы по дороге какая-нибудь пуля или мина кончила это тяжкое для меня испытание.

— Товарищ генерал, — доложил Трефилов, — вот он, командир роты Иофин, несмотря на ваш и мой приказ, так и не исправил линию.

Между тем наступление захлебнулось, и потери были очень большими.

— Идите вы оба к...! — крикнул генерал.

Трефилов и я пошли обратно в роту.

— Не обижайся на меня, Илья, ведь все хорошо кончилось, — проговорил Трефилов.

Да, кончилось. Он даже впервые назвал меня по имени, демонстрируя свою благосклонность, но тот день, когда Трефилов вел меня на незаслуженный расстрел, навсегда остался в памяти примером человеческой подлости.

Кстати, куда девался Трефилов во время нашего отступления и выхода из окружения, я так и не знал. Потом стало известно, что в начале октября он появился в Москве, был каким-то образом отозван из армии для работы в Наркомате связи. Это в то время, когда люди рвались в армию, чтобы защищать столицу!

После демобилизации в 1947 году я встретился с ним в Москве. Он занимал должность начальника инспекции при Наркомате связи, потом некоторое время работал при посольстве в Китае, был председателем Калининского райисполкома в Москве и закончил служебную карьеру одним из заместителей начальника капитального строительства министерства связи.

Однажды он сообщил мне, что переехал на новую квартиру с электроплитами.

— Ведь газовые иногда взрываются, это опасно...

Младший политрук Акинин. В начале войны политрук был на равных правах с командиром. Он должен был быть бойцам ближе, чем командир, знать их мысли и чаяния, подбодрить ослабевшего, найти для каждого теплые, хорошие слова. Ничего этого не было у Акинина. Главная его фраза в беседах: «Отставить разговорчики!»

Прежний командир роты Кулагин был беспартийный и просто боялся Акинина. «Кто его знает, что он напишет обо мне в политдонесении. Лучше вообще не иметь с ним никаких дел. Пусть получает газеты и раздает их бойцам», — говорил мне Кулагин.

Когда я принял роту, то решил поговорить с Акининым начистоту, тем более, что видел, как падает его авторитет у бойцов и командиров.

— Давайте будем трудиться вместе. Мы оба коммунисты. Берите на себя часть заботы о бойцах. Займитесь вопросами питания. Обойдем вместе все передние точки, где дежурят бойцы нашей роты. Читайте им вслух газеты, побывайте в тылах роты, — советовал я.

— Нет, это не мои обязанности, — ответил Акинин. — Питанием я заниматься не буду, газеты пусть читают сами. Нам дано указание прекращать разговоры личного состава, когда обсуждается положение на фронте и говорится о беспорядках.

Через день со мной беседовал инструктор политотдела:

— Вы даете политруку указания, не свойственные политической работе, и вообще помните: у вас с ним равные права. Он сам выберет себе участки работы.

Окончательно Акинин скомпрометировал себя после случая с разбитым самолетом. Было это так.

Мы с ним шли на одну из дальних точек, размещенных на правом фланге полка. В лесу, недалеко от передовой, увидели сбитый советский истребитель. Тут же лежал убитый летчик. Мы сняли с него пистолет и полевую сумку с документами. В ней оказалось 8000 рублей, карта и служебное удостоверение. Все это взял Акинин и должен был передать в штаб полка. Через неделю я выяснил: все, кроме денег, Акинин передал помощнику начальника штаба Пескову, а 8000 рублей отправил через полевую почту своей жене.

Не было у Акинина идейного стержня, без которого жизнь теряет свой главный смысл.

Младший лейтенант Мордасов И. М. В 1940 году он окончил Московский институт инженеров связи. Еще во Ржеве мы с ним сошлись довольно близко. Воспоминания об институте, о наших профессорах, одинаковая специальность, хорошее знание боевой техники — все это выделяло его среди других командиров. Был он спокойный, рассудительный, даже немного флегматичный. Но как изменился Илья Максимович, когда начались бои! Он совершенно не мог держать себя в руках при обстреле и бомбежках, первым бросался в укрытие. Диким, визгливым голосом кричал на подчиненных, а однажды, в соседнем окопе, после перепалки с командиром отделения кавалеристом Черкашиным, Мордасов выхватил пистолет, а Черкашин шелкнул затвором и поднял на Мордасова карабин.

Я бросился между ними и приказал убрать оружие. Причина ссоры была пустяковая.

Авторитета во взводе Мордасов не имел. Но главное было не это.

3 октября, когда мы отошли с основных позиций и закрепились у деревни Холопово, я послал Мордасова, вместе с телефонным мастером Ушаковым, за остатками радиовзвода, находившимися в тылу в полукилометре от нас. Ни Мордасов, ни Ушаков не вернулись обратно, и я водал о них сведения, как о пропавших без вести.

А в ноябре 1947 года, когда я демобилизовался и работал в техникуме, меня вызвали по телефону из Москвы.

— С вами говорит секретарь парткома Наркомата связи, — услышал я в трубке знакомый голос. — Мы разбираем партийное дело Мордасова. Поступило заявление, что он бежал с поля боя, а он доказывает, что выполнял ваше задание. Расскажите, как было дело.

Я рассказал.

— Вспомните подробно,— продолжал тот же голос,— ведь иначе его исключат из партии. Завтра я еще раз позвоню вам.

Через час снова звонок из Москвы. Звонил бывший командир радиовзвода Парецкий:

— Не губите Мордасова, скажите что-нибудь, чтобы его не трогали. Ведь его обвиняют в бегстве с поля боя прямо в Москву.

— Вот что, Парецкий,— говорю я.— Пусть он сам мне позвонит и расскажет, куда девался 3 октября.

Мордасов так и не позвонил. Из партии его не исключили. Дали строгий выговор с занесением в учетную карточку. Интересно то, что вопрос о бегстве Мордасова поставил в парткоме... Трефилов, проделавший таким же порядком тот же путь до Москвы.

Лейтенант Полуэктов Александр Александрович. Начальник связи второго батальона нашего полка. Жил он в Москве рядом с общежитием института связи. Кандидат наук, специалист по пищевым концентратам, изобретатель

В начале сентября роту отвели примерно километра за полтора от передовой. Остатки роты (кроме радистов и дежурных телефонистов) поместились в одном блиндаже. После двух месяцев передовой блиндаж и поляна возле него казались нам курортом. Мы с Кулагиним жили вместе с бойцами. Каждый вечер при свете коптилки он читал газету вслух... 4 октября Кулагин погиб. Для остатков роты это была тяжелая потеря...

Рядовой Николай Моргачев. Когда я знакомился со взводом при формировании, Моргачев сразу обратил на себя внимание: угрюмый взгляд, низкий лоб, мясистые уши, короткий подбородок. Именно таким в романах изображают воров и бандитов.

— Откуда вы прибыли? Где работали? — задал я стандартный вопрос.

— Из тюрьмы. Отбывал срок. Восемь лет просидел за убийство, а теперь неделю был дома на свободе. Еще не устроился работать.

— За что убили?

— Нужно было. Такой гад попался.

бульонных кубиков, имевших до войны большое распространение. Мы попали в один полк.

Полуэктов был старше меня на 14 лет. Человек скромный, доброжелательный, любимец бойцов. В его внешнем облике не было ничего военного, и тем не менее он добросовестно нес груз войны: не жалуясь, не требуя снисхождения к своему возрасту, не прячась от опасностей. Настоящий русский интеллигент!

После гибели начальника штаба стрелкового батальона Полуэктова назначили на его место. Через два дня — это было 10 августа 1941 года — Александр Александрович был ранен в живот. Когда его несли в госпиталь, он попросил, чтобы остановились возле моей роты: «Илья Исакович, передайте жене и дочке, что у меня все кончено, если сами вернетесь домой». Мы расцеловались с ним, и это был прощальный поцелуй.

Лейтенант Кулагин Сергей Степанович. Мой командир роты, а потом командир первого взвода. Инженер, металлург, москвич, 30 лет, высокого роста. Человек, которому я полностью доверял и, несмотря на то смутное время, разговаривал с ним всегда откровенно. Жили мы в одном окопе, покрытом хворостом и плащ-палаткой. Вместе голодали, вместе ели из одного котелка, когда было чего поесть.

В бою он никогда не терялся. Во время атаки, в которую нам пришлось однажды пойти, мы шли с ним рядом. От пуль Кулагин не прятался, но у него была твердая уверенность, что с войны он не вернется.

Больше вопросов я не задавал.

— Ну что же, кто старое помянет, тому глаз вон. Будем служить вместе.

— Попробуем,— многозначительно ответил Моргачев.

Надо сказать, служил он очень хорошо. Быстрее всех освоил работу с сигнальными флажками, умел быстро найти и устранить повреждение.

Когда окончился тот бой, за который меня чуть не расстреляли, я решил пойти посмотреть, что это за повреждение, которое никто не мог устранить. Со мной вызвался пойти Моргачев.

Мы ползли вдоль линии по-пластунски, боясь поднять голову. Вот закончился кустарник. Впереди чистое место с небольшой возвышенностью. Тут же лежали трупы трех наших погибших красноармейцев.

Еще несколько метров вперед, и я потянул кабель. Вот и обрыв. Надо вытягивать другой конец и бросить его за гребень высоты.

Двигаюсь дальше и вздрагиваю от окрика Моргачева: — Что, тебе жизнь надоела? Не лезь вперед,— и он заслонил меня.

Щелкнул выстрел немецкого снайпера, и Моргачев упал убитый наповал, приняв пулю, которая предназначалась мне...

Я оттащил его за гребень высоты, еще надеясь на чудо, но чудес не бывает — пуля попала в голову.

Ночью мы вынесли с поля боя трупы Моргачева, Гаврилова и еще двоих. Похоронили в братской могиле. Пер-

вый раз во время войны я не стыдился вытирать слезы.

Можно много писать о боевых товарищах первых дней войны. Жаль, что большинство из них погибло в первые ее месяцы. Помню, когда нашу роту отвели в тыл, на полтора километра от передовой, то из 160-ти человек, непосредственно участвовавших в боях, осталось только 67.

Война, конечно, без жертв не бывает, но обидно, что погибли многие из-за отсутствия опыта, а часто и по вине командиров. У всех у нас возникали тысячи «почему», на которые никто не давал да так и не дал ответов.

Почему наша техника оказалась такой слабой по сравнению с немецкой? Ведь в армии почти не было автоматического оружия, и мы были вооружены винтовками образца 1891 года, немного модернизированными в 1930 году. А винтовки СВТ отказывали сразу, когда в них попадал песок.

Почему наша телефонная аппаратура была в 2—2,5 раза тяжелее немецкой, а по акустическим данным много слабее? Микрофоны МБ-5 во время морозов или при попадании влаги выходили из строя, и переговорить по телефону

ражки с красными околышами (полевой формы тогда еще не было). Через час весь руководящий состав дивизии был уничтожен минометным огнем. Обратно их пронесли на носилках. Зачем был нужен этот демонстративный выход на наблюдательный пункт днем, без маскировки?

На вооружении войск связи были поставлены лампы Цейса и Манжена для световой сигнализации и передачи телеграфных сообщений. В первом же бою они были выведены из строя. Иначе и быть не могло: ведь это была отличная мишень. Вместе с лампами погибли и двое бойцов.

Точно такая же история случилась и с сигнальными флажками. Стоило только взмахнуть ими при начале передачи, как пуля снайпера уничтожила сигнальщика. И флажки, и лампы мы выбросили через несколько дней боев, и больше во время войны ими никто не пользовался.

Почему же нельзя было решить все эти элементарные, на мой взгляд, вопросы перед началом войны в академиях, училищах и даже, в конце концов, в первые 2—3 месяца войны? Ценой многих тысяч жизней платили мы за эти просчеты.

было невозможно. Почему офицеры и генералы не умели пользоваться радиосвязью? Почему в наставлении по связи рекомендовалось не укладывать линии на землю, а поднимать их как можно выше, и их рвала на кусочки любая взрывная волна?

Не хочется выглядеть дилетантом, но тактику в масштабах полка и дивизии я понимал хорошо. И тут тоже возникало много «почему».

Когда на Западном направлении немцы были приостановлены, зачем была нужна так называемая «активная оборона»? Ведь наши наступления «в лоб» вели к очень большим, беспельным потерям и, как правило, не имели успеха. За три месяца боев из личного состава дивизии (около 12 тысяч человек) уцелело максимум около тысячи!

Для наступления наша дивизия имела самую невыгодную позицию. Все господствующие высоты были заняты противником, а наше расположение просматривалось во всю глубину. Иначе мы действовали в 1943 году на Курской дуге. Наши войска в крепкой обороне обескровили противника, а затем начали успешное наступление. Неужели для того, чтобы додуматься до этого, вышшему командованию нужны были два года и такие потери в людях?

Вот пример нашего неумения воевать в сорок первом. Впереди расположения нашей роты, метрах в 150, командир дивизии разместил свой наблюдательный пункт, подход к которому был по открытой местности. В яркий, солнечный день группа старших офицеров во главе с генералом отпраздновали на НП. Все были одеты в яркие фу-

В то время мы еще плохо представляли, что в период культа личности Сталина армия лишилась наиболее талантливых полководцев: Блюхера, Тухачевского, Егорова, Гамарника, Уборевича, Якира и многих других, а полководцам гражданской войны Ворошилову, Буденному да и Тимошенко все еще грезилась лихие сабельные атаки, совершенно непригодные для современной войны. Вот один печальный пример.

В середине августа 1941 года нашей дивизии придали кадровый кавалерийский полк полного состава с задачей: прорвать оборону противника в полосе 242-й дивизии. Утром полк пошел в атаку.

Противник пустил навстречу около двух десятков танков, умело поддержанных интенсивным минометным огнем. Что могли сделать лихие кавалеристы против танков? Все поле боя было усеяно трупами людей и коней. Как и следовало ожидать, атака захлебнулась в самом начале.

Пожалуй, единственным родом войск, оказавшимся на уровне современной военной техники к началу войны, была артиллерия. Стреляли артиллеристы прицельно и быстро. Жаль только, что всегда не хватало снарядов. 45 и 76-миллиметровые пушки были надежными защитниками пехоты, а когда в конце июля произвела первый выстрел легендарная «Катюша», то с передовой убежали и немцы, и наши! К большому сожалению, реактивных минометов было в 1941 году так мало, что выстрел этот на участке обороны нашей дивизии был единственным.

• Как ловили шпиона

1 сентября командный пункт полка, а вместе с ним и наша рота были отведены на три километра от передовой, как это положено по Боевому уставу пехоты. Поблизе к войскам, на окраине деревни Свиты, был размещен оперативный отдел штаба. Местность хорошо просматривалась противником и простреливалась. Но это не мешало колхозникам убирать урожай. Один из стариков собирал женшин, и те серпами жали, а потом цепями молотили поспевшие колосья. Когда начинался обстрел, женщины садились у межи, спокойно глядя в небо и покусывая травинки. Кончался налет — продолжалась работа.

В этом сочетании войны и труда было что-то символическое: «А жизнь продолжается!». Временами взору являлась самая мирная картина: железные поля, почти нетронутая деревенька, скрип колесного журавля, даже песня жаворонка над жнивьем...

Как далеко то спокойное, хорошее мирное время! Как хочется в него вернуться! Какой несбыточной мечтой кажется прекрасная мирная жизнь!

Да, поведаю, как мы ловили шпиона. Типичная история.

Однажды, около полуночи, наш связист заметил сигналы, передаваемые в сторону противника из бани, стоящей на горке в конце деревни. Я в эту ночь был в деревне и спал на контрольной станции.

— Товарищ командир роты, в деревне шпион. Сидит в бане и передает сигналы, — доложил мне солдат. Сон как рукой сняло. Взял с собой рядовых Чепурко и Гераймовича, и мы поползли по-пластунски, по всем правилам военной науки брать шпиона.

Подползли к баньке. Я достал пистолет и вставил в гранату запал. Пытаюсь прочесть световые сигналы, но ничего не могу понять. Это не азбука Морзе, да и вообще в передаче нет никакой системы и последовательности.

Осторожно заглядываю в окно. В бане моется старик. На полке стоит огарок свечи, и когда старик двигается, пламя то закрывается, то открывается...

Посмеялись, велели старику завесить окно для светомаскировки и пошли досыпать, очень довольные, что схватили со шпионом не получилось.

«Привет»

Утром 3 октября 1941 года немцы начали массированный артиллерийский обстрел, сначала передовой, а затем тылов полка и дивизии. В полукилометре от нас вспыхнул склад боеприпасов и началась серия мощных взрывов и выстрелов. Не зная в чем дело, мы решили, что в тыл прорвалась большая группировка противника.

Стоял невообразимый грохот. Все линии связи были нарушены. Начальник связи Трефилов куда-то исчез. Помощник начальника штаба приказал мне собрать роту и двигаться к деревне Холопово, там остановиться и окопаться. Вскоре прибежали связисты из передовых батальонов с телефонными аппаратами. Кабель спасти не удалось, да и не до него было.

Построились и начали движение по маршруту. За нами ехали двуколки с остатками имущества и кухни. Спереди и сзади беспорядочно отходили остатки передовых частей.

Через полчаса нас догнал грузовик, полный солдат, одетых в новенькое обмундирование. На ходу старший лейтенант крикнул из кузова: «Почему так растянулись? Нет никакого порядка. Подтянитесь и ускорьте движение!»

Грузовик обогнал нас и вскоре доехал до деревни Комары. Впереди взлетела серия красных ракет и начался сильный пулеметный и автоматный огонь по колонне. Оказалось — на грузовике ехали передетые немцы.

Для боя у нас было мало сил. Заметались кони в упряжках. Свернуть с дороги некуда. Бойцы вместе со мной бросились в лес слева от дороги. Бегу, а в голове

одна мысль: если догонят или ранят — застрелюсь или взорву гранату. Другого выхода нет. Но, на наше счастье, немцы в лес не побежали.

Немного отдышавшись и избавившись от «медвежьей болезни», мы углубились в чащу и пошли по маршруту к деревне Холопово, где был указан пункт сосредоточения.

Мы уже не могли выполнять связистских задач. Из имущества роты сохранились две радиостанции и немного телефонных аппаратов. Оружие и саперные лопатки есть у каждого. Это никто не бросит!

Из состава роты сохранилось человек 40. Добрались до деревни, разместились на ее окраине и сразу начали окапываться. Война научила, что первая защита — это матушка-землица.

В лощине понемногу собираются остатки разбитого 900-го полка. Собралось человек около двухсот...

Пока тихо. Командир полка небритый, в порванной гимнастерке, с кровоподтеком на лице, приказывает настраивать радиостанцию на волну командира дивизии и передать ему одно слово: «Привет». Даже текста радиogramмы не написал. Вижу, радист Малахов бежит ко мне.

— Кажется, командир полка сошел с ума после контузии. Можно ли передавать эту устную радиogramму? Бегу к командиру полка.

— Скажите, больше в радиogramме ничего не будет? Правильно ли вас понял радист? Подобных радиogramм мы еще не передавали.

— Вам я могу сказать. Это сигнал, что полк перестал существовать, — с горечью проговорил командир полка.

Вскоре к остаткам полка присоединился целый взвод пулеметной школы, отыскивающий свою часть. Стало спокойнее. Ведь это сила — сорок курсантов с 15 пулеметами! Хотя ребята еще не обстрелянные, но свое дело знают и пулеметом владеют. Это они вскоре доказали на практике.

Ближе к вечеру нас обнаружила какая-то немецкая часть, следующая через деревню. Наши пулеметы открыли ураганный огонь, постреляли и мы из своих винтовок. Пулеметы поработали здорово: никогда за всю войну я не видел сразу столько убитых немцев.

Но солдаты противника залегли и открыли прицельный огонь из автоматов, а их минометы начали подавлять наши пулеметные точки.

Одна из мин угодила в окоп, где мы лежали вчетвером: лейтенант Кулагин, рядовой Мокрецов, которого все за его маленький рост звали по имени и отчеству — Василий Карпович, сержант Хонин и я.

Очнулся на короткое время. Надо мной склонился санитар и прикладывал к ноздрям вату с таким сильным запахом, что, кажется, очнулся бы и мертвый. Потом мне бросилось в глаза — половина туловища Кулагина и оторванная голова Мокрецова... Я снова потерял сознание...

О начальном периоде Великой Отечественной войны у нас воспоминаний мало. Ведь буквально по пальцам можно пересчитать тех, кто встретил войну на острие штыка и мог бы объективно, не используя фломастер только одного цвета, рассказать о ней правду.

Писать о войне можно только то, что видел собственными глазами и пропустил через свое сердце. Военная связь, в войсках которой служил автор, дала ему возможность понять тактику, а иногда и стратегию руководства боем. Ведь никто не знает обстановку, приказы, распоряжения и ход боя, как знают это связисты.

Автор взялся за перо почти через четыре десятилетия после событий, о которых ведет повествование. Разглядеть и объективно оценить их помогло ему время, расставившее все по своим местам.

Каждый бой, в котором ты участвовал, оставляет если не рубец, то отметину в сердце. Постепенно она зарубцовывается, но никогда не исчезает. Тем более та, что появилась в первые, самые трудные годы войны. В стихотворении уральского поэта Б. Великанова, погибшего на фронте, есть такие строки:

Он тебя в семнадцать лет заставил
Пережить на сотни лет вперед.
Он тебя унижал и прославил,
Сорок первый, самый трудный год!

Помнить о войне, знать о ней нужно потому, что совершенное народом — беспримерно. Это был подлинный взлет духовных сил народа. Мы все почувствовали себя гражданами, ответственными за судьбы Отечества. А такое не забывается. Оно — лучший учитель будущего.

Публикация и послесловие И. Семенчика

ПРОТИВОТАНКОВЫЕ БУТЫЛКИ

**Виталий ДОВГОПОЛ,
доктор технических наук**

В начале Великой Отечественной войны для обороны потребовалось очень много обыкновенного белого фосфора.

Его хранили и перевозили в металлических сосудах... под водой. Потому что он не растворим, а на воздухе легко окисляется и самовоспламеняется, образуя густой белый дым. Именно это свойство белого фосфора используется в зажигательных боеприпасах (снарядах, авиабомбах, гранатах, трассирующих пулях, зажигательных бутылках) и дымообразующих средствах для маскировки местности и войск. Во время войны фосфор входил в первый десяток (под № 7) важнейших веществ.

Обычно элементарный фосфор получали в закрытых электрических печах из фосфоритной руды, путем его восстановления углеродом. Пары фосфора отводились и конденсировались под водой, превращаясь в воскообразную массу. Началась война, использование такого способа производства было ограничено из-за не-

хватки электрических печей и электроэнергии. И тогда сработала русская смекалка. Metallурги и химики России предложили и освоили уникальное производство фосфора — в доменных печах. Ранее нигде в мире такой способ не применялся.

Большой знаток фосфорной промышленности академик С. И. Вольфович так отзывался о находчивости уральцев: «Эти опасные и трудные работы вызывали и до сих пор вызывают восхищение специалистов».

По распоряжению Совнаркома на Нижнесергинском и на Верхнесинячинском металлургических заводах белый фосфор производили все годы войны.

Пары фосфора просачивались в окружающую среду, загрязняя ее. Производство было весьма вредным, работали в противогазах. Рабочая смена длилась шесть часов, бригады менялись ежемесячно, выходя на отдых и лечение. Работа шла совершенно секретно.

В организации производства элементарного фосфора в доменных пе-

чах уральским металлургам оказали помощь сотрудники НИИУФ — научно-исследовательского института удобрений и инсектофунгицидов (Москва). И также доменщики Уральского института черных металлов под руководством инженера К. М. Макриевича, который после войны работал преподавателем металлургического факультета Уральского политехнического института. Он часто рассказывал студентам такой случай. Однажды зимой он ехал поездом из Верхней Снячихи и спал на верхней полке неосвещенного вагона. В темноте валенки его испускали бледный свет. Заметив это, пассажиры разбудили светящегося попутчика. И сообщили ему, что у него горят валенки. Он их успокоил: это огонь, но холодный...

Во время Великой Отечественной войны белый фосфор широко применялся в бутылках с зажигательной смесью. Они использовались в первый период войны, в оборонительных боях, для борьбы с фашистскими танками, когда у Советской Армии еще не было достаточного количества противотанкового оружия. Во время обороны Сталинграда только за 5 месяцев 1942 года перед наступлением наших войск было применено 150 тысяч бутылок с уральской начинкой.

ВРАЧ КОНЦЛАГЕРЯ «УМАНЬСКАЯ ЯМА»

**Леонид СУРИН,
краевед**

«Уважаемые товарищи,— писала в уральский город Юрюзань Мария Михайловна Мельниченко, бывшая связная и разведчица партизанского отряда.— Я обращаюсь ко всем, кто знал майора медицинской службы Акшенцева. Он был среди тех, кто активно боролся с фашистами в тяжелейших условиях концлагеря...»

На письмо разведчицы ответил сам Владимир Иванович Акшенцев, рентгенолог медсанчасти Юрюзанского механического завода. «Уважаемая Мария Михайловна! Ничего героического в Великой Отечественной войне я не совершал. Делал свое обычное дело...»

Вскоре в Юрюзань из украинского города Умани почта доставила новое письмо. «Уважаемый Владимир Иванович! Вы не можете себе представить, как я рада, что Вы живы и откликнулись,— писала Мельниченко.— О Вас мне рассказал один из тех, кому Вы помогли вернуться к жизни.

Этот товарищ тоже из 507-го

корпусного артполка. Он был тяжело ранен, в «Яме» начал слепнуть, ему грозил паралич. Поэтому он считает счастьем, что встретил Вас, комиссара Давнего и заместителя командира полка Самарина. Он рассказал, что Вы, как могли, в тех тяжелейших условиях лечили раненых, а Давний и Самарин, переодетые, числились при Вас санитарями. Однажды комиссар сказал ему, что в лагере есть организация, связанная с местным подпольем, и что через подпольщиков его обязательно вынесут из «Ямы».

И действительно, когда немцы пошли кормить овчарок и завтракать, к оставшемуся на вышке часовому подошли три девушки, «заговорили» его, отвлекли внимание. А в это время к проволоке, незаметные, подошли еще двое. Вы с «санитарями» подвинули раненого под первый ряд проволоки, а девушки вытащили его из-под второго ряда, перенесли в село. Там раненого выходили. Поправившись, лейтенант добрался до Бе-

лоруссии, стал командиром партизанского отряда, а после войны учительствовал.

Вот такие, дорогой Владимир Иванович, Ваши «крестники». Вы не просто исполняли долг врача...»

А потом в дом Акшенцевых пришло письмо из Минска. Написал его Владимир Васильевич Кадышев, ныне персональный пенсионер. Он-то и был тем самым лейтенантом-артиллеристом, которого лечил в гитлеровском концлагере «Уманьская яма», а затем помог выбраться на волю военврачу третьего ранга Акшенцеву.

И это письмо не единственное. Писали Владимиру Ивановичу спасенные им Арон Абрамович Спарбер из Одессы, Степан Иванович Казанцев из Челябинска... Его Акшенцев спас и выходил в фашистском концлагере «12-А» в Лимбурге, когда Казанцев больной и истощенный был на грани отчаяния и уже потерял всякую надежду выжить.

После войны он работал в Челябинске сталеваром. Умер в прошлом году.

г. Юрюзань

Однажды в Пензенском архиве узнал я о существовании незнакомой книги — «Исторический очерк Пензенской 1-й гимназии с 1804 по 1871 г.». Оказывается, гимназия ведет свое начало от народного училища, открытого при императрице Екатерине еще в 1786 году! «Пензенские губернские ведомости» сообщали, что живейшее участие в ней приняло местное дворянство. Значительные пожертвования пензенских дворян на учебное дело вызвали даже благодарность императора Александра I.

На мой запрос о книге П. П. Зеленецкого «Исторический очерк Пензенской 1-й гимназии», изданной в Пензе в 1889 году, работники областной научной библиотеки имени М. Ю. Лермонтова откликнулись быстро.

— Да, у нас хранится такая книга, — сказала заведующая библиографическим отделом Н. И. Забродина. — Не припомню, чтобы кто-нибудь из читателей ее спрашивал.

И вот я держу в руках тоненькую книжницу в темно-зеленой обложке с золотым тиснением на ко-

режке. А в ней — воспоминания одного из одноклассников воспитанника Пензенской гимназии Виссариона Григорьевича Белинского!

Гимназист Константин Максимов вспоминает: «Помню хорошо наружность этого молодого гимназиста: он был среднего роста, худощав, более блондин, нежели брюнет, крупные черты лица его были суровы. По отзывам моих знакомцев гимназистов, Белинский вел жизнь как-то замкнуто, отчужденно, не любил общества, чуждался товарищей, но научные успехи его были несомненны; был прилежен и терпелив, поведения безукоризненного...»

Сын уездного врача из города Чембара Пензенской губернии поступил в 1-й класс гимназии 1 августа 1825 года, 14-ти лет от роду. (В школьных журналах и ведомостях фамилия гимназиста писалась Бельинский.)

Автор очерка инспектор Пензенской гимназии П. П. Зеленецкий предположил своему рассказу «Ведомость об успехах воспитанника гимназии Виссариона Бельинского». Из этой ведомости, скрепленной собственноручно директором Григорием

Абрамовичем Протопоповым и подписями всех преподавателей, явствует, что ученик 3 класса Виссарион Бельинский пропустил в декабре 10 уроков «по лености», что способности и поведение его аттестованы баллом 4, что за первую половину учебного года он пропустил 30 уроков «по воле родителей» и опоздал по их же воле 20 раз.

Как свидетельствует автор, двойки и единицы Белинского в 1 классе не помешали ему быть переведенным во 2-й и даже получить в награду малый похвальный лист.

Интерес Белинского к российской словесности проявился еще в младших классах гимназии. Это подтверждается и документами гимназии. В «Ведомости» — «Чему научились дети по окончании 3-го класса» — старший учитель Шапошников дал такой отзыв: «По классу Российской Словесности. Пройдена общая Риторика вся. Занимаемы были сочинением хрищ, рассказов и периодов, также переложением стихов в прозу и переводили с Славянского языка на Российский. Отличнейшие ученики по прилежанию и поведению: Бельинский, Максимов, Слепцов, Павел Попов, Попов 2-й и Казыцын».

Представляют интерес и воспоминания другого воспитанника гимназии — профессора Московского университета Федора Ивановича Буслаева о Белинском, написанные специально для истории гимназии.

«В 1829 году, когда поступил я в 1-й класс Пензенской гимназии, — вспоминает профессор, — прежний учитель русского языка выбыл, а нового определить еще не успели. Тогда на несколько месяцев гимназическое начальство поручило обучать нас гимназисту Бельинскому. Он уже кончил курс в это время, но оставался в Пензе, потому что не имел средств ехать в Москву, где намеревался поступить в университет. Он много нам диктовал и заставлял нас учить наизусть стихи, из которых как сейчас помню: «О дети, дети! Как опасны ваши лета» и «О ты, пространством бесконечный».

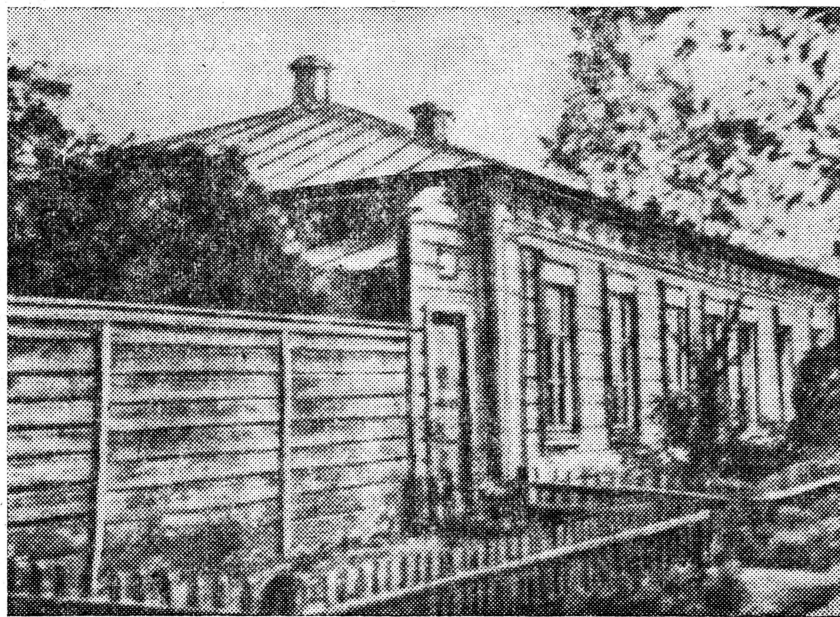
В родных местах писателя, в бывшем Чембаре (ныне г. Белинский Пензенской области), открыт литературно-мемориальный музей. Он расположен в двух зданиях: в доме, построенном отцом критика в 1818 году, и в бывшем уездном училище, где учился Белинский в 1822—25 годах.

На снимке: дом в Чембаре, где прошло детство В. Г. Белинского.

г. Саранск

Гимназист Белинский

Григорий
ПРЕКИН,
журналист

История в лицах

**Борис
ВАЙСБЕРГ,**
инженер

Фотография на стене

Иногда навещаю дома Михаила Михайловича Ковалевского. Это бывший главный конструктор турбин нашего завода. Давно на пенсии, но творить не перестал. Пишет воспоминания, выпустил книгу записок конструктора.

Тем временем газовые турбины, созданные им, исправно подают природный газ в наши с вами квартиры. Качают голубое топливо по магистральным газопроводам.

Михаил Михайлович идет на кухню. Ставит на плиту чайник, зажигает газ. Этот газ доставлен сюда турбинами его конструкции. Это наши турбины. Вот их главный конструктор.

Мы пьем чай, и я поглядываю на фотографию, что висит на стене. На ней двое в старомодных костюмах конца прошлого века. Интересно, кто это? Следует рассказ. Это копия с картины, написанной сестрой Ковалевского. Заслуженным художником Узбекистана З. М. Ковалевской. Сама картина экспонируется в музее города Вольска Саратовской области.

Двое — это отец В. И. Ленина Илья Николаевич Ульянов и дед Ковалевских — Василий Григорьевич Зимницкий. Они вместе работали в Вольске на ниве народного просвещения. Илья Николаевич — инспектор народных училищ, а Василий Григорьевич — словесником. Был он известным преподавателем, автором книг о русском языке.

Переехав в Симбирск, Ульянов вызвал Зимницкого к себе. И вновь они работали вместе. Один из моментов этого содружества и запечатлен на картине З. М. Ковалевской.

Звонок из прошлого

Сию после работы, листаю книгу, купленную в обеденный перерыв. Сборник воспоминаний о Я. Б. Гамарнике. Ян Борисович — видный деятель партии и государства, заместитель наркома обороны страны. Погиб в 1937 году.

Есть в сборнике и статья К. Е. Ворошилова о Гамарнике. Наш завод до недавнего времени носил имя Ворошилова. Со смешанным чувством читаю его статью — хвалеб-

ную. Теперь-то мы знаем об истинной роли Климента Ефремовича в разгроме наших военных кадров. В том числе и в гибели Гамарника. Читать тяжело, неприятно, но надо.

Вдруг звонок. Звонит инженер Валентин Яхнис: «Хорошо, что ты не ушел. Срочно нужен акт экспертизы. Можно к тебе? Уже иду». Валентин Александрович закончил диссертацию. Требуется разрешение на публикацию автореферата, а я — секретарь комиссии.

Скоро Яхнис собрался уходить, а, увидев книгу о Гамарнике, обрадовался. Сказал, что у него тоже есть такая. И вообще, Гамарник — его дядя.

Тесен мир! Снова время будто сжимается. Пятьдесят лет превращаются в пять минут.

Когда Гамарник, оклеветанный и знающий, что его ждет, покончил с собой, над семьей его сестры тоже нависла опасность. Родственная связь с врагом народа!.. Однажды кто-то (друг народа?) позвонил и предупредил: ночью их арестуют, мать с маленьким Валей. «Хотите жить — немедленно скройтесь. Затеряйтесь где-нибудь...»

Уехали на Урал. Оказались в Свердловске. С тех пор Валентин Александрович здесь и живет. Ветеран завода, один из ведущих специалистов по газовым турбинам.

«Знаменитый Ф...»

За обедом в заводской столовой инженер Ким Наумович Шехтер показал мне фото двоюродного брата: симпатичный морской офицер со звездой Героя Советского Союза. Командир подводной лодки «Малютка» И. И. Фисанович погиб на Севере в 1944 году при неясных обстоятельствах.

Потом показал мне Шехтер вырезки из газет военного времени. Более десяти вражеских кораблей потопил Фисанович... Проник во вражескую бухту и потопил там транспорт... В одном походе уничтожил два корабля... Впервые успешно провел бесперископную атаку...

Дома у Шехтера оказался целый маленький музей о брате. Вот портрет И. И. Фисановича кисти художника А. М. Герасимова. Точнее —

Когда много лет работаешь на одном месте, узнаешь массу интереснейших историй. Вдруг среди текучести сверкает нечто такое, что заставит сильнее забиться сердце. Сама история словно надвигается на тебя, сплющив время. И ощутишь ее горячее дыхание.

Люди, живущие и ушедшие, становятся ближе, понятнее, роднее. История будто оживает в лицах. То, что было давно, оказывается совсем близко, рядом. Стоит только протянуть руку.

Несколько таких историй хочется рассказать.

фотокопия, присланная из Третьяковской галереи, где хранится оригинал.

Вот книга В. А. Каверина «Два капитана». Там упоминается о «знаменитом Ф.», который потопил очередную корабль с помощью капитана Сани Григорьева. Письма от писателя Каверина, где он подтверждает, что «знаменитый Ф.» — это Фисанович. Каверин хорошо знал Израила Ильича, писал о нем очерки.

Кадры из документального фильма «Великая Отечественная»: Фисанович вручают американский орден «Морской крест»... Фисанович получает новую лодку «Новосибирский комсомолец»... Письма Фисановича родным в город Троицк Челябинской области. В том числе братишке Киму Шехтеру...

Мечтал Ким Наумович побывать на Севере, в местах, где воевал Фисанович. Звал меня с собой. Мы уже начали готовиться. Не успели: Шехтера не стало. Я один выполнил его последнюю волю. Был на побережье Баренцева моря, в части, где плавал Фисанович и где он прописан навечно. Спускался в лодку, нашел новые документы. В Полярном бродил по улице имени Фисановича...

Материалы, собранные нами, послал в Ленинград — сыну Героя Тарасу Фисановичу. Он ответил, что использует их в книге об отце, которую составляет вместе с писателем В. А. Кавериним. И еще сообщил: подтверждается версия о том, что лодку Фисановича потопили англичане. Может быть, случайно...

Очаковец

От нескольких людей слышал историю без начала и конца. Будто работал на заводе человек по фамилии Сапрыкин. Мастером в моторном цехе. Ходил в тельняшке, был молчалив. Кто-то слышал, что называл он себя очаковцем. Неужели — с того самого легендарного крейсера?

Умер Сапрыкин в середине 60-х. Когда я пришел на завод. Значит, мог его встретить?

Долго рассказывать, как все же вышел я на следы Сапрыкина. Нашлась его внучка — Тагьяна Владимировна Еременко, преподаватель

Свердловского пединститута. И вот держу в руках справку из областного партархива. Читаю ее, действительно, словно увлекательную повесть, романтическую и драматическую.

Максим Григорьевич Сапрыкин родился в 1889 году во Владивостоке в семье кузнеца. Член партии с 1919 года. Работал во Владивостокском порту. С 1909 по 1912 год — служил в армии на Черноморском флоте, старшим унтер-офицером на крейсере «Кагул» (бывший «Очаков»). Вот почему «очаковец»! После поражения восстания крейсер был переименован. Но моряки продолжали называть себя по-старому. И готовили новое восстание.

На «Кагуле» Максим Сапрыкин вступает в нелегальную ячейку РСДРП. За подготовку восстания на крейсере арестован и сослан во Владивосток на плавучую тюрьму.

Освобожден по амнистии в ознаменование 300-летия царствования дома Романовых. Служил в Сибирском флотском экипаже, заведовал мастерской. В начале 1917 года назначен старшим охраны эшелона боеприпасов, направленного в Петроград. Боеприпасы были переданы рабочим восставшего Питера.

В 1917—18 годах плавал на миноносце «Бойкий», был членом судового комитета. Попал в плен к англичанам, из Гонконга был возвращен во Владивосток. Затем слесарил на Белорецком металлургическом заводе (Южный Урал). Заведовал школой ФЗУ.

С 1922 года — директор Юрюзанского (Инзерского), затем Миасского заводов. После окончания курсов Красных директоров в Свердловске назначен директором Кушвинского, затем Уфалейского заводов. Наконец — управляющий трестом нерудных ископаемых объединения «Востоксталь» в Свердловске. В 1935—37 годах управляющий Свердловским трампарком. Арестован органами НКВД. В 1938-м оправдан и освобожден. Работал на Уралмашзаводе.

С 1939 по 1956 г. — мастер на Свердловском турбомоторном заводе. В этом же году восстановлен в партии со стажем с 1919 года. Умер в 1967 году.

Как рассказала мне Татьяна Викторовна, дед почти ничего родным не говорил. Почему? Тайна ушла вместе с ним.

Но имя Максима Григорьевича Сапрыкина, одного из первых красных директоров на Урале, внесено в книгу Памяти жертв сталинских репрессий.

«Это же мой Витька!..»

— Помните фотографию — Ленин среди делегатов X съезда РСДРП? — спросил Михаил. — А человека слева

и чуть сзади Ленина представляете? Он в папаче.

Оказалось, человек в папаче — дед Михаила. Зовут Виктор Нижечик. Свет Михаил меня и с семьей Нижечиков, живущей в городе Шекино Тульской области. Вскоре я получил от дочери Нижечика Валерии Викторовны ответ на свое письмо.

«...Меня всегда интересовал вопрос, как отец оказался рядом с Лениным? И вот в феврале этого года (1988) по телевизору показывали документальный фильм о Ленине. В кадрах за 1921 год есть эпизод, как по проходу к Ленину идет молодой парень в шинели. Диктор комментирует, что это один из делегатов X съезда направляется к Ленину, чтобы передать ему просьбу молодежи сфотографироваться вместе. Этот парень и стал впоследствии моим отцом. Мама сразу узнала его: «Батюшки, да это же мой Витька!»

Родился Виктор Нижечик в 1902 году в Ижевске. Член партии большевиков с 1918 года. Первый секретарь губкома комсомола в Вятке (Киров). Создавал комсомольские организации в Удмуртии. Затем член губкома партии в Ижевске. Отсюда избран делегатом на X съезд партии.

После гражданской войны становится инженером, работает на вагоностроительных заводах Твери, Мытищ в Москве. Арестован в 1937-м, умер в заключении. Валерия Викторовна прислала копию справки о реабилитации. Жива и жена Виктора Нижечика, ее исключили из партии за защиту мужа. Недавно восстановили с сохранением партстажа.

Далее выясняется, что на той же групповой фотографии с Лениным есть еще один Нижечик, родной брат Виктора — Илья. Он стоит в задних рядах. Впоследствии зам. начальника Военно-политической академии в Ленинграде. Репрессирован, расстрелян, реабилитирован...

Вообще, семья Нижечиков большая и интересная. Еще один брат был редактором областной газеты в Иркутске. Четвертый работал в типографии «Уральский рабочий», сестра — на одном из заводов в Свердловске.

Второе поколение Нижечиков повторило судьбу своего времени. Многие защищали Родину в годы Великой Отечественной войны. Из третьего поколения сейчас трудится в Свердловске главный врач областной станции переливания крови Ю. С. Нижечик. А Михаил Комм у нас на «Турбинке» заведует сектором узлов регулирования турбин. Увлекается историей — она для него одушевлена образами дедов, которых он никогда не видел, кроме как на известной фотографии.

Красная тетрадь

Телеграмма, адресованная «на деревню дедушке», нашла меня на огромном заводе. Передавая ее мне, вся канцелярия весело переглядывалась: «Обнимаю, целую за нашего учителя. Вы сделали великое дело. Эльга Позерт».

С любопытством ждал я послания от таинственной незнакомки из города Глазова. Догадывался, конечно, о каком «великом деле» она пишет. Видимо, прочитала мой очерк об учителе в «Уральском рабочем».

В 1923 году в Екатеринбургe появился невысокий, плотный молодой человек. Молчаливый, слегка заикающийся. Ходил всюду с красной толстой тетрадкой, часто что-то записывал в нее. Звали его Генрих Эйхлер. Стал он редактором «Рабочего журнала» Уралоблпрофсовета.

Он — участник штурма Зимнего и гражданской войны. Воевал под командой Николая Маркина, а после его гибели — Ларисы Рейснер. Воспитанник Владимира Галактионовича Короленко. Переписывался с его семьей.

Через несколько лет Эйхлера вызвали в Москву. Н. К. Крупская разглядела в молодом человеке талант редактора литературы для юношества. Направила его в Детгиздат.

В Детгиздате Эйхлер выпустил в свет сотни книг. Энциклопедическая эрудиция, интеллигентность и порядочность привлекают к нему писателей.

С началом войны Эйхлера, как немца, выслали в карагандинский край. Здесь он преподавал в школах литературы. Мне повезло: я учился у него. Умер Эйхлер в 1953, похоронен в Караганде.

Недавно мне посчастливилось поднять его домашний архив, бережно сохраненный его женой Н. Ф. Ходня. Она сейчас живет в той же карагандинской квартире, где жил и умер муж. Среди бумаг я нашел массу писем: от Чуковского и Паустовского, Федина и Тихонова, Эйхенбаума и Шкловского, Благининой и Ильиной...

Сохранились десятки тетрадей с записями, дневниками, набросками произведений. А вот и красная тетрадь, с которой он ходил по Екатеринбургу.

Генрих Эйхлер стоял у истоков советской литературы для детей и юношества. А потом стал жертвой дикой сталинской национальной политики. Так же, как и немка Эльга Позерт, ныне известный врач в Глазове. Она тоже училась у Эйхлера.

Право же, тесен мир! Убеждаюсь в этом, когда беру в руки старую тетрадь в красном переплете, испisanную мелким, но четким почерком Эйхлера... г. Свердловск

ТАНКИ НА ПЬЕДЕСТАЛАХ

**Петр
КОЛЕСНИКОВ**

Учащиеся Нижнетагильского горно-металлургического техникума несколько лет ведут поиск и сбор материалов о памятниках-танках, установленных у нас в стране и за рубежом в честь героев-танкистов, участников Великой Отечественной войны, и танкостроителей. Они собрали сведения о 286 танках-памятниках.

Напоминая о ратных заслугах, стоят на постаментах боевые машины — в Волгограде, Каменец-Подольске, Чернигове, Львове, Перми, Челябинске, Праге... Прославленные «тридцатьчетверки», старые маленькие БТ-7, тяжелые КВ, Т-70, ИСы. Вечные «граждане» городов, они нередко имеют свои имена, названия: «Гвардия», «Беспощадный»... «Тамбовский колхозник», «Комсомолец Забайкалья» и другие напоминают о былой принадлежности к целым колоннам. Стоят танки, первыми ворвавшиеся когда-то в освобожденные города; стоят танки, экипажи которых прославили себя подвигом, или сгорели заживо, или остались в бесшумной безымянности. Попав в пекло боя, пересиленные врагом, они не выключали обреченно моторов, а обрушивались на вражеские колонны, склады, штабы, били из пушек, давили гусеницами. Многих имена известны. Славою покрыты фамилии супругов Бойко, отличившихся на танке ИС в боях под Даугавпилсом, стрелка-радиста В. Чернышенко, тринадцать дней в подбитом танке отбивавшемся от фашистов!.. Но, как правило, больше танков-памятников без указания имен на мемориальных табличках.

Машины разделяли судьбу своих экипажей, и их военная жизнь так

же доблестна, героична, а порой неожиданна. Во время наступления в районе поселка Дробышева Краснелиманского района один из танков, переправлявшихся через реку, провалился под лед и затонул. После войны местные жители не раз пытались выволочь танк из речного плена, и вот спортсменам-аквалангистам А. Жилину и В. Семенихину удалось под слоем трехметрового ила, на глубине в шестнадцать метров, отыскать боевую машину. Подняли танк с помощью работников локомотивного депо, карьероуправления и других коллективов. Три недели земснаряд размывал и отсасывал грунт, чтобы облегчить доступ, два мощных трактора подняли затонувший танк. Останки героя-танкиста были с почестями похоронены, а танк в 1975 году был установлен на Гвардейской площади города Красный Лиман Донецкой области.

За каждой фотографией, за каждой справкой о вновь обнаруженном памятнике — история бригад, корпусов, армий, прославленные фамилии генералов Рыбалко, Гречко, Ротмистрова... Конечно, в коллекции Нижнетагильского горно-металлургического техникума имеется богатый материал об Уральском добровольческом танковом корпусе, который от Курской дуги до Берлина и Праги за двадцать два месяца войны прошел с боями более 20 тысяч километров. Весомый вклад в разгром фашистских полчищ внес и тыловой Урал: из 102,5 тысячи танков, изготовленных в годы войны советской промышленностью, большая часть приходится на уральские города — Нижний Тагил, Свердловск, Челябинск. Один только Уральский танковый завод дал фронту тысячи боевых машин. 34 999 машин ушли на фронт, а Т-34 за номером 35 000 7 мая 1945 года установлен на постамент перед проходной завода в Нижнем Тагиле.

В октябре сорок первого наши «тридцатьчетверки» из бригады молодого полковника М. Е. Катукова разгромили колонну гудериановских танков — впервые так очевидно проявилось превосходство советских машин над хваленными гитлеровскими... Эта победа положила начало танковым гвардейским частям; памятник первым гвардейцам установлен на древних валах города Мценска Орловской области.

В честь тружеников Танкограда стоит памятник на Комсомольской площади в Челябинске, где довоенный тракторный завод в годы войны перешел на выпуск тяжелых танков. Танк ИС-3, установленный на пьедестале, был лучшей машиной в мире по своим тактико-техническим и боевым качествам и намного пре-

восходил фашистские «тигры» и «пантеры». А быстрая, легкая «тридцатьчетверка» навечно стала на мирный пост перед Домом офицеров в Перми — в городе, где была сформирована 62-я Гвардейская танковая бригада. Такие же «тридцатьчетверки» стоят в Волгограде — перед судостроительным заводом и у проходной тракторного завода.

Все, что годилось для производства мирной продукции, было переориентировано в начале войны на выпуск вооружения. Из паровозов и вагонов рабочие делали бронепоезда, из нефтеперегонных труб — минометы, из тракторов — танки. Один из таких танков — гусеничный трактор, обшитый стальными плитами, был сохранен. Сейчас на него без снисходительной улыбки и смотреть нельзя; и эта «техника» была фашистов?!.. Била, да еще как! А над видимой грозностью ее в Одессе, где сохранили эту машину, сами одеситы подшутили, придумав для танка свою марку — НИ, что означает «на испуг».

В городе Борисове Минской области стоит на пьедестале Т-34. Это было в июне 1944 года. Танкистам предстояло с ходу проскочить два моста. Из четырех танков прорвался только один. Начался его героический рейс по Борисову, переполненному фашистами... Танкисты знали, что возможность остаться в живых у них ничтожно мала. Что ж, если погибать... И вот танк у немецкого штаба — бьет из пушки и пулеметов, выскакивает из окон в панике фашисты. Танк мчится к базам вооружения — взлетает на воздух склад. Горит колонна автомашин, пылает бензосклад... Гитлеровцы ошеломленно орали в эфире: «Ахтунг, ахтунг! Русские пантеры!» Опомнившись, фашисты устроили засаду из тяжелых танков у перекрестка автостреды Москва — Минск. В неравном бою советская машина была подбита и сожжена. Экипаж погиб. Более шестнадцати часов вели неравный бой трое советских танкистов. Вот их имена: украинец Павел Рак, смолянин Алексей Данилов, сибиряк Александр Петряев.

г. Нижний Тагил

Под красным знаменем

ПРОТИВ

КРАСНЫХ

(Краеведческие очерки)

Еще в 1917 году поселок Ижевский завод был оплотом большевиков. С него началось шествие Советской власти по Вятской губернии.

Однако в следующем, 1918 году здесь произошла невероятная перемена, и рабочий Ижевск, в котором «буржуев» и дворян днем с огнем не сыщешь, превратился в «осиное гнездо контрреволюции». Что же произошло?

Игорь
КОБЗЕВ

Похороны меньшевика А. Сосулина, убитого в 1918 году красноармейцами.

Ижевская революция

Даже в отличие от современного почти 700-тысячного Ижевска дореволюционное село Ижево по концентрации индустриальных рабочих опережало многие крупные города. Например, в 1916 году здесь проживало 150 тыс. человек и из них 40 тыс. рабочих.

Имело село и другую особенность. За первые 100 лет существования оружейного производства в самом Ижевске вплоть до 1918 года военных действий не происходило, и в то же время для коренных жителей села война и перевооружение армии считались благом: это давало работу, высокий заработок, сытую жизнь. А от фронта спасала броня.

В такие времена мастеровой народ заметно оживал. В селе вырастали новенькие дома. Ввиду притока иногороднего люда подскакивали квартирные цены. Редкий мастеровой не обзаводился собственной лошадью с городской упряжью. В праздники и воскресенья по Троицкому «проспекту» села с шестнадцатью церквями и часовнями

двигались непрерывно вереницы шегольских санок или тарантасов смотря по сезону. Застой в торговле сменялся процветанием.

Но вот перевооружение армии заканчивалось. Работы сокращались, приезжих рабочих и женщин увольняли. Мастерской, получавший 70 рублей в месяц, теперь довольствовался двадцатью. Цены на квартиры понижались наполовину. Падала торговля. Появлялись нищие. Среди них преобладали дети ижевских мастеровых. Они же работали в мастерских, пронизанных густыми парами серной кислоты. Через два месяца мальчики получали явные признаки отравления: кожа трескалась, глаза с синими подглазниками глубоко впадали, лица обретали цвет воска, и зубы чернели. Женщины разделяли нелегкий и опасный труд своих мужей и детей. Их использовали на «поторажной» работе, где мужчины за 25, а женщины за 15 копеек грузили на подводы чугунные слитки, таскали в ящиках стальную замасленную стружку, чистили двор. Многие заколачивали свои избы, уезжали на заработки, даже на Восточно-Китайскую железную дорогу в Харбин и Владивосток.

И все-таки несмотря на спады жизнь здесь была более обеспеченная. Рабочий день продолжался в будни 9 часов, в субботу 8, в то время как в целом по России — 11—12 часов и больше.

Половину заработка ижевский рабочий получал вне завода. Почти у каждого мастерского была собственная мастерская с тисами. Здесь он делал ключи, замки для продажи крестьянам, отдельные части оружия для сдачи за плату местным фабрикантам.

Если мастерской работал похвально, ему вручали медаль. А прослужив «бессрочно» 25 лет, рабочий получал «за хорошее поведение и знание своего дела» еще более почетную награду — жалованный зеленый кафтан, обшитый по вороту и борту золотым искристым галуном, и цилиндр — головной убор, в котором художники любили изображать на карикатурах «буржуев».

Ижевский рабочий был привязан к родному заводу. Правительство давало ему суду для строительства собственного дома, в то время как рабочие других промышленных центров России вели кочевой образ жизни и ютились с семьей за занавесками в казармах. Ижевчанин имел огород, а значит и свои продукты. Он владел сенокосными участками, держал коров и даже лошадей — рысаков, заменявших ему автомобиль. В воскресные дни на тройках выезжал с семьей отдохнуть «на природу».

Во время гражданской войны здешние владельцы огородов, домашней скотины и домов умело воспользовались повышением цен на продовольствие и квартиры. Около половины всех квартирников огромной Вятской губернии с двенадцатью уездными городами разместились в этом необычайно разросшемся селе. Вот что писал об Ижевске в демократической газете «Вятская речь» в 1916 году корреспондент под псевдонимом «капитан Копейкин»: «До войны квартира стоила 10 руб. в месяц, а с момента объявления войны цена прыгнула на нее до 25 р. Прошло 2—3 месяца войны, и цены опять прыгнули вверх. Несогласных платить столько, сколько вздувается домовладельцу, этот последний начинал выживать. Не давал баню, запирали колодезь, ворота... Квартиранты терпели, мылись в комнатах, воду покупали на стороне, лазили через забор, вместо двери в окна, мерзли, но... жили и не уходили».

Таким образом, коренные ижевские рабочие не являлись в общей своей массе «чистыми» пролетариями, то есть теми, кто не имеет ничего, кроме своих рук, и не теряет ничего, «кроме своих цепей». Царское правительство бросало ижевским рабочим жирные куски с господского стола, чтобы погасить социальное напряжение на опасном во время «бунтов» оборонном заводе.

Своеобразие ижевских рабочих отразилось на революционных событиях в этом самом крупном российском селе.

Первый в Ижевске социал-демократический кружок из 17 членов и многих сочувствующих возник в 1902 году. В 1905-м он перерос в организацию.

В годы первой русской революции движение в Ижевске оказалось слабым отголоском общего рабочего хора из-за политической отсталости ижевчан. Здешние большевики переходили из социал-демократической организации к эсерам и обратно и до июля 1917 года входили в одну организацию с меньшевиками, которых ультимативно обязывали объединиться.

В революционном движении Ижевска есть две интересные детали.

Первая: с 1905 до 1917 года в Комитете РСДРП, потом у эсеров, затем снова у социал-демократов работал секретный агент жандармского ротмистра Будогского — «сельский обыватель Заречной волости Ижевского завода» Федор Мерзляков. Ему исполнился 21 год, когда он стал провокатором. В 1917-м его выбрали председателем первого исполкома Ижевского Совета. В том же году неизвестные казнили секретного агента охраны возле его дома на улице Церковной.

Вторая: в германскую войну в Ижевск стали направлять сотнями, потом партиями до тысячи человек питерских, московских, сормовских, прибалтийских рабочих, отданных в солдаты за участие в революционных выступлениях. Их привозили в поселок в эшелонах для скота — «телячьих теплушках» с «буржуйками».

С особой тревогой следили жандармы за восемью тысячами рабочих-обуховцев и участников февральской забастовки на Путиловском заводе. «За январь месяц, — доносили они, — в Ижевском заводе настроение населения было спокойнее, в общей массе рабочие ни в чем предосудительным не замечались, за исключением прибывших... из Петрограда. Эти рабочие представляли нежелательный элемент среди местных рабочих и заражали их своей крайней разнузданностью и своеволием... Без сомнения можно ожидать, что рабочие означенных заводов при возникновении каких-либо беспорядков будут их руководителями и вдохновителями».

С появлением пришлых бунтарей в Ижевске была воссоздана разгромленная полицией партийная организация. Осенью 1915 года на берегу пруда состоялось собрание ижевских социал-демократов. В партийный комитет вошли шесть человек — три местных и три приезжих. Из местных выбрали Владимира Шумайлова — уголовного, просидевшего три года в тюрьме за убийство матери (в центре Ижевска у горкома КПСС есть улица его имени), Федора Мерзлякова — агента политической полиции, и Лаптева, исключенного вскоре из партии за кражу у товарищей мешка крупчатки и пары валенок. Это тоже дает представление об уровне сознательности местных рабочих.

Обстановку на Ижевском заводе приезжие накаляли докрасна, и 8 февраля 1917 года сюда прибыл из столицы сам генерал-майор Жанколия — председатель Главного Артиллерийского Управления, которому подчинился Ижевский завод. Опасаясь остановки военного предприятия, генерал обещал увеличить зарплату, но не сдержал слова. Тогда всеобщая экономическая стачка охватила самое большое в истории Ижевска количество рабочих. Власть стянула на завод воинские части, полицию. Из сорока тысяч бастующих 2670 арестовали. Питерцев заковывали в кандалы. Из них формировали штрафные батальоны и отправляли на фронт.

Но грянула февральская революция. Улицы запрудились подобрешим народом всех сословий с красными бантами на груди. Даже бабы в очередах ругались как-то беззлобно. Многие плакали, вспоминали погибших борцов за свободу. Было шествие по главной улице с семью революционными знаменами, среди которых колыхалось старое знамя ижевской организации РСДРП, чудом сохраненное с 1905 года. По иронии судьбы, его сберег провокатор Федор Мерзляков. Жена впопыхах отдала ему в тюрьму, куда агента сажали для вида, подушку, забыв, что несколько лет тому назад зашила туда красный флаг. После освобождения из тюрьмы Мерзляков забрал и подушку.

Ижевск — всего лишь поселок, но партий и здесь было много. Вышли из подполья эсеры, меньшевики и большевики. Появились эстонская и латышская секции ижевской организации РСДРП, максималисты, меньшевики-интернационалисты, кадеты... С траурным знаменем ходили длинноволосые анархисты в черных косоворотках и полуголые женщины с лозунгом «Стыд — буржуазный предрассудок».

Власть в Ижевске фактически стала принадлежать Советам задолго до взятия Зимнего дворца, чему способствовали приезжие питерские, латышские, эстонские рабочие. В сентябре 1917 года Ижевский Совет и Красная Гвардия, сформированная большевиками и эсерами-максималистами, захватили склад оружия на Пятой улице. Потом в селе говорили: «Вот и в Питере поступили. по нашему, по-ижевски».

В переполненном зале бывшего офицерского клуба заседают Совет. На повестке дня вопрос о петроградских событиях. Первым выступает меньшевик Борис Куценко. Он говорит, что восстание Петроградского Совета, к сожалению, не может быть поддержано, что эта героическая авантюра горстки пролетариата и образованных людей-марксистов потонет в невежественной массе.

Три следующих оратора (большевик Матвеев, максималист и беспартийный крестьянин) приветствуют решение о свержении Временного правительства и переходе власти к Советам.

Две резолюции ставятся на голосование. Большинство голосует за резолюцию большевиков.

Перед самым закрытием заседания Куценко, поймав в коридоре большевика Матвеева, взволнованно говорит: — Наконец вы дождались своего, поздравляю!

И, не дав ничего сообразить, осыпает своего недавнего соперника поцелуями. Но опомнившись, замечает: — Надолго ли хватит торжества?

Однако в тот же миг радостно бросается к эстраде оглашать телеграмму о взятии Зимнего дворца. Могучее «Ура!» прокатывается по всему залу. Со слезами на глазах большевики, меньшевики, эсеры, максималисты, беспартийные бросаются в объятия друг другу, позабыв на время партийные распри.

Так была провозглашена Советская власть в Ижевске. Провозглашена мирным путем и раньше, чем в Москве, Одессе, Владивостоке и большинстве других городов громадной страны.

А рабочий поселок Ижевск бросился помогать Сарапулу, Елабуге. На подавление сарапульского мятежа, руководимого начальником милиции эсером Сморгаловым, прибыло около 120 ижевских красногвардейцев. Случалось, по трое они шли на целое отделение, арестовывая по 15 милиционеров.

Демократический потенциал Октября выразился в Ижевске, как и по всей России, в том, что ленинская программа социалистической революции стала основой социального спасения страны в целом, предотвращения национальной катастрофы. Революция отразила глубинные интересы большинства народа, а не только пролетариата и беднейшего крестьянства, как это стало через год. Она всколыхнула массы народа, неграмотного и темного. И Декрет о земле, искаженный вскоре грабительской продразверсткой, Декрет о мире, гибкая политика на привлечение союзников, а не на уничтожение несогласных, все оказало поддержку большевикам в бескровной социалистической революции.

Но политической культуры хватило ненадолго. Мирный путь развития демократии уступил место «товарищу маузеру».

Мятеж

После Октября, когда тысячи революционеров возвратились из Ижевска домой, оставив хозяйничать местных рабочих и крестьян, произошел резкий поворот вправо. Ижевчане, поддержав Октябрьскую революцию и ленинский Декрет о земле, с недоверием встретили последовавший военный коммунизм. Столичные продотряды отбирали в окрестных селах хлеб, а у ижевчан реквизировали для армии лошадей, а для трудовой коммуны — коров, улья, сено. Рабочим не выдавали зарплату, даже сокращенную до 60 процентов от уровня 1913 года. Появились слухи, что деньги «прикарманили» большевики, по улицам распевали частушку:

Раньше был я жулик,
Лазил по карманам.
Нынче на войне я
Красным комиссаром.

Возмущали расстрелы без суда и следствия, граби-

тельство со стороны максималистов, союзников большевиков.

Жены рабочих «пилили» своих мужей:

— Что это за власть такая? Хуже чем при царе живем! Это и есть ваш социалистический рай?

О тогдашних настроениях рабочих в художественной форме рассказал писатель В. Я. Зазубрин, впоследствии оклеветанный (жизнь его оборвалась в 1938 году). Книга «Два мира» (об ижевской рабочей дивизии) написана «по свежей памяти и по рассказам очевидцев, когда автор и все его добровольные «корреспонденты» буквально еще не успели сносить ботинки, в которых они месили липкую и теплую грязь Полей Сражений».

Этот во многом документальный роман высоко оценили Ленин, Луначарский, Горький. Приведу лишь один эпизод:

«— Ты доброволец, Фомушка?

— Конечно, доброволец, господин поручик... у нас весь завод пошел против красных. Потому они декались над нами, как звери.

— Как декались?

— Очень просто, грабеж полный производили. Скотину отбирали, хлеб, сено, улья разбивали, да мед не только лопали в три горла, а телеги свои им смазывали... Разве им, разбойникам, власть давать, они со свету сжирут. А брат-то у меня комиссар,— неожиданно вспомнил вестовой...»

Большевики резко начали терять доверие и два раза в 1918 году «провалились» на выборах в Совет. Часть коммунистов вышла из партии.

Промахи большевиков умело использовала «контра» (в Ижевске нелегально находились члены ЦК партий меньшевиков и эсеров). Уральский обком прислал отряд под командованием А. П. Спунде, который предлагал Ивану Пастухову предотвратить контрреволюционное восстание арестами. Но руководитель ижевских большевиков считал, что такие аресты незаконны, так как доказательств контрреволюционной деятельности подозреваемых не найдено. После отъезда отряда часть офицеров, арестованных в начале июля перед самым мятежом, были освобождены. Выпустил Пастухов и своего будущего истязателя — Солдатова, главаря ижевской контрразведки, из-за чего в комитете большевиков накануне мятежа произошел «большой конфликт». Степан Холмогоров, Василий Жечев выступили против Пастухова, допустившего ошибку в своих прогнозах относительно невозможности мятежа. За нее он заплатит жизнью — его живьем закопают на кладбище повстанцы.

...Мятеж начался в стенах завода, и 9 августа город оказался в руках восставших. В течение месяца перекинулся на соседние города, охватив до 800 тысяч человек. По упорству и длительности он был самым значительным контрреволюционным выступлением в тылу красных за всю историю гражданской войны. О нем писали в Нью-Йорке и Париже, Харбине и Варшаве, Берлине и Белграде. Такой интерес понятен: в восстании участвовали рабочие.

Но явление это не было сугубо местным. Вот лишь краткий перечень мятежей на заводах Урала.

1917 г., декабрь — Рева, Камышлов, Ирбит. 1918 г., январь-февраль — Белорецк, Михайловский, Шемахинский заводы, Лысьва, Шадринск, Нижний Тагил. Март — Златоуст, Кизел. Апрель — Камышлов, Ижевск. Май-июнь — Полевской, Рудянский, Северский, Павловский, Камбарский, Шемахинский заводы, Нижний Тагил, поселок Колчедан. Июнь — Шемахинский, Надеждинский, Кузинский, Саткинский, Бакальский, Нижне-Сергинский, Нязепетровский заводы, Ирбит, Златоуст, Шадринск, Екатеринбург. Июль — Шемахинский, Надеждинский, Суксунский, Николо-Березовский заводы, Невьянск, Пермь, Верхисетский завод. Август — Михайловский завод, Пыскор, Верещагино, Очер, Павловск, Оханск, Камбарка, Ижевск, Воткинск...

Но наибольший интерес представляет ижевское восстание. На здешнем и Воткинском заводах было занято 10 процентов рабочих Урала. Ижевский мятеж заметно повлиял на исход гражданской войны. Ведь ижевские повстанцы вооружили не только себя и воткинцев, но также передали 60 тыс. винтовок окрестным крестьянам, 15 тыс. отправили в армию белого генерала Болдина, а уходя из города вместе с женами и детьми, 100 тыс. единиц оружия передали Колчаку, на несколько лет затянув гражданскую войну.

Захватив Ижевск, мятежники не сняли со здания Совета красный флаг, погони и звания не ввели, революционное обращение «товарищ» не отменили, Ижевский Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов не ликвидировали. Они оформили «Советскую власть» на «широких демократических началах».

Произошла трагедия. Люди, считавшие себя революционерами, оказались по разные стороны фронта гражданской войны. Умеренные социалисты (меньшевики, эсеры), прошедшие вместе с большевиками царские тюрьмы, отказались от союза со «слишком торопливыми социалистами» (коммунистами, максималистами) и «для спасения революции» предпочли союз с антисоциалистическими силами.

Председателем нового Совета стал Борис Куценко — меньшевик-интернационалист, а впоследствии — член коммунистической партии. Восторженный, мечтательный человек, он, наверное, искренне хотел добра рабочим и принялся за создание «демократического» Ижевска. Совет начал выпускать две своих газеты. «Телеграмма-газету» и «Ижевского защитника».

О прошедшем мятеже ижевцы узнали со страниц «Телеграмма-газеты»:

«Разумеется, население не сидело по домам... если кому-то нужно было идти по делам, охрана пропускала с квартала на квартал и даже давала советы.

— Товарищ, этой стороной идти поостерегись.

— Спасибо, товарищ.

Словно не на войне, а на прогулке. Трусливые призывали на помощь всех святых и опасливо выгидали из шолоха.

А выстрелы все рокотали...

В рядах красноармейцев раскинулась тревога:

— Убили начальника...

— Погиб Холмогоров.

Это явилось дурным предзнаменованием. Красноармейцы говорили:

— Не знаем, что и делать.

В военно-революционном штабе, по-видимому, это привело ошеломляющее впечатление. Холмогоров был и председателем, и наиболее ярким вдохновителем всех активных действий.

Потом в населении разнесся новый слух:

— Бежал И. Д. Пастухов.

Кто из ижевцев не помнит этого закаленного в партийной борьбе, немного сурового, молчаливого, с железной волей человека? Еще многие помнят его речи при проходах добровольцев на чехословацкий фронт:

— В нашей груди бьется истинное сердце революционера. Я верю, вы не склоните знамя борьбы, пока бьется ваше сердце. А мы, здесь оставшиеся, будем стражами завоеваний революции. Всякое контрреволюционное действие, которое несет свой удар на революцию, мы вырвем с корнем в самом зародыше.

Так считал И. Д. в момент выезда из Ижевска, имея в своих руках 12 735 000 рублей? Не был ли он твердо убежден, что спасает миллионы от контрреволюционеров?..

Бегство председателя Совета рабочих депутатов внесло новую тревогу и страх в ряды красноармейцев и рядовых бойцов-коммунистов»¹.

¹ Документов, подтверждающих бегство Пастухова, не обнаружено. Считается, что он отступил одновременно с последними защитниками Ижевска. В целом же о действиях Пастухова во время мя-

тежа известно очень немного. Руководители обороны города, участники конфликта с Пастуховым погибли. В живых из партийного комитета остался его сторонник и родственник В. Сергеев, будущий автор книги о прошлом Ижевска. История с закапыванием живого Пастухова и несколькими перезахоронениями тронула воображение людей. В 1933 году ему поставили памятник, а в 1937 — открыли музей Пастухова.

Вот характерные выдержки из «Ижевского защитника» и других газет повстанцев (до 1989 года эти издания были на секретном хранении):

«Долго издевавшаяся над рабочими и крестьянами большевистская власть волею восставших рабочих ижевского завода сметена в один день».

«Очевидно, дело социализма, ввиду его явной неудачи, придется отложить на неопределенное время, пока опять-таки объективные условия заставят выдвинуть в очередь новые хозяйственные отношения. Российский рабочий класс в первые дни Октябрьской революции шел, как известно, в своей огромной массе за большевиками, а теперь этот же класс старается освободиться возможно скорее от докучливых нянек доморощенного российского коммунизма».

«Говорят, что Ленин честный человек, что его идеи благородны, но и этого еще не достаточно для общественного блага».

Идея может быть благородной, но если она ложна в своей сущности, то несмотря на все благородство, она приносит неизлечимые беды той стране, где она будет воплощаться в жизнь».

Идея большевизма установить немедленно социалистический строй в отсталом государстве, безусловно благородна, но она ложна, и воплощение ее в жизнь уже принесло России много непоправимого вреда».

«Российская демократия всегда стояла за отмену смертной казни, а Совет состоит из сынов этой демократии. Ижевский Совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов единогласно постановил, что ... в Ижевске не должно быть и речи о смертной казни, которая применялась только царскими сатрапами и большевистскими насильниками народной воли».

Новая власть объявила в «Воззвании к товарищам крестьянам» свободную торговлю. Цены на продовольствие резко упали из-за большого наплыва крестьян на базар. Продотрядов бояться перестали, и после голодного «военного коммунизма» появилось довоенное изобилие. Столиков, навесов, лавок «в городе расплодилось видимо-невидимо, на каждой улице, на каждом углу, перекрестке, площади — везде красовались они, — сообщалось потом в советской печати, — везде и всюду кишели, как в муравейнике, откуда-то взявшиеся хищники — русские, татары, японцы, корейцы, армяне, евреи и пр.»

Власть запретила появление на улицах в нетрезвом виде, изготовление спиртных напитков и их продажу.

Мятежники призывали:

«Проснись, русский многострадальный народ... Встань, пока еще не поздно, и подай руку восставшим товарищам ижевцам и сарапульцам, вожди которых, как Минин и Пожарский, подняли народ и стряхнули немецких наемников, составили Народную Армию и готовят освобождение всей России. С нами ижевцы и воткинцы — про светленный гражданским чувством пролетариат, и он не примыкает, не плетется где-нибудь в хвосте, а стоит во главе восстания, и за ним, несомненно, пойдет крестьянство, а его ведь сотни тысяч, миллионы...»

Началась организация «Народной Армии». Ее солдаты погон не надевали и почти ничем не отличались от красных. Ходили в рабочих куртках или солдатских шинелях и носили на рукавах сначала белую, а позже красную «пролетарскую» повязку. Это вносило путаницу во время рукопашных боев с красными. Однажды произошел забавный случай. Мятежники окружили красноармейский бронепоезд. Кругом слышались крики, беспорядочная стрельба. В суматохе трудно было понять, кто враг.

тежа известно очень немного. Руководители обороны города, участники конфликта с Пастуховым погибли. В живых из партийного комитета остался его сторонник и родственник В. Сергеев, будущий автор книги о прошлом Ижевска. История с закапыванием живого Пастухова и несколькими перезахоронениями тронула воображение людей. В 1933 году ему поставили памятник, а в 1937 — открыли музей Пастухова.

— Давайте патроны,— закричал один из повстанцев красным.

Ему дали ящик патронов латышские стрелки, решив, что это «свой». Потом к бронепоезду подъехали белые на конях. Схватив за ствол пулемет, они потребовали у красных, чтобы его отдали...

По словам участника гражданской войны М. А. Дорофеева, «рабочие, по-видимому, относились к новому порядку если не сочувственно, то со значительной долей доверия. На заседании разных учреждений и организаций выносились соответствующие резолюции, устраивались моления и крестные ходы, хотя участников в них было немного, но все же они имели коллективный характер». Измученные суматохой и материальными невзгодами, люди молились о чуде. Страх перед красными, которые «расстреливают, грабят и насилуют», заставлял рыть окопы, жертвовать теплые вещи и продовольствие для «своей» армии.

Товарищ маузер

Не один раз красные пытались освободить Ижевск, но безуспешно. По словам меньшевика Уповалова, «были моменты, когда большевистские латыши и китайцы подходили на две или три версты. Тогда станки останавливались, рабочие брали винтовки и уходили на фронт, разбивали противника и опять становились к станкам».

Одну из попыток штурма Ижевска предприняли матросы и латышские стрелки под командованием В. А. Антонова-Овсенко. Член Военной инспекции, один из руководителей штурма Зимнего и ареста Временного правительства, он рассчитывал легко расправиться с мятежниками.

Уже ступив на окраину Ижевска, красные вдруг с удивлением услышали стройные звуки революционной «Марсельезы» и увидели своего противника — вооруженных людей в рабочих блузах и без погон. В жаркой схватке матросы потеряли иоловину своих пулеметов, одно орудие и отступили к Сарapulу.

В Сарapulском Совете красные считали, что с восставшими ижевчанами можно уладить дело мирным путем, пытались арестовать Антонова и чуть его не застрелили. Подоспевшие латыши забросали Совет бомбами, и сарapulцы выбросили белый флаг.

Недавний поселок (городу не исполнилось тогда и года), Ижевск становится «столицей» регионального государства в тылу у красных. У него появляется свое «правительство», флот, 35-тысячная «Народная Армия» из рабочих и крестьян, защищающая свои дома и семьи, имеющая своего главнокомандующего, прекрасно обученная (на 20 солдат приходится по одному кадровому офицеру), обутая, одетая, накормленная и вооруженная. В его распоряжении крупнейшие в России оружейные и обувные предприятия, а также самая плодородная, хлебная земля в губернии.

Но выбранный повстанцами третий путь — «народовластие» без классового различия — постепенно заходит в тупик, а власть переходит в руки буржуазии, которая не спешит снимать демократические вывески. Однако силы ее укрепляются, и Советская власть становится опасной даже в урезанном виде. Просуществовав в мятежном Ижевске десять дней, она была упразднена 28 августа. Несмотря на протесты, закрыли «советскую» газету «Ижевский защитник», журналист «со времен революции 1905 года» меньшевик Всеволод Немировский (Энский), уходя на войну с красными, в докладной записке Президиуму Центрального Рабочего Комитета промышленных предприятий Сарapulа пытался доказать, что пролетарии в новом, демократическом государстве должны иметь свой печатный орган: «Не подлежит сомнению, что лозунгом этого органа должен быть популярный в народе клич: «Пролетарии всех стран, соединитесь!»

...Чтобы такой орган пользовался симпатиями всех рабочих, необходимо, чтобы на его страницах могли высказываться и товарищи меньшевики, и большевики, а также интернационалисты, при таком положении орган будет беспартийным, но строго рабочим.

Всякая междупартийная ругань и междуфракционная грязь на страницах такой газеты иметь места не должны, будут заменены добросовестной дискуссией, основанной на доказательствах, и единым рабочим фронтом».

С 1 сентября 1918 года власть в Ижевске перешла к сформированному повстанцами правительству — Прикомучу (Временному Прикамскому комитету членов Учредительного Собрания). Председателем выбрали Евсева, удмурта по национальности. Этот жест выглядел очень демократично: во главе «правительства» — «инородец», такого не допускали ни царь, ни большевики. Теперь поддержка коренного населения обеспечена.

Но скоро и буржуазный парламент оказался слишком левым — власть взяла в свои руки военная диктатура. Члены правительства, опасаясь ареста, бегут в Уфу. Судьба их неизвестна. Есть сведения, что один из организаторов ижевской «учредилки», в прошлом товарищ Ивана Пастухова и других большевиков, рабочий Василий Бузанов, был арестован в Сибири Колчаком. Вероятнее всего, ижевская «демократия» разделила участь других учредилковцев и была отправлена адмиралом Колчаком в «республику Иртыш» на съедение рыбам.

А в Ижевске контрреволюция приобретает все более резкие очертания. На смену военному диктатору — главному Федичкину — пришел еще более жестокий — Юрьев. По случаю своего избрания главноком он заявляет: «Я введу в армии железную дисциплину. От имени моего будут трепетать все изменники и провокаторы».

Восстанавливается частная собственность. Ижевские рабочие крепко приздумываются, как в фильме «Чапаев»: «Красные идут — грабят, белые пришли — грабят. Куда податься?»

Начались сомнения, недовольство тем, что власть у рабочих забрали военные, заменив обращение «товарищ» на «господин». Фельдфебель Трофим Солдатов, один из организаторов мятежа, выступил с воззванием «К товарищам фронтовикам».

«Товарищи фронтовики! В наших рядах замечается предательская агитация против нашего движения и против товарищей офицеров...

Товарищи, довольно споров и партий, у нас сейчас одна партия, одно общее дело — защита Ижевска и всей России. ...Большевики говорят, что у нас «контрреволюция», что у нас командуют войсками офицеры, а все офицеры, по их мнению, «враги народа». Но подумайте, товарищи... как может быть врагом народа сын народа? Ведь мы знаем почти всех наших офицеров. Старых царских кадровых офицеров у нас нет. А с теми, которые сейчас командуют нашими отрядами, мы вместе сидели в окопах на немецком фронте... Наши товарищи офицеры командуют отрядами и работают в штабах по просьбе наших собственных представителей делегатов, как специалисты, лучше всего понимающие военное дело... Во время боя они идут с нами все, вплоть до командующего армией, плечом к плечу, с винтовкой в руках...»

Вводится военное положение, «всякая агитация», митинги и собрания запрещаются. Несмотря на постановление Совета о проведении арестов и обысков по ордерам, уже в течение первых трех дней мятежа, по данным Вятского губчека, арестовано более трех тысяч человек. Тюрьмы и плавучие «гробы» — «баржи смерти» — переполнены. Из следственных комиссий рабочие отозваны. На постановление Совета о запрещении смертной казни не обращается никакого внимания. Сражавшиеся за «демократию» рабочие с недоумением узнавали о расстрелах. Пытавшихся призвать к открытому протесту бросали в тюрьмы.

Судьба Ижевска волновала Ленина. Он послал первому Главнокомандующему Вооруженными силами республики Вацетису беспокойную телеграмму, чтобы тот принимал меры.

Операцию взятия арсенала России, окруженного неприступными рядами окопов, колючей проволоки и пулеметными гнездами, разработал командарм Шорин, бывший кадровый офицер, а осуществил со своей дивизией латыш Вольдемар Азиньш (Азин) — человек не менее легендарный, чем Чапаев.

Днем, в первую годовщину Октябрьской революции, началась артподготовка красных перед наступлением на Ижевск. Но белые опередили противника. Неожиданно подал тревожный гудок завод, зазвонили колокола Михайловского собора. Послышались звуки Егерского марша. В осеннем солнце блеснула начищенная медь. Под духовой оркестр и бой барабанов, с красно-зеленым знаменем впереди печатали шаг сомкнутые ряды офицеров в парадной черной форме с красными шевронами на рукавах. Винтовки на ремне. Руки в белоснежных перчатках. У некоторых в руках стеки, а в углах рта папиросы. В гуще смертников рвались снаряды. Но они шли, смыкая ряды, не убывая и не замедляя шага. На лицах — презрение к смерти и «безумство храбрых».

Подшли на пятьдесят шагов. Слышна команда «на руку». Штыки нацелились в залегшие красные цепи. Необстрелянный Мусульманский полк красных дрогнул и побегал. Азин выправил положение, бросив на смертников конницу. Бесшабашный, в бурке и каракулевой папахе, лихо заломленной набекрень, на своем белоногом коне Мальчике он сам рубился, как рядовой боец.

Этот бой, развернувшийся на несколько верст, под духовые оркестры красных и белых, вошел в историю той войны как один из самых ожесточенных. Наконец белые были опрокинуты и отошли в город. Такой была первая в истории гражданской войны психическая атака (подобную атаку воспроизвели в знаменитом фильме «Чапаев»). Потом белые не раз пользовались ею под Петроградом и на Южном фронте.

Броненосец «Свободная Россия», врезавшись в гущу белых, ворвался в город. Белые отступили.

Священник Александр-Невского собора Кибардин, ставший в девятнадцатом году корреспондентом «Ижевской правды», так описывает первую годовщину социалистической революции в Ижевске:

«Это было в памятный день 25 октября 1918 года. Мы с церковным старостой Герасимовым сидели в задней комнате моей квартиры и молча прислушивались к глухим пушечным выстрелам, несшимся со стороны наступающих красных войск.

— Ух, как страшно, Кузьма Данилыч,— сказал я моему собеседнику.— Напрасно я послушался твоих советов и не отступил с белыми...

В это время в комнату вбежала моя младшая дочь и торопливо сказала:

— Папа, папа, красные на Ключах, видимо-невидимо. Выбегаем на улицу. Там уже много любопытных...

В это время шальные пули начали чаще и чаще шлепаться в стены домов. Улицы быстро очистились.

...Мой сынишка-подросток, возвратившийся с улицы, сообщил, что Кузьму Данилыча убило шальной пулей...»

В 17 часов 40 минут бой закончился. В город на полном скаку ворвались конные латыши. В гривы их лошадей были вплетены красные ленты. Латыши отбили у белых тюрьму, где сидели ожидавшие расстрела красные.

Из только что освобожденного города Ленину и Свердлову отправили телеграмму с сообщением о взятии Ижевска. Через четыре часа пришло приветствие Владимира Ильича. Его зачитали гревшимся у костров вокруг города бойцам, и в ночной темноте разнеслось громкое «Ура!»

«На другой день рано утром,— вспоминает дальше священник Кибардин,— красные войска со всех сторон

торжественно входили в город, еще накануне оставленный белыми. Я немедленно попросил остричь мне волосы и длинную шелковистую бороду, надел стеганый рваный пиджак, прилепил к груди красную ленточку...

В это время кто-то постучал в ворота. Выхожу сам и вижу: стучат два красноармейца и просят пустить их ротного командира с канцелярией и военнослужащими. Впускаю. Въезжают человек 25 с обозом и походной кухней.

Отвожу им самые лучшие комнаты, а сам помещаюсь с семьей в одной задней комнатке.

Не буду скрывать, что в первое время я сильно побанвался своих квартирантов, полагая, что они будут творить всевозможные насилия...

Прожили у меня квартиранты четверо суток, сделавшись под конец близкими друзьями».

В честь освобождения города, как свидетельствует телеграмма РОСТА, «революционный Совет Ижевска... преподнес товарищам Ленину, Троцкому чудное произведение пролетарского искусства: две миниатюрные винтовки со всеми принадлежностями, длина винтовок четверть аршина: Стреляют винтовки особыми пулями. Подарки послали особой делегацией».

А на Михайловской площади состоялся десятитысячный митинг и военный парад. «Вчерашние контрреволюционеры точно переродились. В их душе произошел громадный переворот в пользу революции. Красные знамена с пролетарскими надписями разбудили в них революционное прошлое. Привезенная красными литература расхвывается и утоляет духовный голод рабочих.— Такие сообщения шли из Ижевска в Москву.— Бодрые и смелые (красноармейцы) идут церемониальным шагом, под звуки музыки на Михайловскую площадь... Впереди знамя 2-ой Железной дивизии, за ним Советский полк... Парад завершает артиллерия. Перестроившись, войска смыкаются вокруг трибуны, где уже собралась масса рабочих. Лестница и выступления собора усеяны народом. На трибуну выходит начальник 2-ой Железной дивизии Азин... Тяжелые минуты переживали ижевчане при виде ликования красных — их мучила совесть. Но настоящей пыткой для них были похороны жертв революции... 19 изуродованных трупов, и кругом рыдающие и бьющиеся в истерике их матери, дочери, жены. С опущенными головами, угрюмыми лицами, точно убийцы, остановились рабочие над свежей могилой. Эти трупы легли на их совести, грех убийства они должны смыть. Но вот на трибуны выходят ораторы. Как ножом, режут ижевчан упреки ораторов. Каждое слово, слово горькой правды, долго будет звучать в их ушах и напоминать кошмарное прошлое. Смогли ораторы. Раздаются залпы салюта... Над свежей могилой рабочие Ижевска поклялись смыть свое преступление путем увеличения выработки винтовок».

По предложению Ленина приняты экстренные меры для принудительной отправки столичных рабочих в Ижевск. С помощью питерцев в январе 1919 года оружейный завод довел ежедневный выпуск винтовок до тысячи штук, а после получения благодарности Ленина рабочие увеличили выпуск необходимого Красной Армии оружия до 1200 штук в сутки.

И все же сказалось отсутствие ушедших с белыми потогонных рабочих-оружейников. По словам рабочего Кокоулина, «начали выпускать 1000 винтовок, но их качество было неважное — стреляешь в ворону, а падешь в корову, но все-таки завод восстановили».

На другой же день после освобождения Ижевска от повстанцев власть в городе перешла к Реввоенсовету, во главе которого встал политический комиссар 2-й Железной дивизии, питерский рабочий Дмитрий Зорин.

В ноябре военные приняли решение о выборах в Ижевский Совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов и передаче ему своей власти. Выборы начались 9 декабря. Было зарегистрировано только два партийных

списка: № 1 — коммунисты и № 2 — максималисты². Но проанализировав обстановку и придя к выводу, что в Ижевске выборы в Совет могут не принести решающего успеха большевикам, штаб 2-ой армии спешно посылает в Ижевск телеграмму о прекращении выборов в Совет.

Но было уже поздно. Зорин сообщает в телеграмме Уральскому обкому: «Выборы... уже начались. Проходят прекрасно. Максималистам дадим бой по всем правилам и выиграем. Нет необходимости приостанавливать. Ижевский комитет несколько слабо работает, но научатся ребята».

А комиссия тем временем подсчитала голоса. Многие ижевчане находились тогда у белых или были их родственниками. Поэтому из 70 тысяч ижевчан избирательные права получила всего лишь третья часть — 26 тысяч. За коммунистов было подано 10 тысяч голосов, за максималистов — более восьми, воздержались — около 7 тысяч человек. Надписями «За Учредительное собрание», «За монархию», «Долой Советы» было испорчено 482 бюллетеня.

В результате в Совет прошло 27 коммунистов и 23 максималиста.

Но и этот итог не удовлетворил военных. 14 декабря в 18.00 член Реввоенсовета 2-ой армии Штернберг³ срочно вызвал к телеграфу Зорина и предложил выборы признать недействительными, несмотря на то, что назавтра, в воскресенье, должно торжественно открыться первое заседание Совета, которого с нетерпением ожидали рабочие. Телеграф простучал следующее:

«Штернберг: Результаты выборов в Совет оправдали наши худшие ожидания. Деятельность такого Совета может повести к катастрофе. Поэтому Реввоенсовет предлагает вам под каким-нибудь формальным предлогом выборы кассировать. Гражданская власть должна находиться в руках Революционного Совета до тех пор, пока Реввоенсовет, сообразуясь с общей обстановкой на заводе и политической конъюнктурой, не сочтет возможным назначить новые выборы... Если вы формального предлога не можете найти, то придется, хотя и нежелательно, действовать именем... Реввоенсовета-2. Ваше указание, что президиум исполкома будет состоять из коммунистов, наших опасений ничуть не уменьшает».

Зорин: Кассировать выборы дело плевое. В постановлении Революционного Гражданского Совета можно, пожалуй, придаться к формальности, но мы думаем сделать так: при открытии Совета объявить об аресте видных максималистов и... исключить из Совета.

Штернберг: Я считаю это большой тактической ошибкой — вносить раздражение, а затем это представляет полное дискредитирование действий Советской власти и притом без всякой нужды. Лучше признать выборы недействительными. В скором времени, вероятно, пришлют рабочих из Москвы — Петрограда. Опираясь на них, можно получить хороший состав Совета.

Зорин: Хорошо. Принимаемся за работу».

После этого вечернего разговора было срочно состав-

лено, а затем опубликовано в местной печати и в центральной «Правде» постановление «О кассации выборов в Совет», в котором сознательно искажалось число имеющих избирательное право:

«Население Ижевска индифферентно отнеслось к выборам в Совет, из 75—80 тысяч населения в выборах участвовало только 26593 человека, что составляет менее трети всего населения, имеющего право выборов».

Две трети жителей не послали своих представителей... Вся власть принадлежит в Ижевске Революционному Гражданскому Совету.

Выборы будут вновь назначены по рассмотрению центральной Советской власти, или же когда для выборов создадутся благоприятные условия. Назначенное заседание Совета в 3 часа на сегодня, 15 декабря, отменяется.

Председатель Революционного Гражданского Совета Д. Зорин, члены: Р. Шапошников, А. Галанов».

Подпись Риммы Шапошниковой в постановлении оказалась поддельной. После опубликования фиктивного документа он подал протест в Реввоенсовет. Шапошников считал, что разгон Совета нанес моральный ущерб власти рабоче-крестьянского правительства и ослабил уважение народа к Советской власти.

Центральное бюро Союза социалистов-революционеров максималистов, находящееся в Москве, выступило с протестом в журнале «Максималист», заявив, что с точки зрения конституции РСФСР эта незаконная кассация является глумлением над советскими законами и свободой выборов. Ненормально, когда половина трудящихся диктует свою волю другой половине, проливающей кровь за Советскую власть.

Фактически вся власть в Ижевске снова перешла к людям в сапогах, кожаных куртках и к «товарищам маузерам». На первый план выступили диктаторские начала.

ОКОНЧАНИЕ СЛЕДУЕТ

² Максималисты — левая группа, возникшая в партии эсеров в 1904 году и идущая к социализму экстремистскими методами. А в 1918-м самая мощная организация «максов» в России находилась, вероятно, в Ижевске. К максималистам, кстати, принадлежал одно время Д. А. Фурманов, автор знаменитого «Чапаева». «Максы» вместе с большевиками сражались во время Октябрьской революции и гражданской войны за Советскую власть, которую понимали по-своему: «Вся власть Советам, а не партиям». Это привело в апреле 1918 года к вооруженному столкновению ижевских «максов» и большевиков. Но затем «максы», забыв на время свои разногласия с коммунистами, сражались вместе с ними против белых. Между прочим, первым директором Удмуртской республиканской библиотеки им. Ленина был ижевский максималист М. Ф. Шитов, о котором Аркадий Гайдар рассказал в «Лесных братьях».

³ Штернберг Павел Карлович — с 1905 года член Московского комитета большевиков, активный участник первой русской революции, ученый-астроном и директор Московской обсерватории с 1916 года. В 1918-м руководил отделом вузов в Наркомпросе. Член РСФСР 2-ой армии и некоторое время председатель ижевской ЧК. Умер в 1920 году. Похоронен на Ваганьковском кладбище.

Flower

4'91

Белый шарик Матроса

ВИЛЬСОНА

Повесть

Пролог В глубине Великого Кристалла

Белый шарик не знал, когда и как он появился на свет. Ему казалось, что он существует всегда... Впрочем, нет. Понятие «всегда» ему тоже было незнакомо, потому что он еще не ведал, что такое Время. Он висел в пустоте, и единственным его чувством, единственным проблеском сознания было: «Я есть».

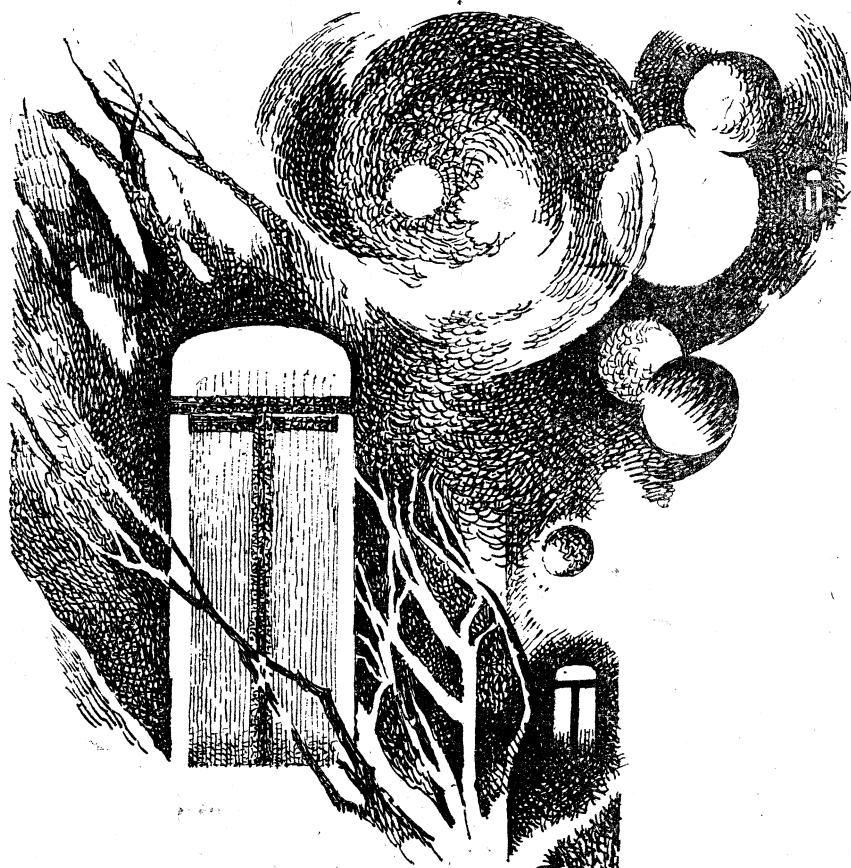
Но пришел час, и ощущение чего-то постороннего коснулось его щекочуще и беспокойно (позднее Шарик узнал, что это был импульс Большого Белого шара). В ответ Белый шарик произвольно оцетинился лучами мгновенных импульсов. Так насекомое, очнувшееся в темной коробочке, усами и лапками щупает картонные стенки. Шарик ощупал импульсами ближнюю часть пространственно-временного континуума. Даже этот маленький кусочек мира показался ему пугающе громадным. Но страх беспредельности растаял, когда Белый шарик понял, что одиночество ему не грозит.

Шаров было множество. Разной величины и разного цвета. (Цвет — это частота и длина импульсов особого рода, таких медленных, что они не годятся для общения и активных воздействий на мир, а служат чаще всего только оболочкой).

Но великую россыпь дальних шаров Белый шарик воспринимал отрешенно и вначале ни с кем из них не общался. А его соседями и наставниками оказались четверо. Вернее, пятеро, но Желтые близнецы жили так тесно друг с другом, что Шарик всегда воспринимал их как нечто единое. А, кроме Близнецов, были: Большой Белый шар, Красный шар и Темно-красный шарик. Если соединить их прямыми линиями, то образовывалась трехгранная пирамида — и каждый шар на своей вершине (а Желтые близнецы, естественно, вместе). Белый же шарик висел в центре этой пирамиды, на

Рисунки
Евгении Стерлиговой

Владислав
КРАПИВИН

перекрестке импульсов нарастающей информации, от которой порой кружилась голова...

Стоп! Никакой головы, разумеется, у Белого шарика не было. Но, рассказывая о нем людям, невозможно обойтись без человеческих понятий. Иначе получится не повесть, а толстенный сборник формул, графиков, стереосхем и ключевых уравнений с весьма спорными обоснованиями многомерности кристаллических граней. Два простых слова: «Шарик встретился» — превратились бы в несколько страниц с анализом аритмии внутреннего гравитационного поля и антипозиций внеконтурного излучения. Во всем этом сразу не разобрались бы ни самоотверженные энтузиасты из группы «Кристалл-2» в обсерватории «Сфера», ни даже четвероклассник Филипп Кукушкин из поселка Лугового. Что уж говорить про читателей!

Вот и придется нам в дальнейшем пользоваться фразами: «Шарик подумал», «Шарик сказал», «Желтые близнецы укоризненно заметили», «Шарику стало грустно», — хотя здесь много натяжек. Они исчезнут со временем, когда к Белому шарикуну придет понимание многих человеческих чувств и представлений. Но случится такое нескоро. А пока...

Пока Белый шарик с трудом, не сразу постигал законы и понятия мира, в котором он существовал и который назывался «Великий Кристалл» (опять же в переводе на человеческое разумение). Трудно было понять, например, единство движения и неподвижности. Не было никакого сомнения, что он, Белый шарик, не просто висит в пустоте, а быстро движется относительно силовых линий данного пространства и относительно других шаров. И в то же время пирамида, образованная его соседями-шарами, оставалась неизменной, и он всегда находился точно в ее центре... Ну, ладно, в этом он в конце концов разобрался. Гораздо сложнее было осознать вот что: оказывается, в пространственно-временной протяженности существовала такая часть Времени, когда его, Белого шарика, не было! Как это так? Все, что есть вокруг, было, другие шары были, а его не было?

— Мы тоже были не всегда, — снисходительно разъяснял Большой Белый шар. — У всякого явления в Великом Кристалле есть свое начало.

О том, что у всякого явления бывает и конец, Белому шарикуну пока не говорили, чтобы не огорчать раньше срока.

— А как это все вокруг и вы тоже... как это могло быть, если я вас не ощущал? — удивлялся Белый шарик.

— Также мне, пуп Кристалла... — ворчал Темно-красный шарик. Он был хотя и маленький, но с могучей массой, потому что был старше всех не только в этой пирамиде, но и вообще в обозримых пределах. Он редко что-нибудь объяснял и обычно лишь изучал недовольство и осуждение.

Красный шар весело восклицал:

— Ай да малыш! В таком возрасте уже начинает копать проблемы бытия! — И достаточно понятно объяснял, что существование Кристалла не зависит от восприятия того или иного отдельного шара. Шары могут быть или не быть, а Великий Кристалл был, есть и будет всегда.

Желтые близнецы добавляли:

— Ты узнаешь об этом после. Все должно постигаться в свое время.

«В свое время»... А что это вообще такое — Время? И почему оно бывает свое и не свое, если Великий Кристалл — общий? И в своем ли времени находится он, Белый шарик? Если да, то почему момент, когда он должен родиться, еще не наступил?

Эту странность выдал ему Большой Белый шар. Он

рассказал, что миг рождения Шарика лежит на темпоральном векторе где-то впереди, примерно в двух микродолях общего временного оборота данной кристаллической грани.

— Как же так? Я еще не родился и уже есть? — Шарик даже обиделся. — Что вы мне мозги-то подерите? — (Вольный перевод на человеческий язык).

Но Большой Белый шар терпеливо разъяснил:

— Ты родился совершенно неожиданно. Твое появление на том участке могло нарушить планомерность развития грани. И пришлось тебя оттянуть по временному вектору назад. Иначе не исключено, что могло возникнуть черное покрывало и ты исчез бы без следа.

Черного покрывала опасались все, хотя и неясно было, что это такое.

— Нам тебя стало жаль, — сообщили Желтые близнецы со смесью ласковости и назидательности. — Ты был тогда очень славный... — В подтексте этих слов легко читалось, что теперь Белый шарик уже не такой славный, как в младенчестве, ибо задает слишком много вопросов.

Но Шарик продолжал задавать вопросы. И однажды спросил:

— Значит, когда-нибудь я сам смогу увидеть, как я появился на свет? Мы ведь все катимся по вектору Времени, да? И через две микродоли я подъеду к точке своего рождения?

Шары замолчали и, кажется, быстрее обычного закружились вокруг оси. Наконец Большой Белый шар сухо произнес:

— Совсем не обязательно, что ты зафиксируешь в сознании эту точку. Скорее всего, проскользнешь и не заметишь.

— А вдруг замечу? И сделаю что-нибудь такое... Сам себе помешаю родиться! А? Тогда, значит, я не буду на свете? А тогда почему я сейчас есть?

— Значит, не помешал и родился... На нашу голову, — ворчал Темно-красный шарик.

— Объясните же ему, — стонали Желтые близнецы, — что он задает некорректные вопросы. Это просто неприлично!

— А что такое некорректный вопрос?

— А это то, за что можно угодить под черненькое покрывальце, — хохотнул Красный шар. А Большой Белый шар объяснил:

— Некорректная постановка проблем ведет к дестабилизации данной грани. И в какой-то степени тормозит построение Общей Гармонии во всем Великом Кристалле.

— А зачем она... эта Гармония?

— Она принесет нам ощущение полного счастья и вечной радости. Это высшая цель.

— А... зачем?

— Зачем цель? Без нее наше бытие потеряло бы смысл.

— А скоро это... Общая Гармония?

— Нескоро. Но мы должны стараться приблизить ее...

Белому шарикуну объяснили, что он должен стараться. Сначала — в меру своих маленьких сил. А когда пройдет через Возрастание, будет работать больше и серьезнее.

Работать — означало улавливать и посылать другим шарам импульсы разного напряжения и частоты. Импульсы эти причудливо сплетались и пересекались, образовывали живую струнную сеть, дрожание которой определяло жизнь данной кристаллической грани. Если удачный импульс приближал это дрожание, эту музыку к Всеобщей Изначально Заданной Частоте Великого Кристалла, возникал долгожданный Резонанс. То есть настоящего Резонанса еще не было, был намек на него. Но даже это вызывало у шаров моменты ликования. Однажды познал такое ликование и Бе-

лый шарик. Это когда он по сигналу Красного шара ловко подкинул в пространство два светлых импульса из системы дальних Голубых шаров, переплел индекс Темно-красного шарика со своим и точно всадил всю эту комбинацию в темную, «незвучащую» ячейку вибрирующей сети силовых линий. От зазвеневшей ячейки пошел сигнал к еще заметному от пирамиды Синему шару № 2. Тот давно ждал импульса смешанной частоты и теперь расцвел, выпустил целый сноп лучей магнитного контакта, и вся округа несколько мгновений упивалась состоянием Радостного Общения. Грань еще на какой-то шаг приблизилась к Общей Гармонии, а Белый шарик в этот миг буквально растворялся в счастливом тепле, умилении и любви других шаров. И в то же время — в ощущении собственной значимости, пользы и важности... Ах, если бы это продолжалось подольше!

— Только, пожалуйста, не зазнавайся, — посоветовали Желтые близнецы. — Одна удача еще ни о чем не говорит.

— Да, — поддержал их Большой Белый шар. — Все сошло удачно, ты молодец. Но если бы ты чуть-чуть ошибся и не поаял совмещенными импульсами в ячейку...

— То что? — довольно развязно спросил Белый шарик, близнецы возмущенно закудахтали, но Большой Белый шар был терпелив:

— ...Тогда могло возникнуть явление антирезонанса. Именно оно и притягивает черные покрывала. Кристалл не прощает, друг мой, дерзостей и неоправданного риска...

Ох уж эти нравоучения!.. И Белый шарик вернулся к будничной жизни.

Эта жизнь была тоже ничего, нескудная. Во-первых, надо было точно уловить момент (и в этом ощущался азарт), чтобы перехватить и переслать дальше под заданным углом любой из неожиданных импульсов. Во-вторых, приходилось внимательно слушать, не слабеют ли сигналы в ближайших ячейках Сети, и в случае чего вплетать туда собственные импульсы нужной частоты. Оставалось время и для свободной связи с шарами. Не только для бесед с постоянными соседями и наставниками, но и для переключки с другими. Пошлешь наугад индекс-вопрос — «ты кто?» — и вдруг ощущаешь шекотанье ответного луча: «Я Розовый шар на втором коротком ребре Большого параллелепипеда номер три. А ты?»

Такие «разговорные» импульсы никак не влияли на состояние Сети, но большие шары все равно предупреждали:

— Не болтай слишком часто, не трать зря энергию.

— А почему нельзя тратить?

— Задержится Возрастание.

— Ну и что?

— Ну и будешь младенцем до старости!

— А это плохо?

— Это нарушит Гармонию грани...

— О-о-о... — Белый шарик морщился, как от зубной боли (если представить, что у Шарика были зубы и они могли болеть). Только и слышишь: «Гармония, Гармония...»

— Не смей испускать черные импульсы! — взвизгивали Желтые близнецы. — В конце концов, это просто невыносимо!

Ну, а какие еще импульсы испускать, если все надоело и ни с кем не находишь постоянного резонанса?

...Однажды донесся импульс, от которого Белый шарик буквально затрепетал. Импульс этот был без адреса, шел в пространство широким веером. И, судя по всему, не в одно пространство, а по многим гра-

ням Кристалла. О, Великая Всеобщая Сеть, кто мог излучать такое?

До сих пор Белый шарик только слышал, что есть другие грани. Это были иные миры, импульсы оттуда почти не доходили. А если и доносились, то ни о каком резонансе не могло быть и речи — слабые они. А этот импульс, пробивая многомерные зеркала совмещенных пространств, хотел, кажется, заполнить собой весь Кристалл... И странно, что никто из шаров не обратил внимания на такой широко разлетевшийся крик.

Да, именно крик. Это был, безусловно, черный импульс — сигнал тревоги, печали и одиночества. Слозно какой-то шарик родился в полной пустоте и решил, что ничего — совсем ничего, никого и нигде! — на свете нет.

— А может, и правда так? Может, несчастный этот шарик излучает лишь такую частоту, что его никто не замечает?

— Вы что! Разве не слышите?

— Белый шарик, ты о чем, малыш?

«О чем!» Он — о дрожи своего тревожного резонанса. О желании скорее успокоить того, кто мечется и страдает в черной пустоте! О странном чувстве, которому нет объяснения (лишь много позже Белый шарик узнает, что оно называется «жалость»).

— Ты кто?

Не было ответа. А тоскливая дрожь не проходила, и Белый шарик боялся все больше. Он боялся не выговора от больших шаров, не антирезонанса, не черной покрывала. Вообще это был страх не за себя. Впервые шарик страдал оттого, что плохо не ему, а кому-то другому. Незнакомому, неизвестно где живущему

— Ты кто!

Не было ответа. И Белый шарик первый раз в жизни совершил немисливо дерзкий поступок. Рванув колоссальный запас энергии, он швырнул импульс-анализатор двусторонней связи в бесконечность. Навылет через грани! С отчаянной силой, но почти без надежды, что получит ответ...

Тугая струя импульса пробила ломкие структуры ближайших граней и пошла навстречу вееру чужого сигнала. И Шарик сам — всем своим сознанием — заскользил вперед по этой струе!

...Сперва ему показалось, что черный импульс идет от незнакомого шарика. Тоже белого, но... совершенно другого. Немисливо другого! Неравенство масс было таким, что Белый шарик замер в горестном недоумении... Но почти сразу он понял: различие настолько громадно, что его просто не следует принимать во внимание. Известно ведь, что свойства бесконечно большого и бесконечно малого часто совпадают. Это во-первых.

А во-вторых, излучал вовсе не тот незнакомого шарика, а кто-то другой, находящийся с ним рядом. Сам же маленький шарик был не живой, просто оболочка. И Белый шарик невидимым лучом вошел в эту оболочку, заполнил сознанием привычную, уютную форму.

А тот, от кого шел в совмещенные пространства сигнал тоски и одиночества, словно окутал шарик печальной теплотой, молчаливой просьбой о сочувствии.

И Белый шарик спросил третий раз:

— Ты кто?

Часть I

СТАСИК

Прогульщик Скицын

I

Трахнуло, как из пистолета!...

Ну кто мог подумать, что обыкновенный капсюль от охотничьего патрона, замазанный хлебным мякишем и надетый на перо легонькой деревянной ручки, грохнет с такой силой! Обычно они стреляли не громче бумажных пистонов, а если ручка падала на пол не совсем прямо, то вообще получалось пшиканье. А этот вон как!

Стасик даже зажмурился.

А когда он разожмурился, увидел, что маленький Генка Янченко прыгает на одной ноге, а другую трет сзади ладошкой. Стасик сразу сообразил, что искра от капсюля подло клюнула Генчика в беззащитное место между чулком и кромкой твердых коленкорových штанишек. Ой-ей... Генчик-Янчик был среди третьеклассников самый смиренный и безобидный. Стасик тоже не из бойких, и он вовсе не хотел делать Генчику никакого вреда. Просто думал пошутить, когда бахнул капсюлем у него за спиной!

Стасик все это и собрался объяснить. И, конечно, они с Генчиком тут же помирились бы и даже посмеялись — вместе со всеми, кто сбежался на выстрел (а народу в школьном коридоре было полно, потому что дежурные в классы еще не пускали). Но рядом оказалась длинная, как пятиклассница, Сонька Лапина — она всегда воюет за справедливость, где надо и где не надо.

— Чё на маленького! — заорала она своим басом и замахнулась на Стасика здоровенным портфелем. Стасик, разумеется, успел присесть, и портфелем вляпало не ему, а второгоднику Бусыгину. По уху! Но Бусыга на Лапу не кинулся. Он вмиг смекнул, кто тут главный виновник. И дал ему такого упругого пенделя, что Стасик, не успевши разогнуться, пролетел сквозь толпу...

И головой врезался в бок Берты Львовны, грозной учительницы четвертого «А».

Берта была, как башня с линкора, она даже не шелохнулась. Но из-под мышки у нее вылетели указка и классный журнал. Стасик ойкнул и хотел их поднять, но Берта ухватила его за ворот.

— Это еще что? Ослеп?

— А чего! Если толкаются... — заныл Стасик.

— Кто толкается? Где?

— Врет он все! Он сам пистонем стреляется, маленьких пугает! — возгласила Сонька. Она была такая бесстрашная, что не боялась оказаться ябедой.

— Кто стреляется? Ты стреляешься? — И повлекла Берта Львовна третьеклассника Скицына в учительскую.

— Нина Григорьевна, получайте вашего партизана! Пальбу в коридоре устроил и мне прямо в печенку... Ох, не могу...

Нина Григорьевна обычно была вовсе даже не строгая. А главное, — своя, привычная. В другой раз она быстро отругала бы Стасика и «марш в класс». Но сейчас она то ли по правде вообразила, что Стасик Скицын из чего-то выпалил Берте Львовне в печенку, а может, просто с утра поругалась с мужем или узнала про всякие дела своего сына-семиклассника Вовки, который учился в соседней семилетке... В общем, взвилась она и запричитала:

— Да это что же такое! Второй день учатся, и уже проходу нет! Дальше-то что будет?! Совсем из школы бежать?.. Нет уж, голубчик, убирайся из школы

сам и без мамы не появляйся! — И в открытую дверь: — Тетя Лиза, проводите этого стрелка за порог, и чтобы его близко не было, пока мать не приведет!..

Техничка тетя Лиза, крепкая и решительная, перехватила Стаськин воротник и вмиг выставила несчастного Скицына за двери родной начальной школы номер три. И затрясла у него за спиной колокольчиком. Словно не просто созывала всех со двора и улицы в классы, а злорадствовала: «Люди-то учиться идут, а ты, Скицын, хулиган и прогульщик!»

Стасик ошарашенно остановился на тротуаре. Простое непостижимо, как за две минуты может столько всего свалиться на человека. Будто вихрь какой-то или лавина! Нежданно-негаданно...

Всякое за два учебных года случалось со Стасиком Скицыным, но чтобы вот так, с треском из школы и «без мамы не появляйся»... За что? Будто он противотанковую мину взорвал! Все стреляют — и пистонами, и хлопущками, и пульками из резинок, надеются на пальцы, и не только в коридоре, но даже на уроках. А виноватым оказался бедный Скицын, который тише и примернее многих.

Стасик перешел булыжную мостовую и побрел вдоль деревянной решетки Андреевского сада. Прочь от своей школы — такой привычной, уютной, с красным кирпичным низом и деревянным вторым этажом, где блестят большущие, чисто промытые стекла, и со свежим ярким кумачом на воротах: «Добро пожаловать!» Ага, «добро пожаловать... с мамой»...

Мама, конечно, все поняла бы. Ну, ругнула бы Стаску для порядка, вздохнула и пошла бы в школу. Да только сейчас пойти она не может. И расстраивать в эти дни ее никак нельзя. Дней через десять, а то и через неделю предстоит маме отправляться на «Калужку» — в белый одноэтажный дом на Калужской улице, где с давних пор появляются на свет почти все дети города Турени... И Стасик появился там же — девять с половиной лет назад... Ох, лучше бы уж не появляться...

Да, но что же в самом деле теперь предпринять? Безысходность какая-то. Зареветь бы, да все равно бесполезно.

Но, конечно, полной безысходности не было. Позади унылых и беспомощных мыслей шевелилась уже спасительная догадка. Вечером надо все рассказать Юлию Генриховичу. Пусть он завтра в свой обеденный перерыв зайдет вместо мамы в школу. Стасик чувствовал, что в этой беде отчим будет на его стороне. В свои давние детские времена Юлий Генрихович тоже выкидывал в гимназии разные фокусы и до сих пор любил об этом рассказывать.

Лишь бы он пришел домой трезвый... Впрочем, до зарплаты далеко, и к тому же он, как и Стасик, старается теперь не расстраивать маму.

Откуда капсюль, отчим даже и не спросит. Недавно Юлий Генрихович целую горсточку подарил Стасику за то, что он помогал развешивать дробь для охотничьих зарядов. Могло ведь случиться, что не все капсюли Стасик разгрохал в тот же день и один из них затерялся в карманах.

В них, таких глубоких, что хочешь может затеряться!

И несмотря на все несчастья, Стасик опять ощутил удовольствие — оттого, что на нем такой замечательный костюм...

Эти костюмы летом появились в магазинах в большущем количестве. Покупай кто хочет! Страна заботилась о том, чтобы счастливые дети стали еще счастливее. Костюмы были дешевые, из материи, похожей на серую рогожку, но очень солидного, именно «костюмного» покроя: китель и брюки навывпуск.

Мама купила обновку для Стасика в середине августа.

Через много лет Станислав Скицын нашел в маминых бумагах старую фотокарточку, где он в этом наряде. И поразился широким штанам и балахо-нистому кителю, из которого торчала стриженная под коротенький «полубокс» голова с ушами, похожими на приставленные к щекам ладошки... Но в те августовские дни Стасик был счастлив. Правда, первого сентября он испытал некоторое разочарование, потому что половина мальчишек в третьем «А» и третьем «Б» явилась в школу в таких же кителях и брюках. Зато другие, кто по-прежнему ходил в коротких штанах или бесформенных полинялых шароварах, именуемых «шкерками», глядели с завистью. Завидовать следовало хотя бы из-за карманов. Только на брюках — два боковых, один сзади и один у пояса: для часов, если они вдруг когда-нибудь появятся.

Пока же в «часовом» кармане у Стасика был спрятан желтый бумажный рубль с портретом шахтера-стахановца, а в боковых — всякое полезное имущество: две стиральные резинки, увеличительное стекло, кусок мела (можно рисовать заборах чертиков и скелетов), старинный пятак, щелкунчик из киноплёнки, пятьдесят копеек мелочи... И только капсюль — по правде говоря! — там никогда не лежал. И теперь мелькнула мысль: может, и беда у него, у Стаськи, — в наказание за обман?

«А чего я такого сделал-то?! — мысленно завопил себе в ответ Стасик. — Украд, что ли?»

«А что ли нет?»

«А что ли да!»

У отчима Юлия Генриховича была большая берестяная коробка — скрипучая и затертая от старости. Называлась она «куженка». В куженке хранились охотничьи припасы: патронташ со снаряженными патронами, две пачки пороха — дымный и бездымный, тяжелый мешочек с дробью, круглая «секачка», чтобы вырубать из старых валенок пыжи (Стасик иногда вырубал); латунные и картонные гильзы и много других интересных вещей. В том числе и коробочки с капсюлями: похожими на патрончики «жевелю» и простыми — это медные чашечки с зеркальцами из фольги...

У куженки была плотная крышка, но замка не было. Отчим знал, что Стасик никогда ничего не возьмет без спросу. И баловаться не будет. Правда, иногда, оставшись один, Стасик выволакивал куженку из-под кровати и рассматривал все это грозное имущество, но очень осторожно. Про всякие несчастья от небрежного обращения с боеприпасами он был слышан от Юлия Генриховича и его приятелей. Стоит, например, поставить заряженный патрон на дробинку, которая нечаянно оказалась на столе — и привет! «Разом нет полголовы», — говорил отчим, а мама охала. Короче говоря, требовались в этих делах осторожность и точность. Семь раз проверь и отмерь... Для точности, для отмеривания зарядов служили аптечные весы с крошечными блестящими гирьками.

Из-за этих весов, можно сказать, все и случилось. А точнее — из-за бильярда.

Стасику нравились игры с шариками. Всякие. И он думал: вот бы устроить какую-нибудь игру дома! Конечно, лучше всего пинг-понг — настольный теннис, как в лагере. Но даже если сумеешь сколотить громадный стол, как его засунешь в комнату? Совсем не трудно соорудить кегли, но для игры нужен ровный длинный пол, а коридор в доме тесный, да и соседки заругаются... Оставался бильярд. Маленький, как в больнице, куда летом судьба загнала Стасика...

Стасик попросил у соседского дяди Юры кусок ровной фанеры, поработал ножовкой. Получился метровый прямоугольник. В сарае Стасик раздолбал пу-

стой курятник и взял рейки для бортиков. Сукна, конечно, не нашлось, но мама отдала бумагаейную занавеску, которой раньше задегивали кухонную полку. Стасик обтянул фанеру и бортики.

Здорово получилось! Особенно, если не обращать внимания, что материя — пыльно-розовая с серыми цветочками и в одном углу прожженная.

Кий помог вытесать из рейки дядя Юра. Своим рубанком обстрогал и шкуркой зачистил. И Стасик не раз примеривался, как будет гонять шары... Только где их взять?

Больше всего годились бы, конечно, стальные шары от больших кольцевых подшипников — как в настоящем настольном бильярде. Да разве их раздобудешь? Один-два еще туда-сюда, а надо-то шестнадцать! И тогда Стасик решил — глина!

Юлий Генрихович, правда, говорил, что глиняные шары будут неровные, непрочные, быстро рассыплются. Но тут отчим был явно не прав. Неровные? Ха-ха! Он не знал, какие аккуратные шарики умеет Стасик скатывать из глины! Непрочные? Можно обжечь для крепкости. Труднее всего другое: как их сделать совершенно одинаковыми по весу и размеру?

Стасик решил и эту задачу. Надо скатать сперва один шарик для образца. А потом его, как гирьку, — на чашу весов, а на другую — порции глины. И шарики из этих порций получатся один к одному, до миллиграмма. Ведь весы-то аптечные.

Эта идея пришла сегодня утром. А когда мама с подругой тетей Женей ушли в больницу, которая называется «консультация», Стасик выволок на свет куженку. Надо было посмотреть: поместится ли шарик размером с грецкий орех в чашечке весов. «Поместится», — решил Стасик. Довольный спрятал весы, стал двигать куженку под кровать и там в полумраке заметил крошечное, тускло засветившееся зеркальце. Ого!.. Он выколупал находку из щели между половицами. И сразу же замазал капсюль мякишем, надел на перо, сунул ручку в пенал...

Если бы Стасик увидел капсюль внутри куженки, ему бы и в голову не пришло присвоить его. Но сейчас-то капсюль был явно потерянный. Значит, ничей... И к тому же такой пустяк!

Ох, кабы знать тогда, чем все это кончится... В бильярде можно рассчитать заранее, в какой угол шарик покатится. А в жизни поди угадай, куда пихнет тебя случай...

Теперь надежда только на отчима. Но он придет с работы не раньше семи. И Стасику до этого срока появляться дома не резон. Мама должна думать, что он отсидел, как полагается, все уроки. А пока придется гулять. И лучше подальше от школы и знакомых улиц. А то ведь, по закону невезенья, обязательно напорешься на кого-нибудь, кто тебя знает.

Он вздохнул глубоко и горько. Свернул за угол и зашагал по улице Семашко, в конце которой синела заречная даль.

2

Август чуть ли не весь был серый и слякотный, но в последние дни его опять появилось солнце. И сентябрь тысяча девятьсот сорок седьмого года начался в городе Турени безоблачно, безветрено, с каким-то особенным, пушистым теплом. Листья не шевелились, почти неподвижно висели в воздухе летучие, с растопыренными волосками семена. Искрились чуть заметные паутинки. На улице Семашко совсем не встречались прохожие. И тихо было, только шаркали по доскам Стаськины подметки, да где-то на дворе заорал петух, но застенялся и не кончил крик.

Это солнечное умиротворение постепенно успокоило Стасика, обволокло его. Где-то в глубине еще

скреблись беспокойство и обида, но сильнее их была уже уверенность, что все кончится благополучно. Впрочем, и уверенность эта была не главной. Она тоже растворялась в ленивой Стаськиной беззаботности.

Так и брел он квартал за кварталом к высокому берегу.

У реки Стасик бывал очень редко. Гулять в одиночку так далеко от дома он еще не решался. А если с кем-то в компании, случай выпадал не чаще раза в год. Как-то давно ходил с мамой и соседками поглядеть половики с лодочных мостков. А еще раньше, позапрошлым летом, он и мама на пристани встречали пароход, на котором вернулся из командировки Юлий Генрихович. Было очень интересно, только стояли сумерки, а в них не разглядеть все как следует. Стасик запомнил огни на пароходе и фонари на берегу, шум паровой машины, гудки, запах соленой рыбы, которым несло от сложенных в пирамиды бочек. И худую серую кошку: она сидела на ящике под желтой лампочкой и равнодушно умывалась. И мигали на решетчатых столбах и вышках колючие красные сигналы... От этого вечера у Стасика осталось ощущение, что он побывал где-то в далеком приморском городе, откуда начинаются кругосветные плавания.

А прошлой весной устроили для второклассников прогулку на берег и назвали ее «экскурсия». Все стояли над рекой и смотрели с высоты на залитые половодьем заречные улицы, на татарскую деревню Нижние Юрты с церковью под названием «мечеть», на рощицы и синий лес на краю земли. И практикантка из пединститута громко рассказывала, что такое «горизонт». Но все, кроме.bestолового Мишки Семипалова, и так знали о горизонте, поэтому не слушали, отбегали, и Нина Григорьевна очень боялась, что кто-нибудь свалится вниз. Обрывищи-то ого-го какие!

Сейчас обрывы показались еще выше. Может быть, потому, что река в конце лета обмелела и выглядела совсем не широкой, маленькой по сравнению с нависшими над ней громадами земли. Река отступила от крутизны, вдоль воды тянулась широкая песчаная полоса. На ней валялись оторванные от плотов бревна, какие-то ящики, автомобильные шины и всякий мусор. У другого, низкого берега сплошь стояли плоты, к ним прижимались разноцветные катера. На краешках плотов сидели мальчишки с удочками. А дальше был простор, простор под бледно-синим небом — до того самого далекого горизонта, о котором рассказывала студентка... Солнце светило в спину и не мешало смотреть. И Стасик все больше отдавался власти громадного, но ласкового пространства. И такими пустяками были теперь его недавние неприятности по сравнению с этой бесконечной землей и чистым небосводом — тоже бесконечным и спокойным. Стасик даже снисходительно пожалел одноклассников, которые сидят в душном от свежей масляной краски классе...

Потом он стал думать, куда пойти, и решил, что направо двинулся по краю берега.

Тропинка привела к серому забору. За ним стоял покосившийся, но красивый деревянный дом с круглой башней под куполом из чешуйчатого железа. Наверно, до революции построили его для какого-нибудь богача. На башне торчал штырь с железным флажком. Во флажке светились пробитые насковзь цифры: 1892. Стасик сообразил, что это год постройки.

...А еще это был год рождения Юлия Генриховича.

Соседки говорили маме: «С ума сошла, он же тебя на пятнадцать лет старше! А выглядит вообще будто кощей!» Но мама не послушалась. И, наверно, хорошо. Иначе кто бы завтра заступился за Стасика?..

Хотя мама тогда и сама могла бы. Ведь если бы ей не встретился Юлий Генрихович, не пришлось бы теперь собираться на «Калужку»... Соседки и про это вздыхали: «Ох и глупая ты, Галина, ох и отчаянная! Зачем тебе это на старости лет?» Дуры, честное слово! Разве мама старая? И она отвечала: «Катеньку хочу...» Потому что была у нее раньше дочка, а у Стасика сестра Катя. В сорок втором ушла на курсы сандружинниц, а оттуда на фронт. И через три месяца — похоронка. Стасик тогда как раз дизентерией болел, думали, что кончится. Мама потом говорила: «Из-за него и выжила, надо было спасать, на ноги ставить. А то бы, наверно, не перенесла...»

Катю Стасик хорошо помнит. А отца не помнит. Совсем еще крошечный был Стаська, когда отца призывали на финскую войну. Там и убили, даже с немцами не успел повоювать. Вот такая она жизнь: то на одной войне гибнут люди, то на другой. То совсем без войны, отчим рассказывал...

Стасик мотнул головой. Грустные мысли годятся для пасмурных дней, а сейчас надо радоваться воле вольной...

Забор подходил к самому обрыву. Но все же между ним и кромкой берега оставалась травяная полоса — шириной в один шаг. А на ней ниточка-тропинка. И Стасик пошел, чиркая правым плечом по доскам, а левым ощущая жутковатую пустоту. Но глинистый обрыв сменился зеленым откосом, тропинка вильнула по нему вниз и запрыгала по всяким буграм, выступам, склонам и промоинам. Среди бурьяна, жесткого белоцвета и древовидных, выше Стасика, репейников. Сухие стебли и колючки злорадно цеплялись за шероховатый китель, дергали кирзовую полевую сумку на брезентовом ремне, чуть не оторвали от этого ремня сатиновый мешочек с чернильницей-непроливашкой. Ежики-репы щелкали по ушам и застревали в коротеньком Стаськином «полубоксе». Ну и пусть! Приключения так приключения. Вперед!

Но скоро он понял, что костюму от таких приключений несдобровать. Левая штанина внизу разорвалась по шву, одна пуговица с кителя потерялась. Стасик выбрался на солнечную пропелешину откоса. Обобрал с себя колючие шарики. Из кителя сделал скатку — вроде шинельной, солдатской. Надел ее через плечо крест-накрест с ремнем сумки. Получилось походному, по-военному. Штаны подогнул выше колен, а чулки скатал пониже, так что под коленками получились отвороты, похожие на коричневые бублики. Перешнуровал потуже ботинки. И решил, что теперь он похож на разведчика-путешественника с картинки в книжке писателя Кипплинга.

...Эту толстенную книгу без корочек он прочитал, когда лежал в больнице. Там ее все по очереди читали, она переходила «от поколения к поколению». В давние времена принесли ее кому-то с передачей, там она и осталась, потому что из «заразной» больницы возвращать ничего не разрешается.

В книге было много всего: и разные сказки, и приключения в джунглях, и рассказы про моряков. И длинный роман под названием «Ким». Про происхождения беспризорного мальчишки и про его учителя-индуса, который всю жизнь искал священную реку. Стасик не все в этой истории понял, но было интересно. И больше всего запомнились мысли Кима. Как он пытался решить загадку: «Кто же я такой?» И его мысленный крик — будто сразу и вопрос, и жалоба, и ответ, и радость: «Я Ким, Ким, Ким!..»

На Стасика тоже иногда наваливались мысли: кто он и зачем? «Я Стасик, Стасик... Ну и что? А почему я именно Стасик? А что дальше?..» Про это он думал не раз, когда не спалось на больничной койке, а в небе — то бледные июльские звезды, то желтый ноготок полумесяца... И додумался тогда Стасик, что

все-таки есть у человека бессмертная душа. Никакого там ада, рая и прочих чудес, про которые рассказывала соседская бабушка Алена, мама дяди Юры, конечно, быть не может, сказки это. А душа есть, потому что без нее было бы совсем глупо.

И случалось и так, что Стасик лежал на кровати и в то же время будто улетал к тем звездам, что в окне, и мчался среди них свободно и бездумно...

Но и мысли о бессмертной душе, которая когда-нибудь полетит в звездную бесконечность, не решали загадок. А зачем она, душа? А как это — вечность и бесконечность? Совсем-совсем без конца? Или где-то конец все-таки есть? А тогда — что за ним?..

Однако сейчас на лужайке речного откоса мысли эти лишь едва-едва мелькнули у Стасика. Просто книжка вспомнилась и Ким... Стасик поправил под ремешком кофточку, по-следопытски глянул вперед.

Шагов через двести тропинка привела к развалившейся лестнице. Наверно, когда-то лестница спускалась к лодочной переправе. Но теперь переправа была совсем в другом месте, а от лестничных пролетов остались лишь отдельные участки с прогнившими ступенями. Остальное, скорее всего, во время войны растащили на дрова. Стасик поглядел сперва вперед, потом вверх. Пробраться сквозь заросли, по правде говоря, уже надоедо, под рубашкой полно мусора, а колени горят и щешутся. А, кроме того, надо ведь посмотреть, что там наверху за улицы.

То по хлипким ступеням, то прямо по откосу выбрался Стасик на высокую кромку берега. Оглядел, как покрититель Казбека, реку и землю до горизонта, поправил амуницию и двинулся в незнакомые края.

Улица Ермаковская, улица Тобольская, переулочек Водников... Никогда Стасик здесь не бывал. Он жил в привокзальном районе, всегда словно припорошенном угольной пылью. Дома там — кирпичные или деревянные — были все похожи друг на друга: двухэтажные, с квадратными окнами, без всяких украшений. Кое-где между ними стояли длинные бараки. И единственным красивым зданием был похожий на терем клуб железнодорожников, да и то он стоял ближе к центру, в Андреевском саду.

А здесь — все по-другому. Деревья казались гуще и листья их чище. В канавах пестрели мелкие ромашки, а у заборов желтая россыпь лютиков, сурепки и поздних одуванчиков. Лопухи по-хозяйски росли сквозь щели деревянных тротуаров. И все дышало стариной. На кирпичном двухэтажном доме, на боковой стене, Стасик увидел совсем необыкновенное: большой корабль с надутыми парусами и длинными флагами! Видимо, барельеф этот был вылеплен из алебаstra или гипса. Старый, потрескавшийся, местами обвалившийся... Но все равно прекрасный корабль! Он летел над верхушками пожелтевших кленов и гроздьями рябин. Над ним виднелись на кирпичных полуостершихся черные буквы «Бр. Гурины. Торговля рыбой». Стасик мысленно отмел эту буржуйскую надпись, а кораблем любовался долго.

И с этого момента он всюду стал замечать признаки особой, «корабельной» жизни. У ворот лежали перевернутые лодки. На заборе желтело фанерное объявление: «Пристани Турень требуются грузчики, вахтеры и разнорабочие» — и внизу значок — якорь в кружочке. Над кривым деревянным домом с башенкой — флюгер-пароходик. Маленький сквер огорожен литой решеткой с узором из штурвалов и канатов... И название самой улицы — Пароходная!

И Стасику очень захотелось туда, где два года назад он видел пароходные огни и ощущал портовые запахи.

Но улица вдруг уперлась в теплую от солнца стену кирпичного склада. Пришлось обходить его по тропинке. А тропинка привела Стасика в кривой переулок.

Размышления в переулке

Банний лог

1

Переулок извилисто убегал вниз, но не с ровным наклоном, а с горки на горку. Тротуары — не деревянные, а из каменных плит, которые лежали косо, редко, топорщились и соединялись кривыми тропками. Дома тоже стояли неровно: то вдоль, то поперек, то дерзко выставляли на дорогу покосившийся угол или крыльцо. Были здесь всякие дома: и большие — с резной, застекленными балкончиками и надстройками, и утонувшие в лопухах и бурьяне хибарки. А над путаницей склонившихся туда-сюда заборов — чаще рябин и вековые тополя.

Безлюдный этот, причудливый переулок помнил Стасика ласково и неудержимо. И Стасик пошел вниз по плитам с приятным и странным ощущением: будто он делает открытие и в то же время словно место это ему смутно знакомо.

Конечно, у такого переулка и название должно быть подходящее. Скажем, «Речной», потому что за домами чувствуется, просто-напросто дышит простор недалекой реки. Или «Лодочный спуск»: вон две лодки лежат у ворот, а еще одна торчит острым носом над забором. Или «Рыбачий». Большая сеть сохнет на кольях в полисаднике перед желтой мазанкой (неужели в реке ловят сетями? Или привезли с озера?).

Наконец Стасик увидел на воротах ржавый круглый щиток с фонариком, номером и облупившимися буквами:

Он остановился, заморгав. От удивления и досады. Название и правда необычное. Но и... как говорят, ни к селу, ни к городу. Лог — это, как известно, овраг, он с ответвлениями тянется через Турень во многих местах. А здесь... Может, потому, что переулок постепенно опускается к реке и незаметно раздвигает толщи обрыва? Ладно. А почему «Банний»? Где-то здесь баня? Но известно, что в Турени всего четыре бани: Ишимская (за водокачкой), Заречная (у черта на куличках, Стасик там никогда и не был), Железнодорожная (привычная, уютная, куда он ходит с Юлием Генриховичем) и Стахановская (самая большая, в центре, на улице Стахановцев).

Чтобы прогнать досаду, Стасик решил, что когда-то и здесь была баня, но не простая. Наверно, с большой трубой, похожая на пароход. В ней мылись кочегары с пароходов, которые приплывали к пристани Турень от самого Ледовитого океана...

В банях, кстати, всегда есть что-то такое, корабельное, морское. Шипенье кранов, шум воды, гулкие голые спины блестят в пару — совсем как в паровой кочегарке, когда барахлят старые котлы (Стасик видел это в кино «Морская дорога»). А Стахановская баня, та вообще напоминает океанское судно: похожие на иллюминаторы окна в несколько рядов, а над входом — кубический застекленный выступ, будто капитанский мостик.

Однажды шли втроем по улице Стахановцев, и Стасик сказал:

— Если бы не круглая, то совсем как корабль. Дело в том, что трехэтажная кирпичная баня была

как цирк без купола или большущий нефтяной бак. Юлий Генрихович поддакнул и вдобавок объяснил, что были на свете и круглые корабли: два старинных броненосца, которые прозвали «поповками». Потому что их строил адмирал Попов.

— А может, и баню эту адмирал строил? — сказал Стасик. Просто так, для шутки.

Но Юлий Генрихович вздохнул и возразил, что баню строил известный архитектор, у него много интересных зданий в других городах, а одно даже в Москве...

— А вот за это сооружение беднягу посадили и чуть не шлепнули, — сказал он.

Мама нервно оглянулась, а Стасик сумрачно спросил:

— Почему? — Что такое «посадить» и «шлепнуть», он знал.

Юлий Генрихович объяснил, что баня построена кольцом (снаружи этого не видно), и архитектора обвинили, что сделал он это с вредительским умыслом. Если, мол, враги народа, диверсанты и троцкисты, взорвут внутри такого кольца бомбу, она в замкнутом пространстве ахнет с повышенной разрушительной силой, погубит здание и массу советских людей...

— Откуда ты это знаешь? — опасно и с досадой сказала мама.

— Потому что я с ним вместе сидел в пересылке...

Мама опять посмотрела вокруг: нет ли поблизости прохожих? Того, что все это слышит Стасик, она не боялась, привыкла доверять ему. В те годы, когда они жили вдвоем, с кем ей было еще разговаривать откровенно? Вот и беседовали обо всем на свете, и мама приучила сына с посторонними о лишнем не болтать, а о таких делах вообще молчать намертво.

Юлий Генрихович ему тоже стал доверять, когда понял, что Стасик Скицын человек надежный. Пускай не очень храбрый (а иногда и слабоватый на слезы), но если уж скажет — можно верить. И если обещал держать язык за зубами — не сболтнет ни приятелям, ни соседу и даже себе вслух не скажет.

2

Юлий Генрихович появился в жизни Стасика странно и тревожно. Много позже Стасик узнал, что в начале сорок пятого года в библиотеку Клуба железнодорожников, где мама тогда работала, пришел мужчина. Остался с мамой наедине, сказал, кто он и откуда, и предупредил, что через несколько дней к ней попросится на жительство квартирант. Ему подскажут этот адрес. «Так надо. Вам понятно?»

Мама пролепетала, что понятно. Комната у них со Стасиком была разгорожена фанерной стенкой. Проходную часть мама и раньше иногда сдавала приезжим людям: то эвакуированному профессору, то офицеру пехотного училища, то медсестре из госпиталя. Так что само по себе дело было не новое. Но мужчина объяснил, что время от времени будет встречаться с мамой. И она будет рассказывать ему, как живет и о чем говорит квартирант, какие у него знакомые и от кого он получает письма. Тут мама попробовала сказать, что она не знает, как это, и она не умеет, и вообще... А мужчина улыбнулся: «Вы ведь советский человек, верно? Вдова командира. И сын у вас растет, будущий пионер. Вы ведь любите вашего сына?»

Мама очень любила сына, будущего пионера...

Скоро появился жилец. В старом, ломком от мороза кожаном пальто, в облысевшей ондатровой ушанке, с фанерным чемоданом. Высокий, лицо впалое, а одна щека так втянута внутрь, что совсем получилась

яма. На толстой переносице — красноватый рубец. Глаза у незнакомца были бледные, и смотрел он, как дворовая собака Чапа, когда ее пускают в дом погреться.

Говорил он тихо и вежливо. Рассказал, что работал на севере в поселке у Обской губы, а сейчас перевели сюда. Жить стал незаметно. Утром уходил в контору мебельной фабрики, где служил плановиком. Приходил поздно, ложился на железную кровать и читал под лампочкой всегда одну и ту же толстую книгу «Война и мир». Иногда приносил маме консервы из своего пайка. Мама отказывалась, но он оставлял банки на столе. Мама звала его пить чай. Он пил, говорил мало, впалдина темнела на его щеке. Стасика он научил делать из бумаги надувных чертиков. Сказал: «Мы таких еще в гимназии мастерили»...

В начале марта с квартирантом случилась беда. Он шел с последнего сеанса из кино «Комсомолец», и на Земляном мосту его сбил грузовик. Не остановился. Ударом сбросило Юлиа Генриховича в лог, он лежал там без сознания до утра, потом прохожие заметили, подобрали, отправили в больницу. Там Юлий Генрихович пробыл до середины апреля — с сотрясением мозга, переломом руки и воспалением легких. Мама стала ходить в больницу. Сперва не часто, а потом почти каждый вечер. Стасика оставляла с соседкой тетей Женей. Когда возвращалась, объясняла насупленно и как-то виновато:

— Он ухода требует. Слабый совсем, сам ничего не может. А у него ведь никого здесь нет... кроме нас.

В Москве у Юлиа Генриховича был брат, но приехать он не мог, прислал только письмо и перевод.

Вернулся Юлий Генрихович еще более худой, зеленовато-бледный, но странно повеселевший. Чаще заходил пить чай. Стасику сделал трехмачтовый кораблик, чтобы пускать в лужах.

Неизвестно, приходил ли еще к маме мужчина «оттуда». Если и было такое, то про разговоры с квартирантом все равно мама ему не рассказывала. Иначе и она, и Юлий Генрихович попали бы туда, «куда Макар телят не гонял».

Оказалось, что на севере Юлий Генрихович не просто работал, а сидел в лагере. За что? «Милый мой, кабы хоть кто-то знал там, за что...» Первый раз его забрали в тридцать седьмом. Он жил тогда в Москве вместе с сестрой, потому что жена умерла, а детей не было. У сестры иногда собиралась компания знакомых музыкантов. Говорили о спектаклях, о концертах и книгах... Фамилия у Юлиа Генриховича была «странная-иностранная» — Тон. И однажды он, подвыпив, заметил в разговоре, что такую же фамилию носил архитектор, построивший в Москве храм Христа Спасителя. «Вот из этого окна он был виден...»

«Гордитесь, значит, знаменитым однофамильцем?» — небрежно улыбнувшись, заметил один знакомый. При странном молчании остальных. А Юлий Генрихович возьми да и брякни:

«Чего ж теперь-то гордиться? Кабы храм стоял по-прежнему, а то ведь пустое место...»

Все вежливо поговорили еще минут десять и быстро разошлись.

Сестра была старше («и умнее!») — говорил Юлий Генрихович. Она требовала, чтобы брат уехал немедленно — куда глаза глядят. А он только рукой махнул и спать завалился. Пришли за ним утром, отвезли в тесную одиночку.

«Ох, Стасик, не дай тебе Бог услышать, как за спиной задвигается тюремный засов...» — сказал однажды Юлий Генрихович в горьком подпитии...

Следователь говорил арестованному, что тот вел антисоветскую пропаганду, при всех сожалел о рассаднике поповского мракобесия, который взорвали,

чтобы на месте его построить Дворец Советов. И что планы этого строительства, он, подследственный Тон, называл пустым местом. И заявлял также, что не желает видеть в своем окне фигуру Вождя, которая должна увенчать Дворец. А поскольку до таких контрреволюционных мыслей одному дойти невозможно, то подследственный должен искренне признаться, в какой белогвардейской организации состоит.

Юлий Генрихович держался. Начитавшись в юности Джека Лондона, он потом немало побродил по земле, был охотником и спортсменом, ходил с караванами в Туркестане, рыбачил на Каспии, работал на Шпицбергене. В общем, был «жилистый и принципиальный», и следователи с ним «возились без успеха». А потом очень повезло. Сестра каким-то чудом выхлопотала разрешение на передачу, отнесла брату чистое белье, а от него получила сверток с грязным. «Головотяпы-надзиратели в спешке не досмотрели, — криво усмехнулся Юлий Генрихович. — Работы у них было невпроворот...» На рубашке сестра обнаружила кровавые пятна и прямо с этим бельем, сквозь все заслоны, пробилась к какому-то крупному начальству и подняла там большой крик. «Отчаянная была женщина, бестрашная...»

Как ни странно, а такой безумный шаг помог. Может, потому, что в этот момент наступило временное послабление в борьбе с «врагами и заговорщиками» Юлия Генриховича выпустили. И второй раз взяли только в сороковом году.

«Жили мы с сестрой на даче, идем как-то из леса, и смотрю я — сидят у калитки двое. Сразу видно, кто... Честное слово, хотел побегать, чтобы стреляли вслед и сразу конец... Ноги не послушались...»

На этот раз почему-то отвезли в подмосковный городок и допрашивали там. «Видимо, в столице уже места не хватало». Приговорили к высшей мере, и с месяц Юлий Генрихович сидел в просторной чистой одиночке, каждый день ожидая команды «на выход». И опять странно вильнула судьба: отправили не в «подвал», а в сибирский лагерь... А в январе сорок пятого его выпустили. Сказали, что может ехать, куда хочет, но в Москву пропуска не дали. Да и что было делать в Москве? Сестра умерла, с братом у них было «не очень...» Вот и застрял он в Турени — все-таки не совсем глушь, областной центр.

Отпустить отпустили, но, видимо, верили не совсем, раз держали под наблюдением... Впрочем, после девятого мая про Юлия Генриховича «там», кажется, вовсе забыли. То ли в общей радости, то ли просто поняли наконец, что никакой он не шпион и не враг. В те счастливые дни все люди ходили будто пьяные от счастья и, наверно, стали больше верить друг другу (так, по крайней мере, казалось Стасику). Юлий Генрихович съездил наконец в Москву — на могилу сестры и за имуществом. Привез куженьку, тульскую двустволку в потертом чехле, еще один фанерный чемодан и — маме московские духи, а Стасику плоскую старинную книгу с золотом на корке и множеством картинок: «Ночь перед Рождеством». Слова в книжке были с «ятами» и твердыми знаками, но буквы крупные, и Стасик разобрался быстро. Уже в ту пору он был заправский читатель.

Все чаще мама с Юлием Генриховичем ходила в кино и цирк. Обедали теперь все вместе. И наконец случилось то, к чему и шло: Юлий Генрихович переселился в их комнатку, а Стасика перевели в проходную. Ну что же, Стасик не возражал. Но все-таки друзьями они с отчимом не сделались.

Что ни говори, а Юлий Генрихович был странный человек. Например, мог целый день расхаживать по комнате в калысох и грязных носках, но когда в таком виде садился за стол, требовал чистое полотенце или платок, чтобы заткнуть за ворот — салфетка.

При этом пробор на его голове был как по линейке и редкие пегие волосы прилизаны специальной щеточкой.

Он морщился, когда Стасик или мама говорили «патефон», «мушкетеры», «берет». Оказывается, следовало произносить: «патефон», «мушкетэры», «берэт», потому что эти слова из французского языка.

— Как это звучит у Пушкина! «Кто там в малиновом берете с послем испанским говорит...»

Стасик пожимал плечами. «Евгения Онегина» он еще не читал, а если бы сказал в классе: «Ребя, в кинушке трофейные «Три мушкетэра» идут», — какая после этого была бы у него жизнь?

«Патефон патэфоном», а когда отчим ссорился с мамой, он такие русские слова кричал, что хоть голу под подушку прячь. Потому что прежней тихой вежливости у Юлия Генриховича не осталось. Иногда он был просто псих. Ни с того ни с сего взвонется, завизжит, на маму начинает замахиваться. Стасик тогда орал «не смейте», а мама потом плакала.

«На кой черт поженились?» — думал в такие дни Стасик.

Но бывало, что подолгу отчим ходил добродушный, чуть насмешливый и ласковый. Охотно болтал со Стасиком о его ребячьих делах и порой вспоминал про свои гимназические проказы и вообще про детство. Оказывается, в те годы у него с братом была даже своя парусная лодка. Потому что жило семейство Тонов совсем не бедно: отец — потомок шотландского капитана, служившего Екатерине Второй, — был управляющим на заводе французской газовой компании. Лето семья проводила в собственном доме на Истре, и жизнь там была самая веселая.

Но отчим любил вспоминать не только о веселых вещах. Иногда он с каким-то странным удовольствием рассказывал, как наступил босой ногой на граммофонную иглолку и знакомый хирург долго копался у него в разрезанной пятке и наконец вытянул коварную иглу сильным магнитом. Или как отец впервые в жизни его аккуратно и по всем правилам высек. За то, что обнаружил в ранце у сына-третьеклассника толстую книжку «Декамерон».

— А что это за книжка? — неловко хмыкая, спрашивал Стасик.

— Рано тебе еще знать, — поспешно говорила мама. — Совершенно верно. У нас дома так же считали. И когда папаша увидел книгу, послал кухарку Фросю к дворнику Степану: у того всегда был запас прутьев, он из них метлы вязал. А мне велел идти в детскую и приготовить...

— Можно же было убежать, — хмуро говорил Стасик.

— Куда?.. И к тому же не так мы были воспитаны, — объяснял Юлий Генрихович с каким-то странным самодовольством. — Ослушаться отца — такое и в голову не приходило. Ну и... прописал он мне творчество «эпохи Возрождения». Верещал я так, что брат Шурка в соседней комнате напустил в штаны... Ни когда в жизни мне потом так жутко не было, даже в следственной камере, когда раздевали и привязывали к чулунной печке...

— Не надо, Юлик, — говорила мама.

— А зачем... к печке-то? — против воли спрашивал Стасик.

— Зачем? Работали люди. Один дровишки подбрасывает, а другой показания записывает... Видишь ли, когда просто бьют, молчишь или орешь и ругаешься... А когда раскаленный металл...

Стасик вспоминал коричневые рубцы на теле отчима, которые видел в бане...

Конечно, про жизнь Юлия Генриховича Стасик узнал не сразу, а постепенно, в течение двух лет. Из разных, порой насмешливых, а порой тяжелых расска-

зов, случайных фраз, нечаянно подслушанных разговоров. Узнал и то, что расклеванного чугуна отчим не выдержал, признался: да, был завербован, да, передавал вражеским агентам сведения про советских граждан из юридической конторы, где работал последний год (все-таки два курса юридического факультета успел закончить до революции). А фамилии агентов такие: Белкин, Дефорж, Гринев, Швабрин, Ларин...

Стасик, знавший уже «Капитанскую дочку» и «Дубровского», фыркнул.

— Да, смешно,— покивал Юлий Генрихович.— Но эти старательные парни записали всерьез...

Однако обращение к пушкинским героям все же помогло. Через несколько лет какой-то «энкаведешной» комиссии, видимо, надо было обвинить в чем-нибудь своих излишне бестолковых следователей или просто поиграть в справедливость. И осужденному Ю. Г. Тону опять несказанно повезло, одному из многих тысяч: наткнулись на его дело. И председатель комиссии снисходительно сказал: «Но ведь за товарищем Тоню не было бы никакой вины, если бы он так легкомысленно не оговорил себя...»

После этого «товарищ Тон» и оказался в Турени...

Жизнь шла по-всякому. То вполне сносно, то с обидами и скандалами (и тогда соседки жалели маму). Но весной сорок седьмого года, когда отчим узнал, что у них с мамой «кто-то будет», он стал спокойнее, даже опять иногда ласковый делался. К лету выхлопотал для Стасика у себя на работе путевку в пионерский лагерь...

Все это Стасику вспомнилось, пока он топал по плитам Банного лога. Вниз, вниз. Переулок еще раз вильнул и привел к деревянной лесенке. Легко заступали по ступенкам твердые подошвы. Ну, совсем как шарик на лестнице в лагере...

«Ты кто?»

1

Лагерь принадлежал профсоюзу работников деревообрабатывающей промышленности, поэтому называли его просто и даже непочтительно — «Опилки» (хотя по правилам полагалось: «Имени двадцатилетия Советских профсоюзов»). Ну что поделаешь: ни лагеря, ни люди себе прозвищ не выбирают. Вот и к Стасику в «Опилках» в первый же день прилипла новая кличка.

Когда все собрались на большой поляне и вожатые стали выкликать ребят по своим отрядам, оказалось, что Стасика в списке нет. Он, конечно, расстроился. Что же теперь, домой? Толстая, похожая на повараху вожатая Дуся поглядела на печального белокрысого октябренька и вспомнила:

— В дополнительном списке вроде бы Стасик есть. Но не Скицын, а с какой-то иностранной фамилией. Не то Мортон, не то Вильсон...

— Наверное, Тон! — Стасик подпрыгнул от радости, и все рассмеялись. — Это потому, что Юлий Генрихович путевку достал!

Все, конечно, разъяснилось. И Стасик думал, что про этот случай тут же забыли. Но на линейке ему сказали:

— Эй ты, Вильсон! Куда лезешь, по росту вставай...

Так и пошло — Вильсон да Вильсон. Стасик вздохнул и смирился. В свои девять лет он уже знал: есть вещи, с которыми не поспоришь.

На другой день был сбор их младшего третьего отряда, и Дуся всех спрашивала, кто кем хочет быть.

Некоторые стеснялись и ничего не говорили, а кое-кто отвечал храбро, хотя после каждого ответа все почему-то смеялись. Когда пришел черед Стасика, он засмутился, но молчать не стал. Сказал тихо:

— Матросом...

Опять, конечно, все «ха-ха-ха». А Дуся спросила:

— Почему именно матросом? Может, уж лучше капитаном?

Пришлось объяснить ей, непонятливой:

— Как же сразу капитаном? Сперва все равно надо матросом.

Рядом крутился Бледный Чича, парень из второго отряда, лет двенадцати. Тускло-белый, как пыльная макарона, с бледными глазками. Он высунулся из-заголов и сказал клоуновским голосом:

— Храбрый матрос Вильсон с дырявого корыта. И все опять захохотали.

Что этому Чиче надо было от Стасика? Привязавшись с первого дня: то дает щелчок, то в столовой тафуретку из-под Стасика выдернет. И хихикает, хлопает белесыми ресницами...

Мальчики из третьего и второго отряда спали в одной палате, и утром Чича сказал:

— Эй, Вильсон, давай-ка заправь мне коечку, как следует. У нас такой закон: младшие старших всегда уважают.

Стасик и свою-то еще не знал, как заправлять. Зато знал другое (вернее, чувствовал): если кому поддашься, потом хуже будет, сядут на шею. Он ответил негромко, но твердо:

— Не нанимался.

— Ух ты, крыса корабельная. Ребя, слышали? Первый раз приехал, а уже... Ну, щас я тебе...

Но тут пришла Дуся:

— Что за кавардак? Ну-ка быстро, чтобы порядок был!

Чича ухмыльнулся и посмотрел на Стасика «ласково».

Стасик собирался в лагерь с радостью. Потому что хоть и каникулы, а все равно скучно. Во-первых, с утра до обеда торчишь в очереди в хлебном «распределителе». Потом надо еще несколько раз топать на водокачку с бидоном: маме тяжести таскать нельзя, отчим в конторе, а обед без воды не сварить... А выйдешь погулять на улицу — что там делать? Ну, побегаешь в догонялки, поиграешь в прятки с соседскими Юркой Карасевым, Лидкой-Занудой и Владиком Кислицким да с несколькими дошколятами. Или пойдешь в Андреевский сад, там пацаны из окрестных кварталов разбиваются на две команды и устраивают игру в сыщиков-разбойников или мяч гоняют на лужайке. Но еще ведь не каждый раз возьмут в команду, если у тебя ни большого роста, ни большого умения... И главное — каждый день одно и то же.

А лагерь — это все новое, все в первый раз!

Мама тоже радовалась за Стасика, а насчет воды и очереди за хлебом договорилась с тетей Женей, соседкой. В общем, все так хорошо складывалось. И вдруг — этот Чича!

В тот вечер, после первого сбора, Чича с дружкойми устроил такую подлость! В матрасе у Стасика сделали ямку и положили под простыню пузырь с водой, из тонкой резины. Такие продаются в аптеках и называются неприличным словом: большие мальчишки иногда их покупают, гочуют и надувают, будто воздушные шарики.

Стасик после отбоя помыл ноги в деревянной колоде за домом, пришел в палату и поскорее бухнулся в постель, чтобы не видеть Бледного Чичу и его приятелей. И, конечно, тут же вскочил! А они хохочут,

прыгают, верещат: «Матрос Вильсон в Сиксотное море поплыл! Забыл, где сортир!..»

Стасик не сдержался, заплакал.

Вошла Дуся, без слов разобралась, что к чему, Стаськину мокрую простыню сняла с матраса, огрела ею по спине Чичу. Постель принесли другую. Чича ненатурально ныл:

— А я-то чё? Сперва докажите!

К начальнику Чичу, конечно, не повели. Если каждого за всякие проделки водить к начальнику лагеря, очередь получится больше, чем в хлебный магазин... А днем на заборе появилась надпись: «Вильсон — сиксот».

Они, дураки, думали, что «сиксот» — это который напускает в постель. А на самом деле такое ругательство пишется через «е» — «сексот». Значит «секретный сотрудник». Тот, кто в лагере доносит на своих начальству. Не в пионерском лагере, конечно. Стасик знал про такое от Юлия Генриховича.

Стасик никогда не жаловался, хотя порой от Бледного Чичи, от его дружков Тольки Дубины, Генки Мячика и длинного придурка по кличке Хрын житья не было. Бить почти не били, а «доводили». Исподтишка. Чича был в лагере старожил, ему поддакивали, шуток ему весело смеялись. Ну а Скицын — кто он такой? Тихая амеба, глаза на мокром месте...

Стасик приспособился жить, как безопаснее. Днем — в гуще своего отряда, поближе к вожатым. На глаза им не лез, но и далеко не отходил. Или наоборот, возьмет в лагерьной библиотеке книжку и запрядется подалее в кусты, где никто не видит... А потом нашел он совсем замечательное убежище.

Лагерь находился на краю деревни Кошкино, в двух длинных дощатых домах. А еще он занимал на лето деревенскую школу — маленькую, вроде той, в которой учился Стасик. На нижнем этаже там обитал первый отряд, а на верхнем была пионерская комната и жили вожатые. Там же на широкой площадке у лестницы стоял стол для пинг-понга. Большие ребята из первого отряда младших в «наш дом» гускали неохотно. А уж к пинг-понгу вообще сунуться не давали. И только на Стасика не обращали внимания. Сидит в углу смиренный сверчок с книжкой, не мешая. Иногда за мячиком сбегает, если тот ускакал далеко.

Игра здесь шла часами, и Стасик тоже сидел подолгу. То в книжку заглянет, то смотрит, как прыгает через сетку туда-сюда веселый белый шарик. Чтобы самому поиграть, Стасик не мечтал. Но приятно было иногда просто поддержать в руках твердый целлулоидный шарик. Такой гладкий, легонький и даже будто живой. Слово из него вот-вот пушистый цыпленок проклюнется.

А Чича один раз сунулся, так сразу по ступенькам застучал — от пенделя, который дал ему командир Костя Каширов.

...Но однажды Чича «довел» Стасика так, что никаких сил не стало. Подучил он Хрына, когда Стасик дежурил в столовой, натянуть в дверях бечевку. Вот Вильсон и грохнулся со стопкой алюминиевых мисок. Шум, ляг, локти и колени в синяках. А тут ему кто-то еще остатки компота вылил за майку. Дежурная вожатая наорала на Хрына, а Чича опять ни при чем. Ухмыляется, белыми ресницами хлопает... У Стасика даже злости не осталось, только появилась такая тоска, что хоть пешком домой топай за полсотни километров... И впервые он до горьких слез, отчаянно затосковал по дому. По маме и даже по Юлию Генриховичу. И по своей улице, и по Андреевскому саду с пыльной травой, жесткой желтой акацией и футбольным гвалтом. Там, бывает, и стукнут сгоряча, но специально никто не издевается.

После отбоя Стасик тихо-тихо плакал в подушку.

На следующий день свет ему не светился, хотя слез уже не было. А после ужина, в «свободный час» перед сном, Стасик опять сидел в уголке недалеко от стола с пинг-понгом.

В два широких окна светило вечернее солнце, и шарик — живой, прыгучий — казался золотистым. Но теперь ничто не радовало Стасика. На коленях он держал «Сказки» Андерсена, однако в книжку не смотрел. Он мечтал о другой сказке: произнести бы волшебное заклинание и оказаться дома...

Шарик вдруг отлетел в сторону и запрыгал вниз по ступенькам. Стасик — следом. Это у него само собой всегда получалось — стрелой за шариком, если тот ускакал. Хоть ты грустишь, хоть читаешь, хоть задумался — все равно!

Шарик с последней ступеньки прыгнул к стене, отскочил и закатился под лестницу. Стасик полез, конечно, следом. Под лестницей — какие-то корзины, ящики и мешки. И темно...

— Эй, Вильсон! Чего застрял?! — кричали сверху.

— Сейчас... Он куда-то... завалился... — отвечал Стасик, но негромко и сипло, потому что здесь, в пыли и сумраке, на него стала наваливаться новая тоска. Отчаянная печаль одиночества. Он машинально шарил в темноте, а слезы теперь без удержки бежали на голые руки.

Костя Каширов громко сказал наверху:

— Да ну его, он там копаются. Давайте запасной... — И опять часто застучало по столу.

Стасик же все ползал по пыли, царапаясь о корзины, а душа его изнемогала от горячи. Не нужен был ему этот проклятый лагерь. Не нужны ни сытные обеды с компотом, ни прогулки в настоящий лес, которого он раньше никогда не видел, ни купанье в пруду, где он почти научился плавать... Ничего не надо! Не может он один!

Стасик нащупал наконец шарик, но из-под лестницы не вылез, а съезжился здесь между ящиком и корзиной, прислонился к скользкой бутылке. Взял шарик в ладони — легонький, гладкий, теплый. Опять подумалось: будто живой. И оттого, что не было рядом никого-никого, только этот вот шарик, Стасик погладил его и сказал, как пригревшемуся котенку: — Маленький ты... хороший...

И снова поднялась в нем такая печаль, что, казалось, весь мир заполнила. Понеслась до неба — до луны, до звезд, до солнца, которое тускло, как закопченная керосиновая лампа. И даже странно, что нигде ничего не откликнулось, не застонало в ответ... А шарик затеплел в ладони еще сильнее и будто шевельнулся. И спросил неслышным, но отчетливым голоском:

— Ты кто?

2

— Ты кто?

Стасик почти не удивился. Слишком плохо ему было, не до удивленья. Но все же он растерялся немного. Сказал шепотом:

— Я.. Стасик...

— Стасик — это кто? — Нет, не голос это был, а будто чья-то чужая мысль проникла в Стасика, щеколтал в голове. — Стасик — это шарик?

— Сам ты шарик, — уже не сказал, а скорее подумал Стасик. Не обидно, а ласково, как неразумному малышу.

— Конечно, — отозвался тот. — Я шарик. А ты?

— Я.. мальчик. Разве не видишь?

— Чо значит — «не видишь»?

Ох, да у него же и глаза-то нет. И темнота здесь... И вообще — что же такое делается? Правда, что ли, шарик живой? Или в мозгах у Стасика что-то расклеи-

лось? «Ну и пусть,— сумрачно подумал он.— Хуже не будет, потому что куда хуже-то... А может, это я просто сам с собой разговариваю?...»

— Что значит «не видишь»? Не ощущаешь импульс?

— А что такое импульс?

— Ты послал импульс. Очень плохой, с отрицательным потенциалом. И был резонанс, но без радости...

— Чего? — прошептал Стасик.

— Я подумал, что ты можешь погаснуть.

— Могу... — Стасик всхлипнул.

— Не надо. У нас резонанс. Тебе плохо и мне плохо. Но с двух точек мы можем изменить частоту и трансформировать спектр. Или, в крайнем случае, нейтрализовать негативный фон...

— Не понимаю тебя,— вздохнул Стасик.— Ты буд-то с Луны свалился.

— Луна — это что?

— Ну что... планета... То есть шар такой, вокруг Земли летает... А Земля вокруг Солнца... Да я просто так сказал!

— Подожди. Я прошу твои локальные импульсы... Понял! Земля — голубой шарик. Луна — серый шарик. Оба — неконтактного типа... Нет, я не с Луны. Я вообще с другой грани Кристалла. Было трудно пробить межпространственный вакуум...

— Ты можешь по-человечески разговаривать? — жалобно спросил Стасик.

— Что такое «по-человечески»?

— Ну... от слова «человек». Не знаешь, что ли?

— Мальчик — это человек?

— Да... Только который еще не взрослый.

— Не достигший Возрастания? Тогда понятно... —

Стасик ощутил в шарике вполне мальчишечий живой вздох.— Ясно, почему у нас резонанс... Тебе очень плохо?

— Еще бы...

— Ты выбит из привычной системы координат и лишен возможности принимать позитивные импульсы. Я правильно сделал вывод?

— Не знаю... Чича все время привязывается, гад такой...

— Подожди... Гад — это существо, обитающее во влажных областях голубого шара.

— Да здесь он обитает, в лагере! Каждый день лезут, житья нет... Он да еще несколько... Хрын этот, полудурок...

— Тоже гады?

— Еще бы!

— «Лезут» — это что? Действуют негативными импульсами?

Стасик опять вздохнул, вытер о голое плечо мокрую щеку.

— А ты не можешь воздействовать ответно?

— Ага, попробуй! Если один...

Шарик опять будто шевельнулся в ладони.

— Один и один — это не один. Ты и я... Можно рассчитать систему нейтрализации вредного воздействия гадов. Если они активно нарушают гармонию локальной структуры, можно расщепить их до уровня первичного вещества.

— Как это?

— Развеять в самую мелкую пыль!

— Ты разве можешь? — чуть усмехнулся Стасик.

Шарик ощутимо затяжелел.

— Еще не знаю, пока мой контакт на информационном уровне. Но можно попробовать.

Тогда Стасик слегка испугался:

— Не надо... в пыль-то. Вот если бы напирать им...

— «Напирать» — это комплекс нейтрализующих мер ограниченного воздействия?

— Ага... — на всякий случай сказал Стасик. И подумал: «Это я сам с собой? Или правда — с ним?»

Шарик опять стал легким, но зато пульсировал в ладони, словно сердечко билось. Или это колотилась жилка под кожей? Чудо такое... «Один и один — не один. Ты и я...»

Шарик отозвался неслышно:

— Ты и я... Тебе лучше? Черное излучение прекратилось.

Стасик благодарно взял шарик в обе ладони. Как птенца... Далеко и хрипло затрубил горнист Володька Жухин. Отбой...

— Шарик, ты потом еще со мной поговоришь?

— Да.

Стасик сунул его под майку.

В палате он так и залез под одеяло — в пыльной майке. Укрылся с головой, перепрятал шарик под подушку. И там опять обнял его пальцами.

— Ты меня слышишь?

— Да. Воспринимаю.

— Шарик... Ты кто? Ты по правде... такой?

— Я... такой.

— Ты откуда появился?

— Я не появился. Я там. И я здесь. Сразу... Стасик! Я пока сам не могу понять.

— Что понять?

— Много. Про тебя и про себя.

— Про меня... я могу объяснить.

— Лучше я сам прошу твою информативное поле. А ты — мое.

— Я не умею...

— Тогда отключайся. У тебя циклический потенциал на исходе. Накопишь энергию — снова будет контакт...

Стасик хотел спросить о чем-то еще, но поплыл, поплыл в ласковой синей тьме среди неярких огоньков. Огоньки эти вдруг превратились в маленькие желтые окна. Слово засветился в сумраке уютный вечерний город... А потом всю ночь Стасику снились хорошие сны, но он их не запомнил...

Утром Стасик проснулся с ясным и радостным осознанием, что у него есть чудо, сказка, друг. Сунул руку под подушку.

— Шарик...

— Стасик...

И в этот миг Стасика накрыл тугой удар. Чужой подушкой.

— Вильсон! Че возишься, опять поплыл в Сиксотное море? А ну, вставай! Матросы на зарядку не опаздывают, они герои!

И снова — трах подушкой! Так, что он слетел с кровати, а шарик запрыгал по половицам.

Стасик метнулся за шариком. Но тот был прыгучий, легкий, его пнули, поддали, он заскакал от койки к койке.

— Ура! Мишка, пасуй мне! Хрын, сюда, дурак!..

— Не надо! Отдайте! Ну, пожалуйста! Это мой!

— Не ври, Матрос!.. Ребя, это он вчера в первом отряде стырил! Они ругались: Вильсон пошел искать и не принес!..

— У, жулик! Прибрал — и под подушку!

— Ребята! Ну отдайте, он мой! Я его нашел!..

— А ты поймай! Попрыгай!

— Воришка зайка серенький за мячиком скакал!..

Как им доказать? Как их убедить — гогочущих, орущих, ненавистных?! Чем хуже Матросу Вильсону, тем лучше им — веселящейся, вопящей толпе... Вертлявый Степка Мальчиков скачет на койке, как бешеный клоун, подняв над головой шарик:

— Эй, Матрос — накурился папирос! Поймай!

Стасик бросился к нему. А наперерез — глухой

Хрын. Стасик пнул его так удачно, что он согнулся и засипел. А Степка кинул шарик другим!

— Отдайте!

— Что тут такое? А ну, смир-р-рнал!

— Валерий Николаич, это Вильсон! То есть Скицын! Мальчик у первоотрядников украл, а сейчас психует!

Валерий Николаевич — курчавый, цыганистый студент Валера, вожатый первого отряда — старался быть очень строгим. Иначе с этой «кучей опилок» не совладать.

— Кто украл? Ты, Скицын?

— Они врут! Я нашел!.. Он теперь мой, потому что... — «Господи, ну как объяснить? Как упротить?» — Не надо отбирать! Я за него все на свете отдам... Только пусть он будет мой!

Валера сунул шарик в карман. При общем нехорошем молчании. Стасик ухватился за его рукав:

— Валерий Николаич, отдайте! Я...

— А ну, отцелись! Смирно!

Стасик сказал с бессильным отчаянием:

— Какие вы все... прямо как фашисты.

Вожатый — бац его по щеке!

— Сопляк! Ты их видел, фашистов?!

— Видел... вы...

Снова — бац!

— Сволочи... — шепотом сказал Стасик. Было уже все равно.

— Во дает Вильсон, — заухмылялся Хрын.

Валерий Николаевич аж зашипел:

— В щелятник паршивца! Ш-шкура...

«Щелятник» — это кладовка за столовой. Туда сажали тех, кто натворил что-нибудь ужасное: например, курил и колхозный сарай с сеном поджег, как двое из первого отряда...

— Посиди, пока начальник не придет! А там разберем... Не идет? Тащите!

Ох, как бился, как извивался Стасик. Никогда с ним такого раньше не было. Криком и слезами хлестали из него горе, тоска и ярость. Мама, мамочка, ну что же это со мной делают!

Его втокнули в изрезанную яркими щелями темноту, в запах гнилых рогов и сырых опилок. Сзади за дверью тяжело брякнула железная щеколда.

«Ох, Стасик, не дай Бог услышать, как за спиной задвигается тюремный засов». И вот случилось. Услышал. Железный ляг разом отрубил все — как топором. И не только глаза, а всего Стасика. Будто бритвами. Он зажмурился, закружилась голова. Стасик быстро лег на какие-то тряпки. От них воняло. Стасика затошнило, он перекатился на занозистые половицы. Летничком, уткнулся лицом в ладони. Он понимал, что дальше в жизни его ждет только плохое.

Шарик потерян навсегда.

За то, что обзвал по-всякому Валерия, прощения не будет.

Лишь бы с мамой ничего не сделали. Могут ведь сказать: «Это вы научили сына обзывать советских вожатых фашистами?»

А с ним самим что сделают? Мальчишки про начальника лагеря говорят: «Малость контуженный». Он, когда злится, начинает дергать веком и заикается. А потом давит из себя шипящий шепот: выносит приговор...

Если исключат и домой отправят, это не наказание, а счастье. Но счастья, конечно, не дожидаться. Будет, наверно, самое жуткое — «стенка».

Есть такое специальное место на краю территории, за умывальниками, — разрушенный кирпичный сарай (раньше там колхозный локомотив стоял). У его стены начальник выстраивает шеренгой самых злых нарушителей режима. И стоят они так по стойке смирно иногда час, иногда два, а иногда и половину

дня. И если бы просто так и ставили, а то ведь без всего, даже без трусов. А другие, даже девчонки, ходят смотреть. Мальчишки боятся и жалеют, а девчонки хихикают. А те, приговоренные, шелохнуться не смеют — хоть солнцепек, хоть комары. Потому что тех, кто не стоит смирно, начальник, если узнает, ведет «на беседу» в свою комнату. Через весь лагерь...

Дома Стасик не знал никаких унижительных наказаний. Отчим, хотя и рассказывал не раз, как его драли, сам никогда Стасика так воспитывать не пытался. Случалось, что заорет и даст пинка или тычка между лопаток. Но это даже не наказание, а просто ссора. Стасик в таких случаях отлегал в сторону и кричал в ответ что-нибудь такое: «Не имеете права, не отец! Подумаешь, размахался!» От мамы тоже изредка попадало — если у нее лопнет терпение, когда Стасик долго не идет за хлебом или «приклеился к книжке, а на уроки ему наплевать». Мама скручивала жгутом фартук и в сердцах — трах ненаглядное чадо по рубашке. Ну и что? Во-первых, фартук тут же раскручивался, во-вторых, Стасик хохотал и удирал...

К стенке Стасик, разумеется, не пойдет. Будет биться до смерти (оказывается, есть минуты, когда ее и не боишься, смерти-то)... Но только вот сил уже нет, чтобы отбиваться от врагов... Стасик заплакал и переворачивался на спину.

Щели погасли — солнце, наверно, в тучу ушло. И темнота теперь была глухая, тесная — давила, словно Стасика землей засыпали. Это был глухой сумрак неволи. И с той минуты Стасик всегда будет бояться тесных и темных помещений... Он собрал остатки сил, поднялся, чтобы грянуться телом о дверь. Но только слабо стукнулся плечом о доски и лег тут же у порога... Не выбрался Матрос Вильсон из черного трюма...

Что было дальше, Стасик знал с чужих слов.

Начальник должен был вернуться к обеду. И раньше его на американском вездеходе «додж» приехала в лагерь по каким-то делам важная женщина из профсоюза. Она была знакомая Юлия Генриховича, и тот уговорил взять его с собой, отпросился на работе. Мама приготовила для Стасика письмо и гостинцы. В лагере отчим спросил, где Стасик Скицын. Вожатые заюлили и хотели освободить его тайком. Но профсоюзная женщина почуяла меладное, и они с Юлием Генриховичем пошли за вожатыми. В дверях кладовки женщина отпихнула вожатых и схватила Стасика на руки.

— Да вы что, изверги! Мальчик весь горит!..

В «додже» Стасика сильно тошнило. И окутывал его липкий желто-зеленый туман, в котором трудно было дышать. Туман забивал горло и легкие несколько суток, и в нем, будто написанное размытой сажой, висело слово «дифтерит».

Больница была маленькая, двухэтажная. Две палаты для мальчиков, две для девочек. Десять дней Стасик лежал в палате «для тяжелых». Давил жар, давило удушье — темное, как запертая кладовка. Черное пространство, заключавшее в себя Стасика, иногда вытгивалось вместе с ним в длинную кишку, сворачивалось петлями, завязывалось в узлы. Натягивались жилы, выворачивало душу тошнотворным отчаянием...

Потом все это кончилось, он стал поправляться и сделался жильцом палаты «для выздоравливающих». Но впереди было еще больше месяца больнично-карантинного режима.

Ребята в палате оказались разные — и малыши, и два совсем больших семиклассника. Но все неплохие, спокойные, никто никого не обижал (был только вредный Эдька Скорчинов, но его скоро выписали). Девчонки из палаты напротив — тоже ничего. Иногда собирались вместе, рассказывали сказки и всякие исто-

рии. И вообще говорили про всякое. В том числе и про бессмертные души — после того, как в «тяжелой» палате умер шестилетний мальчик и его осторожно вынесли под простыней на носилках...

А еще была книга. Про мальчика Кима.

«Я Ким, Ким, Ким!..»

«Я — Стасик...»

«Я — Шарик...»

Теперь-то Стасик понимал, что Шарик — это был просто бред в начале болезни. И все же он вспоминал о нем с горьковатой нежностью.

В больнице тоже были шарики — бильярдные. Настольный бильярд стоял в коридоре второго этажа и скрашивал жизнь ребятам кто постарше. И Стасику иногда выпадало поиграть. Шары были совсем не похожи на пинг-понговый мячик — стальные, блестящие, тяжелые. И все-таки однажды один вдруг затеплел и знакомо толкнулся в ладони у Стасика. Тот испугался, быстро положил его на зеленое сукно. А потом пожалел об этом и подолгу держал шарик — то один, то другой. Но они были холодные...

Выписали Стасика к августу. В первые дни он просто растворялся в тихом счастье оттого, что наконец дома. А потом стало скучнее. Шли затяжные дожди, маме нездоровилось, она часто сердилась. Не на Стасика, а так, вообще. А он, отстоявши в хлебной очереди и натаскавши бидоном воды, читал десятый раз «Ночь перед Рождеством» или рисовал, а по вечерам вспоминал больничную палату, из которой недавно мечтал вырваться. Там — ребята, разговоры. Уютно там вместе. А в коридоре шарик — щелк, щелк... И Стасик начал мастерить свой бильярд. Возился до самых школьных дней. А там этот капсюль подвернулся. Трах — опять беда!

...А может, и не беда? Может, наоборот, маленькая награда за несчастливое лето? Тихий солнечный день с беззаботностью и свободой...

Берег

Банный лог лишь вначале казался переулком. А потом стало ясно, что это улица: не спеша она прыгает по буграм вниз, виляет и не кончается. Каменные плиты, лесенки и заборы — в пятнах от солнца и тополей. Семена плывут в тихом воздухе... Чудо что за улица! Даже все плохое, что вспомнилось, забывается здесь почти сразу. И опять — спокойствие, чуточку ленивые и хорошие мысли...

И люди здесь хорошие. Вон бабка на лавочке посмотрела по-доброму, а могла ведь проворчать: «Уроки учить надо, а не прыгать тут...» Двое мальчишек с удочками попались навстречу, глянули спокойно и тоже ничего не сказали. А могли ведь придраться: «Чего тут шляешься не по своей улице?»

Но Банный лог закончился, разветвился на две улочки. Стасик свернул на правую, и она привела к палисаднику... К простому шаткому палисаднику, за которым Стасик увидел, что искал!

Блестел синеватыми стеклами дощатый зеленый дом с белыми карнизами — длинный, с башенкой, на которой прожектор и мачта с тросами и фонариками, как на корабле. За домом виднелась корма высокой баржи, а к барже приткнулся грязно-белый пароходик с красными кругами на сетчатых перилах. На кругах надпись — «Хрустальный». Был он вовсе не хрустальный, а обшарпанный. Но все равно совершенно настоящий пароход. Он деловито посапывал. А по сторонам от пристанского дома — все то, что создает живописность портовой жизни. Серый склад с громадной надписью «Не курить!», штабеля ящиков и бочек с рыбным запахом, мотки толстого троса, выпущенный на берег катер и даже метровый якорь-

кошка, с четырьмя ржавыми лапами, — он валялся в лебедке, как самая обыкновенная вещь.

Стасик пролез между расшатанными рейками палисадника. Оглянулся: не погонят ли? Но гнать было некому — безлюдье. Он потрогал сухой теплый якорь и наполнился удивительным чувством: этакой причастностью к дальним плаваниям и приключениям. Правда, не было горластых чаек и шума прибоя, по ящикам и в траве скакали сухопутные пыльные воробьи, а недалеко от якоря паслась коза. Но даже эта домашняя умиротворенность была Стасику по душе. Так и должны выглядеть маленькие пристани. Будто в книжке про Тома Сойера и Гека Финна. В такой сонной тишине как раз и могут случиться всякие удивительные события.

Но пока ничего не случилось. Только пароходик гукнул гудком и бойко зашлепал колесами вниз по течению. Стасик помахал ему, потом посмотрел туда-сюда. Между ним и пристанью тянулся двойной рельсовый путь. Стасик встал на рельс, повернулся так, чтобы солнце светило в спину, и, балансируя, зашагал по рельсу. Туда, где виднелись кирпичные старинные склады, какие-то вышки, будки на столбах и круглый бак водокачки.

Слева блестела река, стояли у берега плавучие причалы. Справа подымались, как горная цепь, заросшие откосы. Они будто нарочно отодвинулись, чтобы на низкой части берега нашлось место для пристанских построек и рельсовых путей.

На ближней к воде колее стоял товарный состав. Стасик прошел вдоль щелястых коричневых вагонов, от которых пахло теплым железом и смазкой. Он, хотя и жил недалеко от вокзала, впервые в жизни видел так близко тяжелые колеса с могучими пружинами рессор и черной накипью на чугунных выступках...

Из-под вагона выбрался лысоватый старый дядька в замасленной куртке. Глянул на Стасика без удивления.

— Гуляешь?

— Ага, — кивнул Стасик. — Я смотрю. Я тут раньше не бывал. — Он сразу понял, что дядька не заругает, не прогонит, лицо у него доброе.

— Чего ж ты с сумкой, а не в школе?

— А прогнали, — безбоязненно сказал Стасик.

— Ну вот... Один раз прогонят, другой, так и начнешь болтаться...

— Да не-е... Это случайно!

— А газетки у тебя случайно нет? На самокрутку.

— Газетка имеется! — Стасик сел на корточки, расстегнул сумку и содрал с нового задачника обертку. Протянул дядьке клок с заголовком «Туренская правда» и обрывком названия статьи — «Сталин — наше зна...»

Дядька вытащил пачку махорки, свернул «козью ножку».

— Ну, гуляй! Да к колесам-то не суйся, а то скоро дергать будут. Иди вон туда, подале...

Стасик протопал еще шагов двести и увидел справа, на фоне релейно-бурьяновых зарослей, коричневый домик. Маленький, будто игрушка, с медным колоколом у крыльца, с черными буквами на пыльно-белой эмалевой вывеске:

Ст. Р'ька

Стасик подивился этой старине, сохранившейся от царского времени. И почудилось, что он не в родной Турени, а в каком-то полусказочном городке. Заколованная солнечная тишь, таинственный безлюдный вокзальный.

Понятно, что отсюда не ездили пассажиры, это перевалочная станция, грузы тут идут с воды на рельсы и обратно. А сейчас, во время мелководья, станцию используют просто как тупик для товарного порожняка. Но почему-то придумывается, что вот-вот выйдет на крыльцо похожий на Карабаса Барабаса на-

чальник станции, зазвонит в колокол, из-за мыса покажется поезд с блестящим, как самовар, паровозом и нарядными вагончиками, выскочат пестрые пассажиры, расставят зеленые столы и начнут играть в пинг-понг. А на перроне затрубят и заушает барабанным праздничный оркестр — как в кинофильме «Золотой ключик»...

От маленькой платформы вела вверх деревянная извилистая лестница. Чтобы осмотреть все здешние места разом — и станцию, и пристань, и похожие на кирпичную крепость склады, Стасик решил забраться повыше. Во-он туда, где в стороне от лестницы есть удобный травянистый уступ.

Стасик поднялся. Сперва по ступеням, потом просто по склону. И вдруг понял, что сильно устал. И главное, отчаянно захотелось есть! Ну что же, все, как в походе.

Стасик расположился на лужайке размером со стол для пинг-понга. Этот горизонтальный выступ берега среди чертополоховых джунглей словно кто-то нарочно сделал, чтобы сидеть и поглядывать с высоты. Стасик и поглядывал. И жевал «полдник» — два ломтика хлеба с маргарином, — мама перед школой положила ему этот припас в сумку... Эх, мама-мама, знала бы ты, где сейчас твой сын...

Но печальная эта мысль скользнула, не оставив горечи. Потому что хорошо было Стасику на спокойной солнечной высоте с искрами паутинок. Пространство уже наполнялось желтоватым предвечерним светом. Солнце теперь висело невысоко от башен старинного монастыря, что поднимался над обрывом далеко за фермами деревянного кружевного моста.

Стасик слизнул с ладоней крошки, вытер пальцы о штаны и кинул вниз скомканную газету — обертку от бутерброда. Белый комок попрыгал по склону и застрял в чертополохе. Он Стасику напомнил белый шарик. Лагерь напоминал. А значит — и ненавистного Бледного Чичу с дружками... Ну зачем вспоминать о них? Лучше бы их никогда на свете не было!

Шарик сказал тогда: «Развезть в самую мелкую пыль!»

Это, выходит, на атомы?

Все, что есть на свете, состоит из атомов. Стасику это разъяснила соседка-восьмиклассница Люська Полтавская два года назад, когда американцы взорвали над Японией атомную бомбу. Ребята на улице тогда спорили, что такое «атомная» и почему она так здорово трахнула. Ну вот, Люська (она добрая и спокойная) подошла и рассказала про атомы: что они совсем крошечные, невидимые, меньше микробов, а сила в них громадная.

— Значит, я тоже из атомов состою? — осторожно спросил Стасик.

— А как же.

Дело было под вечер. Стасик тихонько пришел домой, приткнулся в уголке. Мама заволновалась:

— Ты что присмирел?

— А мы не взорвемся? Раз мы все из атомов...

— Боже ж ты мой, что это делается, — расстроилась мама.

А Юлий Генрихович объяснил, что атомы сами по себе не взрываются. Атомной бомбе нужны «соответствующие условия». Очень сложные и секретные. Лишь при них она срабатывает.

— Тогда хорошо, — успокоился Стасик.

— Чего хорошего, — сказала мама. — Сбросили же на армию, а на город, где мирные люди. Дети и матери. Они-то причем?

— Да я не про то, что сбросили, — насупился Стасик. — Я про то, что хорошо, что не взорвемся...

Скоро японцы все сдались в плен, и Юлий Генрихович говорил, что атомная бомба тут ни при чем. «Эта страна была обречена ходом истории». Стасик

был согласен: наша Красная Армия вполне могла победить самураев и без помощи американцев. Уж если Германию расколотили, то какую-то крошечную Японию... Но так или иначе, а была полная победа, и теперь каждый год третье сентября — праздник, нерабочий день... Ой!.. Да как же он забыл? Это же завтра! Совсем вылетело из головы из-за истории с капсулем!.. Значит, завтра не надо идти в школу! А послезавтра эта история, скорее всего, забудется. Мина Григорьевна — она вовсе даже не злопамятная! Стасик на радостях дрыгнул ногами, завалился набок и... не удержался на уступе, покатился кубарем.

Нет, плохого не случилось. Кувыркнулся несколько раз, уцепился за бурьянные стебли, сел. Головой помотал: ф-фу ты, приключение какое... Помигал и увидел перед собой отвесную глинистую проплешину.

Глина была хорошая, светло-серая. Стасик поцарапал ее пальцем. Берег был обращен к северу, солнце его не сушило, и глина даже сверху оказалась влажная. А когда Стасик раскопал поглубже — совсем замечательная, размачивать не надо.

Жаль, что нет с собой весов, а то прямо здесь можно было бы заняться шариками... Ладно, бильярд — это потом, а пока он сплит что-нибудь на память о сегодняшнем путешествии.

С глиняным комком Стасик забрался на прежнее место. Глина сперва крошилась под пальцами, потом стала плотной и податливой. Стасик слепил брусок, похлопал им о коленку (чтобы атомы спрессовались получше). На сером тесте отпечаталась кривая, похожая на морского конька коросточка давней ссадины. Рядом с «коньком» Стасик задумчиво вдавил палец. Потом сорвал с травы похожий на гусиную лапку дискоток и тоже оттиснул. Все прожилки отпечатались!.. Стасику вспомнилась книжка про древние времена. Там была картинка с куском каменного угля — на нем отпечаток листа с дерева. С того, которое росло сто миллионов лет назад!

Значит, если бросить сейчас этот глиняный кусок, через миллионы лет он кому-нибудь попадет в руки — твердый, окаменевший. И этот кто-то увидит листик травы, которая росла... вот сейчас, при Стасике (а тогда это «сейчас» будет давняя древность, страшно подумать). И след от содранной и подсохшей колленки. И оттиск пальца. Юлий Генрихович рассказывал, что узор на пальце у каждого человека свой, двух одинаковых не бывает...

И останется след от Стасика на веки вечные...

Мысли о вечности — вроде тех, что появлялись в больничке — опять пришли к Стасику. Не страшные, чуточку печальные и серьезные. А мысль забросить своей рукой в эту вечность камушек была чуточку дерзкой, жутковатой, но заманчивой. Камушек со следом от него, от Стасика...

Но по оттиску никто не догадается, что это палец именно Стасика — мальчишки, который жил сто миллионов лет назад...

Стасик заволновался, заторопился, словно догадка о том, что надо сделать, могла ускользнуть. Достал пенал, ручку, раздернул шнурок на мешочке с непроливашкой. Из тетрадки вырвал листок с косыми линейками. Положил его на перевернутую сумку и, стесняясь, хотя никто не мог подглядеть, вывел чернилами:

«Стасик Скицын. 9 лет. 2 сентября 1947 г.»

Подумал и вдруг дописал — словно тревожно крикнул всему мировому пространству:

«Я — Стасик!»

Он оторвал бумажную ленточку от листа, скрутил в тугую трубочку, сложил ее пополам, вдавил в глину и скатал шарик. Ровный, гладкий шарик размером с небольшую картофелину. Снова отпечатал палец. По-

том украсил шарик оттисками листьев и колосков травы, что росла под руками.

Красиво получилось. Кто найдет — обрадуется. Но чтобы все это сохранилось навеки, шарик должен сделаться, как камень.

В широких карманах Стасик отыскивал увеличительное стекло. В зарослях собирал сухих стеблей. Солнце было уже невысокое, нежаркое, но все-таки помогло мальчишке: от горячей белой точки задымился и вспыхнул свернутый из промокашки жгут. И почти сразу разгорелся бледный бездымный костерчик.

Стасик не знал, как обжигают кирпичи и глиняную посуду. Но решил: чем ближе к огню, тем лучше. Поэтому закатил шарик в самую середину костра. А с боков и сверху все подкладывал, подкладывая трескучие прошлогодние стебли. Они вспыхивали, обдавали сухим жаром лицо, покусывали искрами руки. Горячий воздух шевелил короткую челку и ресницы. И так было долго — может, полчаса, а может, час. Стасик не торопился. Сорнякового сухостоя вокруг хватало, собирать его было легко, а сидеть у огня интересно — как на привале среди гор и зарослей.

Наконец костерчик прогорел. Стасик палкой разгреб угольки и выкатил шарик на траву — как печеную картошку.

Шарик и был, как обугленная картошка! Стасик-то думал, что увидит его коричнево-красным, будто кирпич или звонкая кринка. А он оказался черный, с прилипшей угольной крошкой и золой. Дымился... Слово ядро, выстреленное из пушки!

Или... — как маленькая планета, сплошь сожженная пожарами. Будто на ней взорвались атомные бомбы...

Стасик смотрел на шарик со страхом и жалостью. Так, будто в самом деле по его вине огорела маленькая планета... Потом он закатил шарик в лопуховый лист, начал оттирать, чистить.

Сажа отчистилась, но красным шарик не стал. Местами остался черным, а местами — темно-серым. Стасик взял его в ладони — горячий, закаменевший. Обжигаясь, начал оттирать прямо пальцами. Запекшаяся глина местами заблестела, как отшлифованный чугун. И на ней опять проступили травянистый узор и отпечаток пальца. Ну вот, это уже лучше. И рисунок есть, и каменная твердость. Но не по сердцу Стасику был этот каменноугольный траурный цвет. Он достал из кармана кусочек мела и стал натирать им шарик. Белая пыль сыпалась на штаны, пачкала пальцы, а на глине держалась плохо. Стасик вздохнул и опять обер шарик ладонями. И... вдруг понял, что получилось хорошо! Шарик был теперь серый, с мягким отливом, как мамин беличий воротник. А в отпечатки набилась меловая пудра, и тонкие линии узора отчетливо белели на выпуклой поверхности. Ну, просто... как это называется? Ювелирное изделие!

— Вот какой ты славный получился... — Стасик побаяюкал шарик, как живого. Тот был уже не горячий, а ласково теплый.

Стасик лег спиной в траву. Затылок — на мягкой скатке из кителя, ботинки повисли над пустотой, за краем площадки Солнце светило в левую щеку, а в вышоте бледно голубело чистое небо с редкими искорками летучих семян. Шарик лежал на груди, Стасик придерживал его пальцами.

Глядя в небо, он думал: где лучше зарыть шарик, чтобы через сто миллионов лет его обязательно нашли? Наверное, все равно где. Теперь ведь не предугадаешь, что будет через такое бесконечное время. Можно закопать прямо здесь, на берегу. Но не хочется так сразу расставаться с шариком...

Интересно, кто его найдет?

А может, тогда уже и людей не будет?

Ну нет, люди будут! Иначе зачем стараться!..

Возможно, такой же мальчик, как Стасик, и отко-

пает шарик. Повертит, раскокает, как яйцо. Прочитает: «Я — Стасик!»

...А где будет сам Стасик? Если и правда есть бессмертная душа, может, она превратится в воробья, чтобы мог подлететь и посмотреть на мальчика, который нашел записку? Или... а вдруг она превратится в самого этого мальчишку?

Или она уже никогда ни в кого не превратится, а будет лететь в бесконечности? Но зачем? Куда?

Если бы узнать все тайны! Если бы сквозь эту голубизну рвануться в мировое пространство и посмотреть: что там? Как там? Есть ли конец? Рвануться, как взгляд, как луч...

Почти остывший шарик вдруг затеплел опять.

— Ты — Стасик?

«Ты — Стасик?» — это неслышно щекотнуло грудь, отозвалось в голове. Как шевеление воздуха, как шепот, как мысль. Сердце словно пропало, растворилось в пустоте. И вдруг взорвалось, затарахтело. Стасик хватанул губами воздух, стремительно сел. Шарик скатился с груди в колени. Стасик схватил его.

И опять:

— Это ты? Стасик?

— Да... Да!.. А ты... ты кто?

— Я — Белый шарик. Разве ты забыл?

— Я... нет...

— Мы с тобой говорили, а потом ты пропал.

— Я... нет. Не пропал. Это тебя отобрали... То есть его... Это был не ты!

— Нет, я.

— Почему ты? Тот — мячик... А тебя я только что сделал...

Стасику почудилась терпеливая и снисходительная усмешка:

— Это же все равно.

— Что... все равно?

— Что другой шарик у тебя в руках. Я в него... вселяюсь.

— Как душа? — осторожно спросил Стасик. Сердце колотилось уже не так сильно.

— Я... не знаю Шарик у тебя — как приемник. Я вселяюсь и говорю с тобой. А без шарика нельзя.

Теперь он объяснял не так, как в первый раз, гораздо понятнее.

— Значит, на самом деле ты не здесь? — слегка огорчился Стасик.

— Нет, я здесь, с тобой. Но в то же время я на своем месте в пирамиде.

— В какой пирамиде?

— В нашей... Где все знакомые шары.

— Не понимаю я, — вздохнул Стасик.

— Чего тут непонятного, — отозвался Шарик.

И вдруг признался тоном насупленного мальчишки: — Я и сам толком не понимаю. Но говорят, что так надо — быть в Кристалле на своем месте...

— Не верится что-то, — опять сказал (или просто подумал) Стасик. — Разве это можно сразу? Быть тут и быть в каком-то кристалле?

— А что ли, нет?! А ты сам-то!

— Что? — Стасик уже не боялся. Удивлялся только. И радовался чуду. — Что «сам-то»?

— Ты только что был сразу... ну, здесь, на месте, и в то же время летел, как луч. Как импульс!

— Это же я... просто думал! Мне это казалось!

— Ха! Назови, как хочешь! А я твой импульс перехватил, — похвастался Шарик. И похвалил Стасика: — Ох и энергия у тебя! Вроде моей. Тоже все грани пробиваешь навывлет!

— Ничего не понимаю, — опять признался Стасик.

— Ну и не надо. Я потом объясню. Если сам пойму... Главное, что ты нашелся... Ты больше не пропа-

дай. И не потеряй шарик, без него мне тебя не найти.
— Ладно. А зачем...— Стасик вдруг смутился, будто с человеком разговаривал.— Зачем ты меня искал?

— Я же тогда говорил...— Похоже, что и Шарик смутился.— Я хочу, чтобы «один и один — не один. Ты и я»...

— Дружить? — Стасик даже мысленно спросил это шепотом.

— Ага...

— А почему... ты со мной? Столько пацанов на свете...

— Я же и про это говорил. У нас резонанс... По-нял?

— Да! — радостно сказал Стасик. Он не очень-то понял про резонанс, но понимал главное. Вернее, чувствовал: он тоже очень хочет дружить. С Шариком.

А тот вдруг сказал:

— Ой...

— Что?..

— Мне надо отключаться. Сейчас у меня серия импульсов. Два — дальнему Зеленому шару, один общий, рассеянный, и еще один — на прием от Голубого номер три. Надо успеть...

— А если не успеешь?

— Влетит, — с явным вздохом отозвался Шарик.

— А ты надолго это... отключишься?

— По твоему времени... сейчас посчитаю... На полчаса!

— Я буду держать тебя в руках. Все время.

— Держи... А если меня долго не будет, позови сам.

— Как?

— Ну, вспомни про меня и пошли в пространство импульс: «Шарик! Шарик!..» Нет, лучше «Белый шарик», ладно? А то, будто дворняжку... У меня в Кристалле белый цвет.

И он стал холодеть, остывать в ладонях.

— Ладно, Белый шарик, позову, — словно вслед ему сказал Стасик. Он посидел еще тихо и задумчиво, потом оглянулся.

Был уже совсем вечер! Солнце, большущее и оранжевое, висело правее черных монастырских куполов и колоколни. Желтым огнем там горела река. Над головой небо посерело, и в воздухе погасли лаутинки. Ох, да ведь уже наверняка восьмой час! А когда он еще доберется домой! Вот тебе и князя устраивать маму!

Стасик суетливо развернул и надел китель, раскатал вниз штаны, подхватил сумку. По откосу, потом по лестнице выбрался на кромку обрыва. Здесь началась улица. Похожая на другие, такая же деревянная и в тополях, но не знакомая. Однако делать крюк и возвращаться к Банному логу не имело смысла. Через несколько кварталов он так или иначе выберется на улицу Стахановцев, которая тянется через весь город. А оттуда дорога известная.

Верхушки тополей еще светились, а дома и заборы уже накрыла густая тень. Стасик очень торопился и думал о предстоящей нахлбучке. И все же это было, конечно, не главное. Главным был Белый шарик — Стаськино чудо, Стаськина радость. Стаськин друг. Стасик нес его в ладонях у груди, как спящую ручную пичугу.

Улица уткнулась в длинный кирпичный дом (в нем уже светились окна). Стасик свернул направо, чтобы найти обход. И сразу увидел пятерых мальчишек. Они кучкой шли навстречу, занимая весь тротуар. Сумерки были еще светлые, и Стасик вмиг узнал двоих. Это были Бледный Чича и длинный глупый Хрын.

Рельсовый путь

Стасик никогда не бегал от врагов. Пускай уж лучше надают пинков и подзатыльников, чем слышать за спиной топот, злорадные вопли и гоготанье. Да и все равно не убежишь, если ты один, а тех, кто догоняет, много. Почему-то всегда в жизни так, что Стасик один, а их много.

Но сейчас-то он был с Белым шариком! И страх, что Шарик отберут, разобьют, растопчут, ожег его.

И все же Стасик сразу не побежал. Замер, и между ним и Чичиной компанией оказалось шагов семь.

— Х-хи-и-и, — сказал Чича, будто ждал этой встречи. — Попался, Матросик. — Его пыльно-белое, будто мукой обсыпанное, лицо перерезалось прямой щелью-улыбкой. — Здрав-желаем, говарищ Матрос Вильсон!

Видимо, Чича и Хрын были не главные в этой компании. Двое других повыше и постарше. А еще один, маленький, робко держался позади. Он был похож на случайно здесь оказавшегося «хорошего мальчишка». Зато два незнакомца, Чича и Хрын — явно одного поля ягоды. С одинаковым выражением лиц: ленивые глаза, сморщенная ноздря и отвисшая губа, на которой если даже и не висит шелуха от семечек, то все равно кажется, что висит.

Чича, вертясь перед теми, кто повыше, радостно объяснил:

— Мы этого Вильсона в лагере довели, он такой нюня. Прижмешь его, а он мигает и шепчет: «Ну что вам надо от меня? Что я вам сделал?» Потешно так...

— Ну правда, что я вам сделал? — спросил Стасик с последней надеждой. Может, среди них найдется хоть один человек?

Не нашлось. Глядели с тупыми ухмылками и ожидали забавы. Даже тот, маленький, не больше Стаськи. А Хрын сказал длинную и связную фразу, какие удавались ему крайне редко:

— Мы из-за тебя лишние десять дней в лагере сидели. Потому что карантин. У, паразит Вильсон! Вот и причина, чтобы опять довести Вильсона! Один из незнакомых, тощий, стриженный под машинку, лениво спросил голосом курильщика:

— Ребя, а чевой-то он держит, а? Яблочко, чё ли?

И тогда Стасик побежал. Рывком толкнулся назад, повернулся и кинулся прочь изо всех сил. Той улицей, по которой только что шел. Обрато, к реке. Потому что много пути не знал. Враги бросились за ним не сразу. Секунды три обалдело топтались, решали. Ну, а потом, конечно, завывали и — следом!

Сперва Стасику удалось оторваться от погони. Первый квартал он пролетел — не заметил. А потом стал задыхаться. Сумка тяжело моталась на боку. Широкие штанины путались в ногах. Руками махать он не мог — держал шарик. И сзади все ближе, ближе: «Стой, Вильсон! Стой, гад! Поймаем — ноги вырвем!»

Если бы ноги вырвали, ладно. А то ведь отберут шарик. Может, кинуть его в траву у забора или под лавку у калитки? А с ним, со Стаськой, пусть делают, что хотят. До смерти не убьют. А потом бы он вернулся и отыскал шарик... Нет, украдкой не бросишь, заметят. Вот уже совсем за спиной топаят, сейчас хватят!.. Стасик рванулся вперед через силу!

А впереди обрыв! Река! Спасение! Вниз, в заросли и колючки враги не ползут. Стоит ли ради какого-то Вильсона обдираться и ломать на крутизне шею?

Стасик без задержки ухнул с края берега в черный чертополох. Покатился среди свистящих, режущих листьев и стеблей. Застрял в репейниках. Цел... И шарик не выпустил.

Наверху перекликались:

— Эй, где он?

— Всн шевелится!

— Айда, парни, в обход! Мы по лестнице, а Бомзик и Хрын вон там, по тропинке!

— Ага, мы его в клещи!

Вот подлюги!.. Волки!

Стасик прыгал с уступа на уступ. Сквозь бурьян, горько-пахучую полынь и крапиву. Напролом. И кое-где опять кубарем. Добежать бы до станционного домика. Или хотя бы просто до путей! Кто-нибудь из людей, может, встретится! Защитит... Стасику казалось даже, что он обязательно наткнется на доброго дядьку, которому днем дал газету...

Хрын с Бомзиком где-то застряли, а Чича и двое других бежали слева по лестнице и орали:

— Вот он! В кустах трещит!

Они отрезали путь к станции, и теперь Стасик бежал прямо вниз. К черному товарному составу. Откос кончился, Стасик вылетел к рельсовому полотну. К могучим чугунным колесам.

— Чича, скорей! Вот он, падал! — опять заорали слева.

Стасик прижал к груди шарик, замер на миг и быстро пошел под вагон. Тьма с запахом смазки и перегретого железа охватила его. И жуть: вдруг состав поедет! И, подгоняемый этим страхом, Стасик через рельсы вывалился на другой край полотна.

Здесь было светло. Близкая река отражала еще не погасшее небо. На другом берегу по-домашнему уютно играл патефон и мычала корова. А врагов от Стасика, словно крепостной стеной, отгородил длинный, замерший на путях товарняк.

Разумеется, ощущение безопасности было обманчивым. Секундным. Самое время — не расслабляться, а быстро спрятать шарик под старую шпалу, что вляется в траве. Но... когда он, Стасик, сумеет вернуться сюда? И вдруг вернется, а шарика нет! К тому же сейчас появилась надежда уйти от врагов.

Стасик торопливо затолкал шарик в сумку поверх учебников, с трудом застегнул крышку. На той стороне, за составом, раздался голос: «Ребя, он под вагоны залез!» Стасик оглянулся. На плоском берегу у воды — никакого укрытия. В сотне шагов на обсохшем песке чернела старая баржа, но туда не добежать... А враги уже лезли под вагон.

Стасик оглянулся опять. За спиной увидел висячую железную лесенку — она вела в открытую теплушку. Он подпрыгнул, ухватился за скобу, зацепился ботинками за нижнюю ступенку. Встал на ней. Посмотрел вдоль поезда. Из-под соседнего вагона высунулась голова. Стасик метнулся по лесенке и нырнул в сумрак теплушки.

Вагон был пуст. Пахло теплым деревом и сенной трухой. Стасик лег на доски. Тихонько вскрикнул — не от слез, от усталости. Отполз подальше от входа. Теперь пусть ищут. Если даже станут заглядывать в вагоны, фиг заметят в темноте. Потолчутся и уйдут... И он уйдет. И наконец-то помчится домой!

Конечно, дома уже переполох, и мама спрашивает соседских ребят: «Стасика не видели?» И, наверно, все теперь придется рассказать без утайки. Ну и пусть! Зато есть Белый шарик!.. А с Чичей и другими гадами Стасик еще посчитается. Когда подрастет и найдет верных друзей. Тогда эти подлые чичи, шлана проклятая, станут еще бледнее. Будут убежать, как зайцы, а когда попадутся, начнут просить прощенья...

От ненависти к Чиче и его гнусным приятелям Стасика трянуло, как в санках на ухабе. И словно в ответ на этот толчок, задрожал и после короткого лягания дернулся вагон. И тут же донесся сильный вскрик паровоза.

Стасик метнулся к выходу. Но снаружи неподалеку

стояли пятеро, оглядывали состав. Стасик откачнулся в темноту.

Если бы догадаться, прыгнуть с другой стороны — и в заросли. Ведь широкие двери теплушки были отодвинуты с обеих сторон. Однако это Стасик сообразил, когда было поздно. Вагон снова дернулся, уже в другую сторону. И поехал!

Стасик ослабел от испуга. От такого грозного поворота событий. Он впервые в жизни оказался в идущем поезде. До сей поры он уезжал из Турени только в лагерь «Опилки», да и то на машине... Что же теперь будет? Куда его увезут?

Прыгнуть?

Но даже из неподвижного вагона прыгать высоко — еще подумаешь, прежде чем решишься. А на ходу... Правда, ход был еще не скорый, однако быстро нарастал. Все чаще постукивали колеса. Стасик опять бросился к выходу. Но в опасной близости от вагона проехал назад черный телеграфный столб. Стасик метнулся в другую сторону. Там почти вплотную к поезду свистели темные кусты.

Стасик сел посреди вагона. И подумал: «Все...»

Он вдруг полностью осознал то, что случилось. Все события дня были ловушкой для наивного третьеклассника Скицына. Подстроены коварной судьбой! Чтобы завлечь его, втянуть в это страшное путешествие, увести из родного города...

О Белом шарике теперь Стасик не помнил. Такое отчаяние навалилось, что он и шевельнуться не мог. Только глазами беспомощно водил по сторонам.

Справа бежали назад черно-косматые джунгли откоса, слева все еще видна была река с причалами и баржами у берега. Потом ее закрыло темное здание склада с красновато светящимся тюремным окошком. А высокий берег отодвинулся, пропал, замелькали заборы, домики с огоньками, деревья.

Над деревьями ехала вслед за поездом большущая красная, похожая на выпуклый медный щит, луна.

Стасик наконец поднялся. Шагнул к дверному проему. Тот был перегороден деревянным брусом — на уровне Стаськиных плеч. Стасик положил на брус локти, лег на руки щекой и стал с горькой безнадежностью смотреть на луну и на домики с желтыми уютными окнами, где жили под своими родными крышами счастливые люди. Он не плакал. Слезами все равно не остановить тысячетонную громаду товарного состава, который мчался в ночь. Состав просто не знал о мальчишке, не ощущал его...

Встречный воздух теребил Стасику полубоксовую челку, трепал широченные штанины. Черная земля пролетела вниз, и прыгать было немыслимо. Смертельное дело... Да и куда прыгать? Где он? Может быть, эти дома и переулки уже вовсе не Турень, а какой-то другой город... Или вообще все другое — другая страна, другая планета... Стало укачивать...

Уже потом Стасик сообразил, что скорее всего не было причины для такого отчаяния. Пристанская ветка не могла привести никуда, кроме главной станции. А оттуда до Стаськиного дома совсем недалеко...

Но разумные мысли приходят в нормальной обстановке. А сейчас в тряском быстром вагоне, при этой чудовищно большой луне, что ухитрилась не отставать от поезда, Стасику казалось, что неумолимая сила уносит его в незнакомый безрадостный мир, навеки от дома...

Впрочем, кто знает! Возможно, он был прав. Не исключено, что на какой-то незаметной стрелке поезд в самом деле скользнул бы на колею, ведущую в путаницу неведомых пространств. Особенно, если это был тот самый поезд.

...В больнице, когда жар и удушье еще не отпустили Стасика, его несколько раз мучило видение. Сон — не сон, бред — не бред... Нет, не про узлы чер-

ного пространства, а другое — про поезд. Стасику казалось, что он лежит на ровном, вымощенном железной плиткой полу. Пол этот бесконечный. Помещение такое, что не видно стен — только пол и низкий серый потолок (как он держится, такой громадный, если нет ни столбов, ни арок?). По желтому полу протянуты две нитки рельсов — прямо на плитках, без шпал. По рельсам тяжело и ровно движется поезд с черным паровозом без дыма. Стасик лежит на полу и боится. Нет, не того, что поезд наедет на него. Он боится не понятно о. Ведь многотонный паровоз и вагоны движутся без опоры. Потому что под тонким полом — Стасик это знает точно (даже видит!) — такое же, как здесь, пространство! И там на желтом полу тоже лежит мальчик (второй Стасик?) и тоже движется поезд. Но там — первый этаж, на прочной земле. А здесь — то как все это держится? И почему — абсолютно такое же, как внизу? Может быть, мир неуловимо раздвоился, как раздваивается, когда смотришь в стеклянную призму? Но в стекле — это лишь кажется, а здесь жуткое «по правде». И Стасик повисает в этой жути, как в обморочном безвоздушном пространстве...

Вот и сейчас ощущение старого «двухпространственного» бреда дохнуло на Стасика прежним страхом. И он уже готов был обессиленно отдаться ему. Но ощущение нереальности вдруг разбила, развеяла картинка из прежнего, знакомого мира! Стасик увидел две редкие цепочки огоньков, убегающие в даль темной улицы. В конце ее желтовато светилось послезакатное небо, а на нем четко рисовалась тонкая, похожая на шахматную фигуру башня. Это была колокольня старой церкви, в которой теперь располагалась знакомая Стасику городская библиотека!

Стасик понял, что поезд по дуге огибаает город и сейчас пересекает по насыпи улицу Стахановцев! В ее дальнем конце, у завода «Красный механик»! Значит, он еще не в дальних краях, а в своем городе! Почти дома! Ох, если бы случилось чудо и поезд стал! На секундочку!.. Ну, пожалуйста!

Вагоны залязгали, напирая друг на друга. От резкого торможения Стасик полетел с ног, но, не чувствуя ушибов, тут же вскочил. И к двери! Теперь уже он не колебался ни мига. Ухнул вниз, на скользкую траву насыпи, покатился по склону, остановился в канаве, соображая: жив ли?

Поезд наверху опять загрохотал, двинулся. Стасик, постанывая, сел. Нет, ничего не сломано, ничего не болит слишком сильно. Только сердце колотится. Он встал, отряхнулся. Хлопнула крышка расстегнувшейся сумки. Стасик начал застегивать ее и только сейчас вспомнил про шарик. И понял, что его нет.

Раньше шарик округло твердел под кирзовым клпаном, а теперь крышка легла ровно и мягко. Стасик рванул ее, зашарил в сумке. Шарь — не шарь, а шарик — не горошина, под книжки не спрячется...

Значит, вылетел при прыжке, при падении? Стасик принялся ощупывать лебеду. Сперва рядом, потом подальше. Несколько минут ползал на четвереньках. Но даже днем шарик может легко затеряться в глухой траве. А когда сумерки... Стасик искал еще и еще. Потом слазил на насыпь. Но склон был ровный и скользкий.

Что же теперь делать? Не ползать же до утра. И все равно бесполезно... А тут еще кольнула суеверная мысль: может, и не надо искать? Дважды Шарик появлялся у Стасика, и дважды случалась беда. В тот раз попал сперва в щелятник, а потом в больницу, а сегодня — чуть не уехал неизвестно куда... И в обоих случаях все начиналось со стычки с Бледным Чичей!

Не хотелось верить, что Белый шарик — предвестник несчастий. Но... опасливое чувство уже заскреблось, не прогонишь. И если уж шарик исчез, надо ли искать, испытывать судьбу?

Да и домой пора. Ох как пора домой!!

Со смесью виноватости и опаски Стасик еще раз подумал: «Что поделаешь, раз он потерялся...»

«Один и один — не один. Я и ты...» — отозвалось в нем печальным укором.

«Но я же искал. Что поделаешь, раз без толку...»

Между темных заборов он выбрался на улицу. Никогда он здесь раньше не бывал, но, без сомнения, это была улица Стахановцев. Вон и таблички под лампочками на воротах. Стасик застучал ботинками по дощатому тротуару. Бегом, бегом. И через два квартала оказался у ворот завода «Красный механик». Здесь была конечная остановка автобуса, что ходил до вокзала. Поезд Стасику: почти сразу подъехала крытая полупортка — туренский автобус образца сорок седьмого года. Следом за двумя проворными тетками Стасик забрался в кузов. Поехали. Под брезентом качался керосиновый фонарь. Стасик вытащил из кармана всю мелочь и честно протянул кондукторше пятьдесят копеек:

— До Клуба железнодорожников...

У кондукторши на шнурке поперек груди ролики разноцветных билетов. Она ловко наотрывала Стасику разных: белых, голубых, розовых. По такой хитрой комбинации сразу можно узнать, где сел пассажир и до какой остановки едет — чтобы никто не проехал дальше, чем заплачено.

— Держи... Ох и ободранный какой! Чего это на ночь глядя катаешься? Вот мать-то тебе задаст!..

Это уж точно... Да пусть! Лишь бы с ней ничего не случилось от расстройства и беспокойства... Скорей, скорей бы оказаться дома! И чтобы сразу сделалось все позади...

Автобус трясся, трясся, и, наконец-то, вот он, Клуб железнодорожников! От него еще четыре квартала — по Первомайской, по Смоленской... Вот и Стаскин дом, светятся два ряда оконных квадратов. А Стаскины окна не светятся! Что случилось?

Он опять припустил бегом. У калитки плавала в темноте красная звездочка папиросы. Это... да, это Юлий Генрихович!

Стасик, часто дыша, встал рядом с отчимом. Виноватый, с тоскливой тревогой, но еще без слез.

Юлий Генрихович сказал тихо и не сердито:

— Где же это ты гулял, а?

Чтобы объяснить все разом, Стасик выговорил обреченно и торопливо:

— Заблудился. Пошел к реке, а там все незнакомое... А потом пристали там одни... которые еще в лагере... Меня с уроков прогнали, вот...

— Да знаю... Учительница твоя приходила...

— А мама?..

В этом вопросе было все. Знает ли мама? Что с ней? Очень ли беспокоится за него, за Стасика? И почему в окнах нет света?

Юлий Генрихович затянулся в последний раз, осетил огоньком впалое лицо. Отбросил папиросу.

— Мама не знает... Ее еще днем на «Калужку» увезли. Видишь, как получилось: пораньше, чем ждали... — Он положил на голову Стасику тяжелую теплую ладонь. — Сестренка у тебя появилась. Катенька...

Часть 2

ШАРИК

Поиски

«Ты кто?»

«Я... Стасик...»

«Стасик — это кто?»

«Я... мальчик. Разве не видишь?..»

Мальчик... Что это такое? Вернее, кто? Существо из непонятного мира, где иное пространство, иные измерения и, кажется, иное время. Но именно существо! Значит, не только шары могут думать, чувствовать, жить. Мальчик — тоже! Ведь недаром у него с Белым шариком возник резонанс...

Сначала это был резонанс печали и одиночества. Белый шарик испугался, что Стасик может погаснуть, как (если верить рассказам) гаснут шары под черным покрывалом. Но ведь «один и один — не один». Это общая формула для всех миров. И Шарик ощутил, как в мальчике Стасике тает горькое чувство. Черный импульс рассеялся, теплые лучи осторожной радости пошли от Стасика в пространство, пушисто зашекетали Шарика...

Потом, когда мальчик Стасик ослабил импульсы активного общения и пригласил сознание, он все равно сжимал крошечный твердый шарик ладонью. Белому шару было уже понятно, что такое ладонь, и он ощущал на себе ее тепло. Он совсем отключился от связи и с другими шарами, и они еле докричались, чтобы он не прозевал тройной импульс от системы Оранжевых шаров. Белый шарик не прозевал: принял импульс и отразил, как полагалось, в район Большого пятиугольника, но сделал это машинально. А всем своим существом он жил сейчас в ладони мальчика Стасика, где розно толкалась горячая жилка.

По этой жилке, потом по другим жилкам и нервам Белый шарик тихим импульсом-разведчиком проник в ту область, где у Стасика — в том же ритме, что и жилка под кожей — тихо пульсировало информационно-контактное поле. Оно теперь дремало, и Шарик без препятствий читал и запоминал то, что было основными понятиями Стасика: «Человек», «Мальчик», «Земля»... «Мама», «Дом», «Школа»... «Отметки», «Враги», «Кино»... «Солнце», «Книжки»... «Утро»... «Душа», «Друг»... Два последних понятия особо заняли внимание Шарика. В них были неясность и беспокойство. Что такое «Душа», не понимал, видимо, и сам Стасик. А «Друг» — наоборот, очень понимал, только от этого не делалось легче, потому что вместо друга была у Стасика только мечта о нем. Окружавшие Стасика мальчишки не укладывались в параметры понятий о друге. И мечта была похожа на ячейку Всеобщей Сети, не заполненную необходимым импульсом.

Но сейчас... «Один — не один, ты и я»... Шарик не просто читал понятия Стасика о всяких вещах и явлениях. Не по отдельности. Они цеплялись друг за друга, переплетались в сложные узоры, узоры эти рождали новые картины и мысли. И Белому шару уже казалось, что он разбирается в жизни Стасика и вообще в жизни тех, кто называются «человеки». Мало того, появилось даже ощущение, что все это ему смутно знакомо. Словно сам Белый шарик жил когда-то на Земле и был мальчишкой. Конечно, это просто сказывалось явление «отраженной памяти», но все равно было приятно. Лишь одно царапало радость Шарика — виноватость, что он без спроса влез в сознание Стасика и будто подглядывает в щелку. Но с чего бы это? Шары не ведали такого чувства, оно было чисто человеческим. Неужели Белый шарик заразился им, разбираясь в мыслях и ощущениях земного мальчика?

Ну и ладно, пусть заразился! Легче будет понимать Стасика... А чтобы ничего не царапало в душе (если она есть у Шарика!), утром, когда Стасик проснется, Белый шарик ему во всем признается. И расскажет про себя Стасику тоже все-все! И тогда уж они действительно станут «один и один — не один».

...Но утром было не так.

— Шарик... — услышал он и бросил импульс ответа:

— Стасик!..

И тут же тугой удар гравитации скокжал, погасил на миг сознание. А потом все оказалось другим. Маленький твердый шарик был уже не в ладони у Стасика. Он метался в тесном пространстве, его то и дело охватывали волны липкого злобного излучения. «Вильсон! Вильсон!» — радостно пульсировало в них, но это была нехорошая радость, чужая. А сигналы Стасика пробивались издалека — жалобные, отчаянные! Потом судорожно метнулся черный импульс одиночества — как последний крик. И маленький целлулоидный мячик облепила глухота. Белый шарик ушел из него, съежился сам в себе, в центре пространственной пирамиды, а с ее вершин тормозили его заботливыми вопросами большие шары: «Что с тобой, малыш? Что случилось?»

С ним-то ничего! А со Стасиком? Какая беда его подстерегала? Снова те, кто назывался «гады»?

— Отстаньте от меня, пожалуйста, — сказал Белый шарик, но без грубости, а так печально, что большие шары смущенно примолкли.

Он продолжал делать свое дело: излучал и принимал импульсы, вплетал их во Всеобщую Сеть, потому что знал — для этого он и есть на свете. Но сейчас удачные комбинации и ощущения резонанса не радовали его. А просчеты не огорчали.

Все свободное время (а его было немало) Белый шарик искал Стасика. Как искал? На ошупь. В памяти его остался след прежнего импульса, и по нему Шарик снова уходил в тот мир, где жил Стасик. Нечувствительно для этого мира Белый шарик ошупывал его лучами-анализаторами. И понимал все больше и больше. Он разгадал, что такое буквы и как из них складываются слова, которыми можно надолго (может быть, навечно!) записать какие хочешь мысли. Научился он проникать на полки хранилищ, где стояли тысячи книг — пачки плоскостей, усеянных словами-мыслями. Шаря лучом в толще этих спрессованных листов, он мгновенно прочитывал книгу за книгой и узнавал такое, о чем, наверно, и слухом не слыхивал никто из самых умных и старых шаров. Например, об атомах и молекулах, о белках и хитростях мельчайших клеток, из которых на Земле состояло все живое. В том числе и мальчишки.

Шарик поражался сложности и громадности Стасикиного мира, который сначала показался ему таким крошечным.

Но этот мир жил сам по себе, не вступая с Белым шариком ни в какие контакты. Просто не замечал его. И не мог ответить, где затерялся мальчик Стасик.

Связаться со Стасиком можно было лишь через какой-нибудь маленький шарик, если Стасик возьмет его в руки. А как угадать этот миг? Белый шарик проникал то в костяные шары, которые гоняют длинными палками по сукну, то в мелкие подшпипники ребячьих самокатов, то в пластиковые шары, скачущие по твердым столам. А чаще всего — в резиновые мячики — они то и дело оказывались в мальчишечьих ладонях. Белый шарик ощущал только тепло этих ладоней и ответно теплел сам. Но резонанса не получалось.

Только один раз, когда он проник в тяжелый стальной шарик, показалось, что шевельнулся, затрепетал ответный импульс. Но это лишь на полмгновения. А потом опять пусто и глухо...

Наступил момент, когда Белый шарик научился видеть земную жизнь. Слово «видеть», конечно, не точное. Это не было человеческим зрением. Но все-таки теперь Шарик различал не только черные буквы на белых листах, но и все, что было вокруг точки, которую нащупывал импульс. Шарик часто наблюдал,

как на улицах играют мальчишки. Он даже слышал их разговоры. Среди этих ребят были и Стасики. Но который из них его Стасик? Шарик ведь не знал, как он выглядит. И никто из Стасиков — даже с мячиком в руке — на зов Белого шарика не отвечал.

...Большие шары волновались, тревожились, возмущались:

— Почему ты все время оталекаешься?

— Куда ты рассылаешь такие сильные импульсы? Зачем?

— Надо, — рассеянно отвечал он.

— Что значит «надо»? Как ты разговариваешь со старшими! — Это, конечно, Близнецы.

— Уж не поисками ли Вечных Истин занято дитя? — похотывал Красный шар. — Что-то слишком часто оно витает в дальних областях...

— В наше время он давно бы заработал черное покрывало, — крихтел Темно-красный шарик.

— Ой да хватит вам! Тоже мне, придумали буку!

— Кого?! — хором удивлялись шары. Потому что про буку не слышали. Это было из земных детских книжек

— Ты тратишь неизвестно на что массу энергии, — объяснял Большой Белый шар. — Это недопустимо. Тебе не хватит ее, когда наступит момент Возрастания.

— Ну и что?

— Ну и... тогда может случиться, что ты просто перестанешь быть на свете.

— Ха! Так не бывает.

— Бывает. Было же время, когда ты не существовал

— Но сейчас-то я существую!

— Но это сейчас, а...

— Ах, прекратите! Все равно он ничего не понимает, — стонали Желтые близнецы.

— Пусть лучше скажет, что он ищет и в чем тут смысл, — советовал Темно-красный шарик.

В чем смысл! Если бы Белый шарик знал! Он искал не смысл, а Стасика. Потому что Стасик был ему нужен! Вот и всё!

И Белый шарик нашел его! Когда Стасик сидел на берегу, а импульс его летел опять в пространствах. Правда, теперь это был не черный импульс, не крик одиночества. Стасик словно что-то искал в гранях Великого Кристалла.

Белый шарик всем своим сознанием кинулся навстречу и оказался в круглом глиняном комке с запахом дыма и горелой травы.

— Ты — Стасик?

...Вот это была радость так радости! Но Белый шарик уже знал правила мальчишеской жизни: они требовали сдерживать чересчур бурные чувства. Поэтому Шарик старался разговаривать спокойно, а порой и слегка снисходительно. Зато внутри у него все вспыхивало звездами горячего счастья. И Стасик, разумеется, тоже радовался. И все было замечательно, пока Белый шарик не вспомнил о серии импульсов, которые сейчас надо было разослать другим шарам, чтобы в вибрации Всеобщей Сети не возникло аномалии. А то опять начнется: «Тебя ничуть не волнует Великая Идея Всеобщего Резонанса. О чем ты только думаешь!..»

Он легко справился с задачей, вся комбинация решилась точно и стремительно. Даже Близнецы снисходительно похвалили:

— Вот если бы всегда так...

Но Белый шарик уже не слушал. Он был опять со Стасиком. Но теперь... Теперь все оказалось иначе!

Стасик уже не держал глиняный шарик в руках. Тот лежал в тесной темноте, под кирзовым крышковой старой полевой сумки. И трясся в частом ритме ва-

гонных колес. Белый шарик понял, что Стасик едет куда-то в доме на колесах. Таких домов было много, их тащила за собой машина с ярким фонарем на круглом чугунном лбу. «Поезд!» — вспомнил название Белый шарик.

Но почему Стасик здесь? И отчего он в тихом отчаянье?

Это отчаянье Белый шарик ощущал, как свое. Но понять ничего не мог, спросить не мог. Ох, если бы Стасик догадался взять его в ладони! Но тот уже и не помнил про Белого шарика. Он изо всех сил не хотел ехать, хотел домой! А сильнее всего кричало в Стасике желание, чтобы остановился поезд.

Это желание Стасика Белый шарик опутал тугими жилками гравитационного поля и швырнул впереди паровоза. И содрогнулся от неслышного взрыва сожженной энергии. Зато локомотив увяз в невидимом препятствии, и поезд стал грохоча буферами.

Стасик метнулся из вагона вниз! А потом... потом его опять не стало. Вокруг Белого шарика была только темная трава. Хоть сгори, хоть взорвись от истощения, на весь Кристалл, крика: «Стасик, где ты!»

Белый шарик не кричал. Бесплезно. Однако, если бы шары умели плакать, он заплакал бы горько, как забытый всеми на свете мальчишка.

Осень

Юлий Генрихович Тон застрелился в конце октября на берегу озера Саид-куль.

Осень стояла теплая, на озерах под Туренью охотники подкарауливали последние стаи гусей и уток, собиравшиеся для перелета на юг. В субботу Юлий Генрихович с приятелями уехал на Саид-куль, переночевал с ними в охотничьей избушке, а на рассвете, когда собирались на «утреннюю зорьку», отошел в заросли ольшаника. Там он поставил свою тулку прикладом в хухлую траву, нагнулся и нажал оба спуска.

Заряды крупной дробинки попали ему в висок.

Когда Юлия Генриховича хоронили, вместо головы у него был белый кокон. Виден был лишь костлявый подбородок с седыми колючками и нижняя губа — синяя, впалая. Стасику казалось, что здесь какая-то нелепость, обман, подмена. Что в узком, очень длинном гробу лежит не Юлий Генрихович, а кто-то совершенно незнакомый. Может быть, вообще не человек. Руки лежавшего были тоже незнакомые — желтые, застывшие

От гроба пахло сырыми досками и едкой краской, которой эти доски — наслех, неаккуратно — вымазали. Сквозь жидко-красный слой проступали сучки и заусеницы.

Юлий Генрихович лежал дома двое суток, в комнате с завешанным пленкой зеркалом. Стасик ночевал у соседки тети Жени, но днем старался быть поближе к маме. Мама в первый день сильно плакала, а потом как-то нехорошо успокоилась, будто закаменела. Стасик за нее боялся. А большого горя он не испытывал, только страх и печальное удивление...

В последний месяц своей жизни Юлий Генрихович беспробудно пил. Он любил выпить и раньше, но знал меру и после четвертинки обычно становился оживленным, разговорчивым. Случалось, конечно, что он скандалил, ругался с мамой, но это зависело не от водки, а просто от его настроения. Выпивка же, наоборот, делала его добрее. Но в конце сентября он запил глухо и как-то безнадежно. Приходил поздно, еле-еле держался на ногах. В ответ на мамины упреки шипло говорил «заткнись» и добавлял какую-

нибуть гадость. Валился на кровать и мычал во сне. Мама ложилась тогда на Стаськину кушетку, а он сам — на пол, на тощий тюфячок, и укрывался маминим полушубком. В комнате стоял тяжкий дух водки и грязно́го тела. Маленькая Катюшка в такие ночи почти не спала, плакала не переставая. Мама и Стасик по очереди качали кровать. А Юлий Генрихович вставал утром сумрачный, глухо молчащий. Брился, приглаживал щеточкой свой пробор, сам кипятил себе чайник. Съедал, запивая кипятком без заварки, свою хлебную порцию и уходил.

Иногда он пил и дома. Один или с новым приятелем по фамилии Коптелов. Юлий Генрихович называл его «Коптелыч». Это был маленький морщинистый дядька, весь какой-то дряблый: слезящиеся глазки, бесцветные волосинки, прилипшие к лысине, дребезжащий голосок, хлюпающие резиновые сапоги, от которых противно пахло. Работал он где-то завхозом. Мама терпеть не могла Коптелыча, еле-еле здоровалась, когда он приходил. Но Коптелыч не обижался. Хихикал, пытался шутить: «Вы уж, Галина Викторовна, не ругайте своих мужичков, не прогоняйте, голубушка...» Стасика пытался гладить по голове, тот шаркался.

Пил Коптелыч наравне с Юлием Генриховичем, но почти не пьянел, только голосок у него дребезжал сильнее.

Однажды, когда у отчима был редкий момент протрезвления, мама сказала:

— Зачем ты с ним якшаешься. Он же наверняка это... с теми знает. Я видела его на улице с одним... который там работает. Который однажды нашу работу в библиотеке проверял...

Юлий Генрихович ответил с тяжелым равнодушием:

— А я знаю... Я все знаю...

— Потому и пьешь? — помолчав, тихо спросила мама.

— Они меня уже два раза вызывали. С работы...

Мама выдохнула еле слышно:

— Господи, зачем? Все ведь выяснено. Ты же совсем... ни в чем... Чего им надо?

— Кабы знать, чего... — В голосе отчима появилось то насмешливо-болезненное удовольствие, с которым он раньше рассказывал о своих страданиях. — Ласковые беседы ведут, вокруг да около. Может, копают чего... Может, в сексоты планируют...

— Господи...

— Господи тут ни при чем. У них свой господь бог... Ты вот что, дай-ка мне лучше тридцатку. Последний раз...

— Юлик, последние деньги ведь...

— Ну, не ври, не ври, — сказал он добродушно. — У тебя припрятаны, я знаю.

Мама больше не спорила, дала. А вечером Юлий Генрихович заявился с Коптелычем. Оба уже «хлебнувшие», но не очень. Мама встретила их не сердито, даже с Коптелычем на сей раз поздоровалась нормально.

— Садитесь ужинать, я картошку пожарила...

Коптелыч, однако, скромненько притулился у двери, на крытом мешковиной сундуке, а Юлий Генрихович сел у стола, не снимая ватника. Сказал, глядя себе в колени:

— Ты вот что... Наши в «Метро» собираются, чтобы насчет поездки поговорить. На озеро... Ты это... пятьдесят рублей мне еще надо.

«Метро» — так называли забегаловку в подвале на углу Метростроевской и Первомайской.

— Ты же днем тридцать взял!

— Ну, взял! — с привизгиванием крикнул отчим. Видно, решил распалить себя. — Будто я не знаю, что у тебя еще есть!

— Да ведь до зарплаты неделя! Молока не на что будет купить!

— Дай... — тяжело сказал отчим.

— Нет...

— Дай!!

Стасик сжался на своей кушетке. Опять начинается...

— Ну, Юлий Генрич... — заерзал у двери Коптелыч. — Ну, ты это... Может, не надо...

Отчим грузно и медленно поднимался у стола. Он был все-таки пьян. Заметно теперь. Лицо красное, подбородок дрожит.

— Постыдись, — быстро сказала мама. — У тебя же дочь...

Он хрипло вдохнул воздух, шагнул к решетчатой кровати-качалке, опустил в нее растопыренную пятерню. Оскалясь, оглянулся через плечо:

— Придушу эту твою дочь! Если не дашь!

Катюшка проснулась, пискнула. Стасика вдавило в кушетку тугим ударом страха.

— Мамочка, отдай!

Мама рванула ящик комода, выхватила оттуда, бросила на пол две красные тридцатирублевки.

— Не трогай ребенка, зверь!

Отчим схватил деньги, пригнулся, суетливо записал их во внутренний карман. Коптелыч бормотал:

— Ну, Генрич... Ну, зачем так... Надо по-доброму, чего вы...

Мама, плача, схватила Катюшку, та раскричалась. Отчим выскочил за дверь, Коптелыч, не разгибаясь, за ним. Стасик дрожал и всхлипывал. Не только от страха за Катюшку и за маму, а еще и просто от дикой несправедливости жизни...

Юлий Генрихович не появлялся дома два дня. И без него было лучше, спокойнее. Он пришел в субботу вечером, трезвый и какой-то оживленно-деловитый. Сказал маме небрежно:

— Ты уж прости меня. Сорвался...

— Никогда я тебя не прощу за Катеньку...

— Ну, как хочешь... Может, она сама простит, когда вырастет... А может, и ты простишь, когда с дичью вернешь. На сытый желудок люди добрые... А, Стасик?

Стасик затравленно молчал. Катюшка хныкала на руках у мамы. Отчим достал из куженьки патронташ, снял со стены тулку.

— Ну, скажите «ни пуха, ни пера»...

Опять все молчали... Он неуклюже махнул рукой от двери, зачем-то подмигнул Стасику (или просто дернул веком). И ушел. Навсегда...

На похороны Стасика не взяли. (да он и не хотел). Он остался нянчиться с Катюшкой. А чтобы ему было не так страшно и грустно, с ним осталась соседка тетя Женя. Стасик брал Катюшку на руки, когда она плакала, совал ей в рот соску-пустышку и даже сам перепеленывал сестренку.

— Какой ты у мамы помощник, — вздыхала в уголке тетя Женя. Она была пожилая и добрая.

Мама вернулась скоро. Похороны оказались малолюдными и быстрыми. Не было ни речей, ни оркестра. Считалось, что самоубийца — это чуть ли не преступник, какой уж тут оркестр. Лишь друзья-охотники (мама это рассказала потом) трижды выстрелили над могилой из ружья.

Делать поминки мама не собиралась. Но трое мужчин, которых Стасик почти не знал, все-таки пришли с кладбища вслед за мамой. Откупорили бутылку, вскрыли охотничьим ножом банку камбалы в томате.

— Ты уж прости нас, Галина Викторовна, давай по русскому обычаю...

— Давайте, — покорно согласилась мама и тоже

присела к столу. В этот момент появился Коптелыч. Потоптался в дверях, суетливо перекрестился, глядя в потолок.

— Проходите, — отрешенно сказала мама.

Коптелыч сел, выставил еще бутылку. И на этот раз быстро захмелел. Бормотал что-то, клевал носом. А когда все поднялись и решительно взяли его под руки, вскрикнул. Потом оглянулся на маму и проговорил с пьяной назидательностью:

— Из-за страха это он... Да...

— Из-за вас, — тихо сказала мама.

— Не-е... Ты, Вик-ровна, не думай, я не это...

Нет...

Один из поминальчиков дернул его к двери.

— Прикуси язык... Извините, Галина Викторовна...

Они ушли. Мама взяла Катюшу и стала кормить грудью. Катюшка смешно чмокала и один раз тихонько чихнула... Она была славная. Совсем крошечная, но умная. В эти дни почти не плакала, будто понимала, что не надо прибавлять маме и брату хлопот. У мамы, когда она узнала про Юлия Генриховича, пропало молоко, и Катюшку сутки или двое кормили из бутылочки с соской. Мама боялась, что это навсегда. Но нет, кажется, дело поправилось. Стасик подошел, тронул мизинцем волосики на Катюшкином темени. Мама сказала:

— Сходил бы к ребятам, узнал бы, какие уроки заданы. Три дня ведь в школе не был.

— Ага... Я к Янчику схожу... — Стасик подумал и дернул с зеркала серую пленку. Объяснил виновато: — Жить-то надо.

2

Стали жить втроем. Денег не хватало. То, что мама получила за свой послеродовой отпуск, были «кошачьи слезы». До первого ноября еще получали хлеб по карточкам отца. Это было против закона, но продавщица Рая делала вид, что ничего не знает.

Из милиции вернули ружье Юлия Генриховича, которое сперва забрали для следствия. Отдали и велели сразу продать через комиссионный магазин — нельзя держать дома оружие без документов. Заодно мама унесла в комиссионку и единственный приличный костюм Юлия Генриховича. Патронташ, сумку с сеткой для дичи и другие охотничьи принадлежности мама раздала приятелям мужа, которые заходили несколько раз. И остались от Юлия Генриховича кой-какая старая одежда, пустая куженька, бритвенный прибор да щеточка для волос. Прибор мама собиралась отдать брату Юлию Генриховича, если он придет. Но Александр Генрихович не приехал, болел.

Еще у Стасика осталась на память об отчине книга «Ночь перед Рождеством». Но Стасик ее спрятал подальше. Всякое напоминание о нечистой силе и ночных страхах было для него непереносимо. Он боялся теперь темных углов, шагов за спиной, разговоров о кладбище. К этим страхам добавилась проснувшаяся опять боязнь закрытого помещения — та, которую он впервые ощутил в лагерном шелятнике. Когда ложились спать, Стасик просил маму оставлять приоткрытой дверь в коридор. А мама говорила, что из двери дует и Катюшка может простудиться...

Прошло три недели. Зимы все еще не было, снег иногда падал, но тут же таял. Темнело рано — когда идешь из школы, земля черная и небо черное, только из окон слабый свет, и от него чуть-чуть искрится подсыхающая слякоть. И вот однажды Стасик толкнул калитку, прошел по брошенным через доски лужам к своему крыльцу и там, сам не зная зачем, оглянулся. И сдавленно закричал: из-за темной поленицы поднималась узкоплечая фигура с наглухо забин-

тованной головой. Белый кокон жутко светился на фоне черного забора.

Стасик задергал ручку, а дверь была тугая, открылась не сразу. Он без памяти взбежал по лестнице, упал через порог в комнату. Мама схватила его:

— Что с тобой?! Стасенька!..

— Там... кто-то... — и он рыдался.

Появилась тетя Женя. Еле успокоили Стасика. Оказалось, что соседям привезли дрова, и дядя Юра, чтобы не развалилась поленица, прислонил к ней торчком двухметровое березовое бревно. Белый кругляк и торчал, как голова.

Дяде Юре влетело от жены, тети Маруси, хотя он, конечно, не виноват. А Стасик от стыда сопел и прятал глаза, но прежние страхи его не отпускали. И через неделю мама сказала:

— Уезжаем мы отсюда, вот так. Договорилась я.

Бухгалтерша мебельной фабрики, где раньше работал Юлий Генрихович, согласилась обменяться жилплощадью. Ей, бухгалтерше, и ее матери была прямая выгода — и жилье будет просторное, и к работе ближе. Конечно, обмен — дело хлопотное, надо получить разрешения и справки в милиции, в домоуправлении и у всяких других начальников. А те справок и разрешений давать не хотели. Но потом все-таки дали. Бухгалтерша выхлопотала на полдня фабричную полуторку, соседи помогли погрузить вещи. И вот Стасик, мама и Катюшка оказались на новом месте.

Эта комната была теснее прежней — большей, разгороженной надвое. И окна здесь неширокие, с чуть закругленным верхом и простым переплетом в виде буквы Т. И все-таки Стасику новое жилье понравилось.

К дому, где он прожил свои девять с половиной лет, Стасик привык, но нельзя сказать, что любил его. По сути дела, это был двухэтажный бревенчатый барак, до войны он служил общежитием для холостых работников железной дороги, а уж потом переделали под квартиры. В здешнем же одноэтажном доме — старом, длинном и с горбатой крышей — Стасик сразу ощутил живую душу. Видно было, что строили дом старательно, любовно, чтобы жить в нем долго и защищенно от невзгод. Невзгоды, конечно, дом не обошли, сейчас он обветшал, осел. Жестяные дымоходы на трубах и украшения водосточков проржавели и помялись. Резьба наличников и подоконных досок — деревянные цветы и листья — потрескалась и местами осыпалась. Но ощущение прочности и уюта осталось.

И — самое главное! — дом этот стоял в двух шагах от Банного лога. Катерный переулочек, номер три...

В день переезда выпал наконец пушистый снег, засыпал крыши и деревья. И на следующее утро Стасик прошелся по всему Банному логу туда и обратно. Было все не так, как в прошлый раз, без травы и листьев, но все равно красиво и сказочно. Как на заграничной новогодней открытке: укутанный снегом городок на горках. Все сверкало, с веток сыпались блестящие струйки, и лодки у заборов спали под перинами.

Таилась тут и опасность: могло случиться, что снежные колпаки на столбиках ворот и палисадинов напугают Стасику о мертвой забинтованной голове. И случилось! Слово кто-то на ухо подсказал ему такое сравнение. Но Стасик не поддавался этому «кому-то»: «Фиг тебе! Это шапки снежных гномов и деда Мороза!» Он не хотел отдавать свою сказку.

И само название «Банный лог» он не стал теперь связывать с банями и рассказом Юлия Генриховича об арестованном архитекторе. Оттолкнул их от себя. Хватит!.. А через несколько дней узнал, что до революции на этой улице была жестяная мастерская и владел ею некий Спиридон Банных, отсюда и пошло название.

Про мастерскую рассказала Стасику его новая соседка, пятиклассница со странным именем Зяма. Зямой звали ее все в этом доме. Лишь мать — высокая и грозная на вид тетя Рита — иногда кричала на всю округу:

— Зинаида! Сколько говорить: брось книжку и марш в сарай за дровами!

Но Зяма не очень боялась мать. И уж совсем не боялась свою бабушку. А больше ей бояться было некого, жили втроем.

Была Зяма длинная, белобрысая, с тонким капризным голосом. И характер был капризный, хотя и не злой.

Когда Стасик сперва не поверил про жестяную мастерскую (разве будут сохранять название в честь какого-то мелкого буржуа?), она скандально закричала:

— Ну и подумаешь, ну и не верь! Если сам такой глупый, спроси Полину Платоновну, она здесь с до-революции живет!

Полина Платоновна тоже была соседка. Старая и одинокая. Она приходилась двоюродной сестрой чиновнику пароходной конторы Петру Марковичу Ткачеву, который в незапамятные времена владел всем этим домом (на воротах еще сохранилась ржавая табличка «Домъ П. М. Ткачева»). Жила Полина Платоновна в комнате с двумя окнами — такой же, как у приехавших сюда Скицыных. Комнаты эти соединялись дверью, а другая дверь вела от Полины Платоновны на общую кухню. Через кухню можно было попасть к Зяме, а дальше располагалась квартирка, где жили семидесятилетний Андрей Игнатьевич, его жена тетя Глаша и ее сестра тетя Аня. Сплошные «тетя». Андрей Игнатьевич, когда увидел Стасика, заулыбался редкостным прокурорным ртом:

— Ну и добро... Будет в доме еще один мужик. А то ведь бабья республика.

— Ты молчи про республику-то, — цыкнула тетя Глаша. — Язык тебе не укорачивали... ботало...

Почти все окна дома смотрели в Катерный переулок. А на дворе вдоль глухой стены тянулся навес, под которым хранились дрова, кадушки и старая мебель. Туда же были встроены дощатые сенцы с крыльчками. У Андрея Игнатьевича крыльечко, у Скицыных и еще одно — кухонное, через которое ходили к себе Полина Платоновна и Зямино семейство. Конечно, можно было пройти весь дом сквозь все двери, «навывает». Но кому понравится, если через твою комнату шастают соседи. Маме и Стасику пришлось ходить на кухню через двор. Но это пока Полина Платоновна не сказала:

— Да не стесняйтесь вы, ради бога, ходите через мою келью. У меня же никогда не заперто, да к тому же днем я и дома не бываю. — Она, старенькая, седая, очень сутулая и со странно приподнятым плечом, все еще служила где-то машинисткой.

Мама обрадовалась. Потому что открывать дверь на двор — это каждый раз холоду напускать, а Катюшка и так чехоросто покашливала.

В комнате у Полины Платоновны Стасик всегда задерживался, чтобы поглазеть. Там столько интересного! Скрипучее кресло с потрескавшейся кожей и львиными головками на подлокотниках, пузатый резной комод с узорными кольцами из меди, на нем ларец со стеклянными окошками, в которых картинки из бисера: деревья, домики и олени. Настольные часы — тяжелое кольцо с циферблатом держат два голых бронзовых мальчишки с крылышками. А еще — разные фотографии в рамках, темно-золотая икона в углу, тяжелые переплетенные «Нивы» за стеклянными дверцами шкафа. Но самое главное — фисгармония.

Это такой старинный инструмент вроде пианино, только во время игры надо нажимать на педали, что-

бы накачивался воздух. Звук получается, как у баяна... В Клубе железнодорожников, где раньше работала мама, стоял рояль, и Стасик научился на нем играть одним пальцем несколько песен: «Варяг», «Вечер на рейде», «Мы не дрогнем в бою...» И вот однажды, когда Полины Платоновны не было, мама ушла на рынок, а Катюшка спала, Стасик решил и поднял крышку фисгармонии. Придвинул стул.

Он быстро понял, как работать педалями и как переключать регистры, и стал подбирать «На позиции девушка провожала бойца». И настолько увлекся, что не заметил, как пришла Полина Платоновна. Обмер, когда она оказалась рядом.

— Ты немножко не так играешь. Давишь на «фа», а надо «фа-диез»... Вот слушай... Нажми педаль.

Куда там «нажми!» Стасик съехался, как пойманный ворюшка.

— Я только попробовал... маленько...

— Господи, да что ты испугался-то? Играй на здоровье... — Полина Платоновна отошла, присела, не сняв свою вытертую плюшевую дошку. — Левушка тоже любил на ней играть. У него слух был почти абсолютный... А вот надо же, в летчики...

Она смотрела на большую фотографию под стеклом.

Своих детей у Полины Платоновны никогда не было, а племянника Левушку, сироту, она воспитывала с малолетства до армии. Он поступил в летное училище и погиб в сорок третьем... А на портрете Левушка был еще мальчик, чуть постарше Стасика. Белокурый, с небрежно зачесанными набок волосами, с ясным таким и смелым лицом. Похож на Тимура из кино.

Фотография была четкая. В глазах у Левушки блестели солнечные точки, а на овальной пряжке пионерского галстука горела искра. Такие пряжки — серебряные, с эмалевыми язычками пламени — раньше были у каждого пионера. А теперь галстуки завязывают узлом. Когда Стасик смотрел на Левушкин снимок, то завидовал. Если примут в пионеры, такую пряжку Стасику все равно уже не носить... Впрочем, в большой школе-семилетке, куда Стасика недавно перевели, разговора о приеме в пионеры пока не было.

3

Расставаться со старой школой Стасику не хотелось. Хотя ни с кем у него большой дружбы в классе не было, но все-таки ребята свои, знакомые. А как будет на новом месте?

Оказалось, что неплохо. Особенно здорово, что школа была мужская. Ни в одном классе ни одной девчонки! Ребята встретили Стасика обыкновенно: без особой приветливости, но и не задиристо. Правда, один вспомнил Стасика Скицына по лагерю:

— А, Вильсон! Здорово!

Но он был не из тех, кто приставал там к «Матросу», и, кажется, все эти истории ему не запомнились. Только прозвище запало в голову.

— Вильсон, айда, садись со мной!

Прозвища — они, как липучки. И Стасик понял, что от Вильсона ему не избавиться. Оставалось носить эту кличку не как дразнилку, а как обычное имя.

Ну, а в самом деле, если разобораться, чем плохо — «Матрос Вильсон»? Как из книжки про моря и путешествия. И когда думаешь про бесконечность и Вселенную и хочется крикнуть о себе на все мировое пространство, то «Вильсон» звучит гораздо лучше, чем «Стасик».

«Я — Вильсон, Вильсон, Вильсон!»

Почти как «Ким»...

А на то, что «Матросом Вильсоном» дразнил его

Чича, наплевать! Сам он, поганка бледная, матросом никогда не будет.

Зато в семилетке третьеклассники учились в первую смену, не надо ходить вечером по темным улицам.

Бабушка Зямы за совсем небольшую плату согласилась водиться с Катюшкой, когда мама начнет работать. Из Клуба железнодорожников мама уволилась, нашлась работа в маленькой библиотеке для детей плавсостава, в трех кварталах от дома. Можно будет прибегать, кормить Катюшку грудью.

Мама стала бодрее, иногда улыбалась даже, а один раз, как прежде, энергично огрела Стасика скрученным фартуком — за то, что не вымыл тарелки. Стасик обрадовался, будто ему три рубля на кино пообещали... Плохо только, что седые пряди, которые он видел в маминых волосах, не исчезали. Говорят, что если седина появилась, то это уже навсегда...

Иногда Стасик и Зяма брали под навесом деревянные, похожие на маленькие розвальни сани и шли кататься на спусках Банного лога. Там со всей округи ребята собирались, такое веселье! Особенно хорошо было вечером: луна яркая, небо зеленое, крыши и деревья блестят...

А придешь домой — и на кухню. Там почти каждый вечер собирались все обитатели дома. Сидят, ужин варят, всякие разговоры ведут. В зеве русской печки трещат дрова, на столах уютно светятся керосинки.

...Когда Стасик стал взрослым и даже старым, он пытался объяснить внуку Сашке, что такое керосинка.

— Понимаешь, это такая микроречка для варки пищи. Действует по принципу керосиновой лампы. Резервуар с горючим, фитили, но вместо стекла — плоская вытяжная коробка из жести. С конфоркой для кастрюли и с маленьким слюдяным окошком, чтобы следить за пламенем. Окошечко мутное, закопченное, смотришь на него и представляешь всякое кино. Хорошо так...

— Будто микротелевизор? — понимающе спросил семилетний Сашка.

— Ну... похоже. Только в телевизоре — что показывают, то и гляди. А у керосинки — представляй, что хочешь.

— И получается?

— Еще бы!

Через день деду Стасику сильно влетело от дочери за «глупые рассказы». Потому что Сашка соорудил керосинку из кожуха старого отцовского кассетника и едва не сжег дачу...

...Ну а тогда, в конце сорок седьмого года, Стасик Скицын еще не подозревал, что будут телевизоры, видео и кассетники. Электричество и то было не каждый день. Но все-таки житье делалось все лучше. Обещали скоро отменить хлебные карточки. На родительском собрании Эмма Сергеевна сказала, что «хотя Скицын и пришел в этот класс недавно, однако общую успеваемость не испортил»... Зяма дала почитать растрепанную книжку «Сердца трех» писателя Джека Лондона. Сплошь про приключения...

Но однажды хорошая жизнь испортилась. В первых числах декабря пришел Коптельч. Мама не скрыла своего недовольства, Стасик тоже насупился. А Коптельч будто ничего не заметил. Покивал, вздыхал, разделся у вешалки и, шаркая валенками, подошел к столу. Поставил четвертинку.

— Сорок дней, Галина-свет Вик-ровна. Время идет, а? Глядишь, и все туда отправимся помаленьку...

Стасику понравилось, как ответила мама:

— Мне туда нельзя. У меня дочка и сын. Так что ищите других попутчиков.

— Да я и не спешу, хе-хе... Давай помянем друга Генрича.

— Не ждала я, — сказала мама. — У меня и закуски нет.

— А и не надо! Стаканчики давай да корочку, чтоб занюхать.

Мама поставила один стакан, блюдце с пластиком хлеба и колбасы.

— А ты что же? Не будешь? Как я один-то?

— Мне нельзя, я ребенка грудью кормлю.

— Ну, ладно, прости тогда... — Раскупорил, забулькал. — Господи, помяни в своем царстве раба твоего Юлия...

— Меньше бы вы его сами... помнили, пока жил! — не выдержала мама. — Глядишь, сейчас поминать бы не пришлось.

Коптельч засаленным рукавом вытер губы.

— Чего-то все намекаешь, Вик-ровна. И в тот раз, и теперь... А зря. Я ничего. Если что думаешь, будто я это, то вовсе нет... А вообще-то, смотри-и...

Он вылил в стакан остатки водки, выпил крупным глотком — кадык прыгнул под бугристой кожей. Потом Коптельч встал.

— Мерси, значит, за угощенице. Пойду... Ежели когда загляну на огонек по старой памяти, не прогоняйте...

У двери он, сопя, влез в ватник, нахлобучил ушанку. Криво, с ухмылкой, поклонился и, пяясь, вышел. Остался запах — смесь кислотности и застарелого курева.

С полминуты мама и Стасик сидели и молчали. Потом Стасик прыгнул в валенки, выскочил за дверь. Было темно, дул сырой ветер. Стасик еле разглядел Коптельча у калитки, догнал.

— Стойте!

Коптельч затоптался, оглянулся сгорбленно. Стасик сказал прерывистым непримиримым голосом:

— Вы к нам больше не ходите. А то... я вам башку расшибу. Сквородкой.

Коптельч шагнул к Стасику. Тот напрягся, но не двинулся.

— Шустёр... — не то просипел, не то прохихикал Коптельч. — Думаешь, если маленький, значит, можно? Маленьких, когда надо, тоже за жабры берут. — И пошел, кривясь на один бок.

— Шпион проклятый! — отчетливо сказал ему вслед Стасик. Схватил в горсть липкий от нахлынувшей оттепели снег. Хотел запустить Коптельчу в спину. Одумался. Стоял, дрожа на влажном холоде, катал снежок в ладонях. Катал, пока тот не превратился в холодный, льдисто-мокрый шарик.

Мама кричала с крыльца:

— Стасик, ты где?! Вернись, простынешь!

— Ста... — вдруг толкнулся в ладони шарик. И мгновенно растаял, как от горячего взрыва.

Продолжение следует

Владимир
БОРИСОВ

«БУДЬТЕ ЩЕДРЫМИ...»

К сожалению, моя удаленность от редакции «Уральского следопыта» (я живу в Абакане) и длительность производственного цикла изготовления журнала не позволяют мне оперативно откликаться на письма читателей. Я искренне благодарен всем, кто написал в редакцию, и надеюсь, что наше общение продолжится.

Итак, шесть небольших заметок (см. «У. С.», 1990, № 1—6) составили рассказ о шкале «Фантазия-2». Попробуем подвести некоторые итоги. Сначала ответчу на критику. Как водится, она направлена на автора с разных сторон. Александр Кравцов из актюбинского КЛФ «Лалангамена» считает, что было бы лучше, если бы авторы шкалы, Г. Альтшуллер и П. Амнуэль, сами рассказали о ней в журнале. И хотя в его письме нет слова «плагиат», но намек на такой поворот дела имеется. В свое оправдание могу лишь сообщить, что Генрих Саулович Альтшуллер просматривал материал перед публикацией и никаких претензий к автору заметок не высказал. Как истинного ученого, больше всего его заботит лишь то, чтобы его мысли не были искажены, чего, надеюсь, не произошло. Каюсь, однако, в том, что не указал еще один источник, из которого можно почерпнуть сведения о шкале «Фантазия-2» — это публикация в журнале «Техника и наука», 1983, № 8.

Гораздо серьезнее упреки Виктора Стенина из Ясногорска Тульской области. По его мнению, «главный вывод, который можно сделать из статьи — это то, что фантастика — не литература». Более того, «эта статья с упорством разрушает возводимое здание, даже нет, храм фантастики». Некоторое время я ходил, оглядываясь: не лежат ли за мной развалины храма? В общем, Виктору очень не понравилась попытка оценивать литературное произведение. Он соглаша-

ется, что любой читатель как-то оценивает прочитанное. Но вот использовать при этом какие-то баллы — ну уж нет, от этого увольте! Виктор считает: «То, что поддается оценке, — не принадлежит искусству». И в то же время утверждает: «Есть одно деление, единственное возможное (остальное унижает самих писателей): деление по таланту и душе, что, собственно, однозначно». Я не буду спорить с Виктором, все свои аргументы я выложил в первой же статье, и мне нечего к этому добавить. Ведь все зависит от того, для чего мы используем оценку. Это инструмент, который можно использовать по-разному. Но я не понимаю, почему дополнительное знание может повредить восприятию произведения искусства. Характерный пример: прочитав подробную статью о том, как снимались «Звездные войны», я не перестал восхищаться мастерством съемок. Так и манипуляции со шкалой «Фантазия-2» не отвратили меня от книг Стругацких или Станислава Лема. Наоборот, дотошно исследуя ту или иную тему, вдруг обращаешь внимание на детали, которые при чтении проходили мимо сознания.

По счастью, в остальных письмах я нашел интересные мысли, ответы и новые вопросы, то есть то, ради чего и были написаны эти заметки.

Самые интересные письма — о книгах, серьезно повлиявших на жизнь отвечающих, то есть о книгах, которым была выставлена субъективная оценка 4. Нельзя без волнения читать письма, в которых читатели рассказывают о своей жизни. Я — не профессиональный журналист, и у меня не хватает смелости цитировать откровенные рассказы читателей, сожалеющих, что нельзя этим книгам поставить оценку больше 4. Почему же, дорогие друзья, нельзя? Я понимаю вас. Книгу, которая изменила твою судьбу, дала нравственные ориентиры, можно и нужно оценивать как можно выше. В послесловии к сборнику Сергея Беляева «Властелин молний» Геннадий Прашкевич вспоминает:

«Хорошо помню, как в декабре 1976 года в Москве на первом такого ранга семинаре молодых фантастов Аркадий Стругацкий прочел нам несколько необычную лекцию о прелести прочитанных в детстве книг.

Возможно, лекция называлась как-то иначе, сейчас не помню, но речь в ней шла именно о том, что книга, прочтенная в ранние годы, может быть, как ничто другое, способна повлиять на человека; иногда она определяет всю его дальнейшую жизнь. Не буду ссылаться на общеизвестные примеры, когда, скажем, ученый становился ученым благодаря тем же Жюлью Верну, Конан Дойлу, Ефремову... А. Стру-

гацкий в своей лекции обращая наше внимание прежде всего на то, что книги, какими бы они ни были, к сожалению, рано или поздно уходят. Иногда они просто переживают себя, иногда их вытесняют, вытесняют из круга чтения искусственно. Будьте щедрыми, призывает А. Стругацкий. Делитесь прочитанным в детстве с друзьями.

Понятно, подчеркивал А. Стругацкий, отнюдь не каждая книга может вернуться к читателю. Скажем, «Человеком-амфибией», переизданной в 50-х, зачитываются и сейчас, но кто будет читать «Чудесное око» того же автора?

Будьте щедрыми. Делитесь собственным прошлым. Делитесь страданиями, освещавшими ваше детство».

Воспользуемся же советом классика советской фантастики (кстати, книги Стругацких, конечно же, также были названы среди получивших высший балл, равно как и произведения Михаила Булгакова, Рэя Бредбери, Жюль Верна, Ивана Ефремова, Владислава Крапивина, Станислава Лема, Владимира Михайлова, Клиффорда Саймака, Роберта Шекли...) и будем щедро делиться своими впечатлениями.

Думаю, общее мнение приславших свои размышления о таких книгах выразил Игорь Гольдштейн из Киева: «Мне кажется, что даже в годы расцвета «застоя» тот, кто знал эти книги, имел настоящую шкалу координат пространства-времени».

Хочу отметить подробные и интересные ответы на задания Игоря Гольдштейна (Киев), Андрея Доронины (Камышин Волгоградской области) и С. Сергеева (п. Первомайский Удмуртской АССР). Им высланы призы.

ОХ, УЖ ЭТА АЛИСА...

Необыкновенно популярны среди читателей, особенно юных, книги К. Булычева о знаменитой девочке из будущего. Почта то и дело приносит нам самые теплые отзывы об этих повестях, разнообразные рассуждения, а то и целые трактаты. Один из них предлагаем вашему вниманию.

В цикле произведений Кира Булычева о приключениях Алисы Селезневой имеется множество хронологических неточностей и неувязок. Внимательно прочитав все повести, я попытался исправить их,

привести цикл в непротиворечивый вид. Писатель часто советуется с читателями (так было, например, при публикации ряда повестей в «Пионерской правде»), возможно, эти поправки не останутся незамеченными...

Итак, за «опорную точку» берем 2089 год из повести «Остров ржавого лейтенанта». Это вызвано тем, что здесь дается привязка к 300-летию Парижской Коммуны, даты же в других повестях привязки к реальным событиям не имеют.

Однако «Остров...» содержит немало разночтений с другими книгами, что требует внести в ее текст следующие изменения:

1. В день начала летних каникул (стр. 30 в кишиневском сборнике) Алисе не может быть 8 лет и 2 месяца, т. к. родилась она 17 ноября. Количество месяцев следует изменить на 6.

2. Оконченные классы (2) не увязываются с первыми абзацами «Путешествия Алисы», где говорится, что во время учебы во 2-м классе Алиса не пускалась ни в какие авантюры, ибо от этого зависело ее участие в экспедиции. Описанные же в «Острове...» события иначе, как авантурой, не назовешь. Поэтому было бы логичнее написать, что Алиса закончила 3-й класс. Есть и еще соображение, о нем ниже, когда дойдем до «Путешествия Алисы».

После того, как мы взяли за отправную точку 2089 год, из условия, что Алисе 9 лет и 6 месяцев, следует, что дата ее рождения — 17 ноября 2079 года. Это дает возможность составить хронологическую линию и датировать все остальные произведения.

Начнем с начала. «Девочка, с которой ничего не случится» — по указанию в тексте, с 3-х лет до тех пор, пока Алиса не пойдет в школу, т. е. — 2083—2086.

Еще одно допущение. Со школой тоже получаются неувязки. Из «Острова...» следует, что учиться Алиса начала в 7 лет, а из «Сто лет тому вперед» — в 5. В «Новых приключениях» берется, очевидно, среднее: в 6 лет. Примем это среднее — оно подходит под большее число произведений.

«Заповедник сказок» и «Козлик Иван Иванович»: Алисе 8 лет, события происходят в течение 3—4-х недель в мае. Следовательно, это 2088 год. Здесь то же, что и в «Острове...», несовпадение с «Путешествием Алисы».

«Путешествие Алисы». Девочка закончила 2-й класс, значит — 2088 год. События происходят в течение летних каникул — с конца весны до конца лета. А в кафе «Луноход» Громозека на автографе

вообще ставит дату 8 марта! Выходит, что в «Заповеднике...» и в «Острове...» действие происходит тогда, когда Алиса уже была вне Земли. Нонсенс, не правда ли? Вот поэтому-то мне и представляется целесообразным время действия в этих двух повестях сдвинуть на год назад — в 2087 (и 7 лет, а не 8), а в «Острове...» — на год вперед, в 2089 (конец 3-го класса, а не 2-го). При таких перестановках никаких накладок во времени не происходит. Кроме того, здравый смысл подсказывает, что даже в XXI веке каникулы в школе не могут начинаться 8 марта. Громозеке следовало бы датировать автограф 8 мая или, в крайнем случае, апреля.

Идем дальше. «Второгодники»: действие происходит зимой-весной во время учебы Алисы в 3-м классе, т. е. в 2088/89 году. Стоило бы, вероятно, в «Острове...» на стр. 30 после слов: «...имеешь премии по алгебре и биологии» — добавить что-нибудь вроде: «...несмотря на неприятную историю, случившуюся прошлой зимой».

«День рождения Алисы»: осень 2089 года, т. к. Алисе «через неделю будет 10». Кстати, именно отсюда берем день и месяц рождения. «Лиловый шар»: Алисе 10 лет, зимние каникулы, следовательно — 2089/90 год.

Дальше по хронологии должны идти «Пленники астероида»: июнь (ст. 331 кишиневского сборника) 2090 года, Алисе должно быть 10 лет. Правда, в тексте — 11 (стр. 349) и, значит, можно допустить, что это 2091 год, однако этот вариант отпадает. Вот почему: в таком случае единственный кандидат на лето 2090 года — «Миллион приключений», но Алиса говорит в «Пленниках», что еще ни разу не была на Плутоне (ст. 334), а в «Миллионе приключений» биологи летят на каникулы через Плутон; следовательно, «Пленники» хронологически идут раньше.

«Сто лет тому вперед»: апрель (в XXI веке), но не 2082, как в тексте, а 2091, т. к. Алисе 11 лет (стр. 158 кишиневского сборника). Затем следует «Миллион приключений»: действие происходит весной-летом 2091 года (почему — разобрались выше).

«Новые приключения Алисы». В книге также много неясного. По всем признакам, повесть «Конец Атлантиды» должна находиться на первом месте, а не на втором. Собственно, самой первой повестью «новых приключений» являются «Узники «Ямагири-Мару», опубликованные в «Юном технике»: в ней Алиса и Пашка отправляются на Тихий океан на практику после 6-го класса (2092 год). Затем сразу же долж-

на идти повесть «Конец Атлантиды»: действие происходит там же, у батискафа только что починен сломанный в «Узниках» манипулятор (стр. 180). И только после этого могут происходить события, описанные в повестях «Гай-До» и «Город без памяти». «Гай-До»: до начала гонок 1 месяц, гонки — 2 августа, итог — июль; «Город без памяти» — вообще накануне осени. В последующих изданиях следовало бы поменять местами первые две повести и дату (стр. 255): 2092 вместо 2088. Кроме того, в прологе к «Городу без памяти» в словах Полоскова: «прошло пять лет, как мы летали с Алисой на «Пегасе» (стр. 292) — заменить «пять лет» на «четыре года».

А теперь выстраиваем все повести в хронологической последовательности:

1. Девочка, с которой ничего не случится: 2083—2086.
2. Заповедник сказок: весна 2087.
3. Козлик Иван Иванович: весна 2087.
4. Путешествие Алисы: лето 2088.
5. Второгодники: осень 2088 — весна 2089.
6. Остров ржавого лейтенанта: июнь 2089.
7. День рождения Алисы: осень 2089.
8. Лиловый шар: зима 2089/90.
9. Пленники астероида: июль 2090.
10. Сто лет тому вперед: апрель 2091.
11. Миллион приключений: весна-лето 2091.
12. Узники «Ямагири-Мару»: весна 2092.
13. Конец Атлантиды: весна 2092.
14. Гай-До: июль 2092.
15. Город без памяти: август 2092.

Что касается источников, то я пользовался следующими книгами: «Девочка из будущего» (Кишинев: Лумина, 1984), «Миллион приключений» (М.: Дет. лит., 1987), «Новые приключения Алисы» (М.: Дет. лит., 1990), «Непоседа» (М.: Московский рабочий, 1985). Повесть «Путешествие Алисы» я переписал от руки, когда учился в 5-м классе, из книги «Девочка с Земли» — не помню, какого года выпуска.

Андрей БУСЫГИН, учащийся
строительного техникума,
г. Пермь

СКОРО БУДЕТ ВЕСНА

В следующем, по-видимому, номере мы подытожим читательские оценки произведений, составивших нашу прошлогоднюю подборку фантастики — «Аэлиту»-90. Кое-кто из читателей (очень немногие, надо сказать), не ограничившись выставлением баллов, прокомментировали их. Мы искренне признательны вам, друзья, за этот комментарий, помогающий лучше понять вкусы и требования — с тем, чтобы в будущем не упускать их из виду. Правда, подчас эти реплики-пояснения настолько лаконичны, что, в общем-то, ничего не поясняют — особенно, разумеется, в случае негативной оценки... Но тем приятнее было встретить в потоке писем развернутый анализ прочитанного.

«Уральский следопыт» (1990, № 12) предложил читателям горсточку сверкающих самоцветов — пять рассказов «участников семинара Б. Стругацкого. Эстетическая добротность их гарантирована именем руководителя семинара. Но главное — каждый из пяти побуждает к непростым размышлениям. Наиболее многоплановым мне показался рассказ Андрея Карапетяна «Скоро будет весна»; мыслями, рожденными им, я и хочу поделиться.

Композиционно рассказ напоминает «Тропою ложных солнц» Дж. Лондона: перед нами как бы «кусочек жизни», нет начала, нет конца... Фабула перекликается с гаррионовской «Неукротимой планетой». Эти сопоставления — не в укор автору, наоборот, они будят воспоминания о ранее прочитанных прекрасных вещах, а это тоже плюс.

Аспект 1-й, социально-исторический. Как возникла колония людей на Планете? Захват фрагмента Земли, подобно описанному в «Робинзонах Космоса» Ф. Карсака, чудесно фантастичен. Вернее считать железный город результатом переселения. В рассказе не упоминается ни

о каком начальстве, ни о какой-либо руководящей идеологии. Нет инженеров («...Схемки... летят одна за другой — и не понять, главное, почему»), нет астрономов («...Четыре солнца пишут чертovsky кренделя вокруг одной поганой планетки...»), нет учителей — Долговязый явно не профессионал и, похоже, один на весь город. Во главе города — рабочие высшей квалификации (Отец, Хромой, диспетчер), чистые практики. К ним идут не за распоряжениями, а за советом («Мужик спрашивал отца про командные блоки или безволновые элементы...»). Дети не слышат политических разговоров, а только о технике, о борьбе за выживание. Писаной истории, похоже, нет, — предания, воспоминания, среди которых ни слова о войнах и революциях. Быть может, группа землян, граждан некоего государства, рабочих высшей квалификации, уставших от политиканства, пустой болтовни, идеологического словоблудия, захватила звездолеты и ушла в глубины Вселенной строить жизнь, свободную от высоких материй и глубоких теорий. Интеллигентов не взяли: спесивых неумех-полузнаек презирали практики-умельцы...

Тяжела и опасна жизнь в пещерах Планеты. Сказывается узкий практицизм, «схемки летят», тают запасы, взятые с Земли... Складывается зачаток идеологии — концепции выживания «только железных людей»... Но подрастают новые умельцы (Штырь), более пытливые... И тепло человеческое не угасло в «железных людях» — заботится о пище и уюте ворчунья Стружиха, девочка Тень плачет от жалости и любви... Откуда взялась колония? Выжили ли? — Нет ответа... «Кусочек жизни»...

Аспект 2-й, астрономический. Из намеков и указаний, которых немало в рассказе, складывается гипотетическая модель Системы. Центральное тело — Черное Солнце (ЧС). Это остывающая звезда, еще способная согревать. Орбита Планеты — очень вытянутый эллипс (как у кометы Галлея). Перигелий довольно близок к затвердевающему светилу: «...Горой стояло... черное солнце, тусклое... в вихрях и багровых трещинах». (Здесь и далее выделено мною. — В. Ч.). Период обращения Планеты непостоянен, но не менее лет 70-ти земных: предыдущую весну вспоминал дед Тени и ее братьев. Вокруг ЧС обращается Синее Солнце (СС), разумеется, по эллипсу, о котором можно лишь сказать, что одна из его полуосей близка к половине большой полуоси орбиты Планеты. Это видно из того, что появление СС совпадает с усилением холодов, т. е. когда Планета достаточно удалась от ЧС, оно еще

«громадное», но греет уже плохо. Желтое Солнце (ЖС) — также звезда-спутник ЧС, какая-то полуось его орбиты составляет около 3/4 большой полуоси орбиты Планеты, Орбита Красного Солнца (КС), периферийного спутника ЧС, такова, что примерно совпадает с афелием Планеты. Орбиты ЖС и КС, по-видимому, подобны, и оба светила движутся по ним, не очень удаляясь друг от друга. Вспомним: «...Весна... была-то..., когда сошлись в небе три солнца: синее, желтое и красное, а черное упором как раз подальше» (галлеевский эллипс!). Весна, таким образом, приходится на участок орбиты Планеты после ее пересечения с орбитой СС, на подходе к орбитам ЖС и КС. Когда же Планета приближается к афелию, в небе начинают господствовать ЖС и КС, наступает раскаленное лето. Кроме того, орбита Планеты прецессирует с такой скоростью, что большую часть «года» Планета, проходя близкие к афелию части орбиты, находится в соседстве с ЖС и КС. И вот это-то соседство сильнейшим образом возмущает орбиту Планеты, искажает эллипс. КС и ЖС могут увлечь Планету на какое-то время и породить «долгое, на четыре поколения, лето без весны и осени». Ну, насчет «без весны и осени» учитель приукрасил, он пользуется легендами, ему очень хочется обосновать свое мнение о неперIODичности законов. Но это уже не астрономия, это...

Аспект 3-й, философский. Мы видим зарождение новой идеологии и борьбы идеологий. То, от чего хотели уйти, покидая Землю, колонисты-рабочие, возникает снова, ибо идеология — неминуемое следствие работы человеческой мысли, стремящейся восполнить недостаток информации, рожденной наблюдением и экспериментом, — путем мифотворчества. Учитель, неуравновешенный пессимист, творит миф-догму о том, что «четыре солнца и одна планета не должны следовать периодическим законам». Этим он как бы диктует законы светилам и стремится сдерживать пыливость детей, поскольку неперIODические законы не могут быть познаны. Учителю невдомек, что бессмысленно само словосочетание «неперIODический закон». Но он упрям, его сверхзадача — воспитать «железных людей», чему помехой излишняя любознательность. Мифотворчеством выглядит схоластическая гипотеза о драконах и личинках (типа «что было раньше — курица или яйцо?»), для действительного изучения которых нет ни сил, ни способностей. Мифом о неперIODичности учитель пытается сгладить и свой внутренний конфликт между естественным стремлением

познавать и ощущением интеллектуальной слабости.

Учителя осуждает Хромой, усталый, но смелый и активный практик. Он спокоеен перед неопознанным, готов к худшему и борьбе. «...Хромой не верил ничему на этой планете». Так зарождается агностицизм и скептицизм.

Носитель диалектического разума, оптимист Отец приводит великолепные доводы: «Тут и живности бы никакой не было... Тут все повторяется, повторяется!»; «...Если был бы хоть один непериодический закон — у нас бы ни одна машина не работала бы. Все повторяется, — улыбался отец, — только по-другому немножко...»

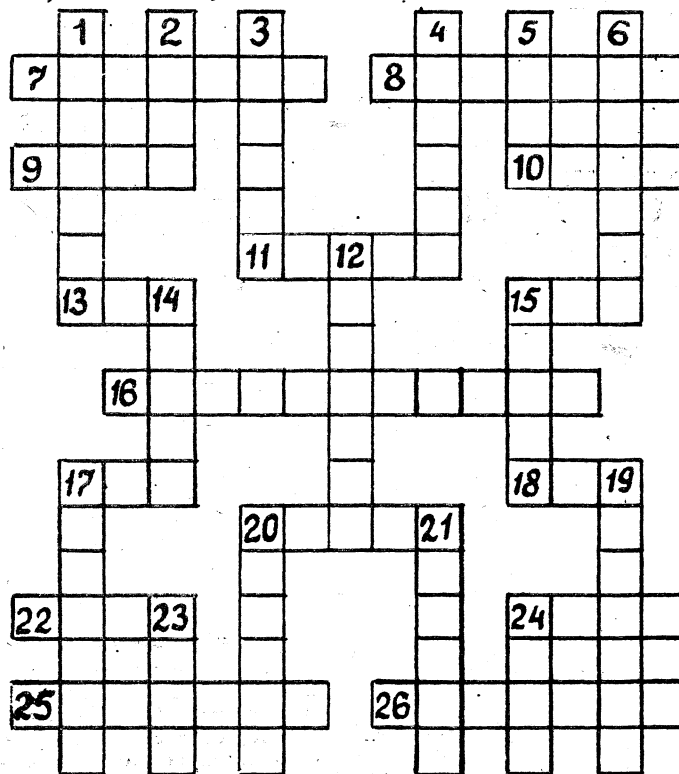
Да, в Природе нет непериодических процессов, только периоды многих так велики, что человечество еще не успело увидеть повторение, да и это повторение не может быть точной копией предыдущего. Каждая траектория, орбита, каждый процесс, даже самые замысловатые, могут быть выражены суммой гармонических, синусоидальных колебаний различной амплитуды, частоты и фазы. Число этих слагаемых бесконечно велико — все процессы в Мироздании взаимосвязаны. Вид траектории, ход процесса определяются слагаемыми с относительно большими амплитудами. Их может быть немного. Слабое же влияние бесконечного количества остальных как раз и приводит к неточному повторению периодических состояний. «По-другому немножко». Ошибочно полагать, что развитие человечества есть результат сложения периодических процессов с неким только возрастающим слагаемым. Эта кажущаяся монотонность — успокоительная иллюзия: растущее слагаемое, несомненно, всего лишь восходящая ветвь синусоиды, период которой превосходит время, до сих пор прожитое человечеством. Нисходящая ветвь неизбежна. Это понимает трезвый оптимист Отец, говоря, что «...надо будет готовиться к лету..., потому что лето будет почище зимы, ...и вряд ли вы доживете до осени, да и неизвестно, какая она будет, эта осень, но, видимо, все-таки лучше, чем лето и зима».

Законы Космоса неподвластны человеку, неотвратимы жестокие катализмы. Только непрерывная деятельность — единственная надежда! — способна поддерживать неустойчивое равновесие маленькой колонии «железных людей»...

Надеюсь вместе с автором, что недаром ужесточились холода, что будут раздавлены невероятно цепкие, но безголовые гадины, что скоро будет весна!

В. ЧИСТЯКОВ,
г. Каменск-Уральский

КРОССВОРД

Начиная в этом выпуске «Аэлиты» публикацию новой повести Владислава Крапивина, мы сочли уместным поместить здесь же кроссворд, составленный по его фантастическим произведениям.

Автор его — Валерий Ганин, наш читатель из г. Кушвы.

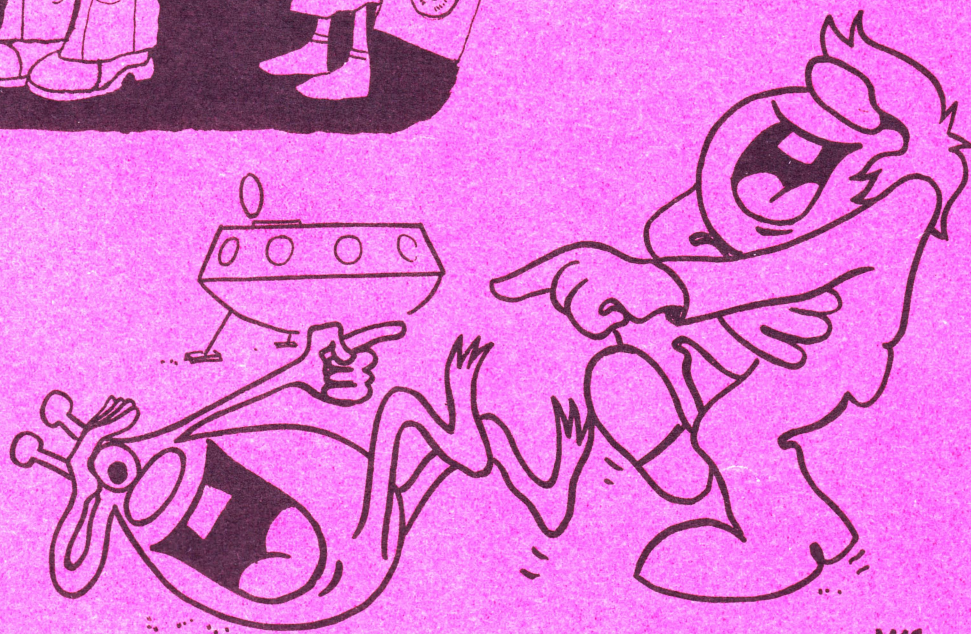
ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

7. Кличка Вовчика — темноволосого мальчика в синей майке. 8. Музыкальный инструмент, прошедший вместе с хозяином волшебную трансформацию. 9. Название планеты, на которой были найдены остатки цивилизации. 10. Бармен в «У Нептуна за пазухой». 11. Ректор школы в Консате. 13. Фамилия торговца клеем, красками и мороженым. 15. Хозяин «Колеса». 16. Владелец коричневого балахона и треугольной шапки с номером. 17. Один из обитателей горной крепости. 18. Сокращенное имя Цезаря Лота. 20. Штурман «Магеллана». 22. Один из компонентов разрывного снаряда. 24. Сущность Георгия Лангустовича. 25. Тип корабля, уничтоженного Галиеном Тукком. 26. Способ перемещения с одной грани кристалла на другую.

гуси». 3. Форма пространства-времени, нужная «манекенам». 4. Человек, способный прочесть записанное в знаке совершеннолетия. 5. Штаб-квартира ржавых ведьм. 6. Первый человек, пробившийся через туннель на Якорное Поле. 12. Марка марсианского шагающего вездехода. 14. Кличка одного вредного семиклассника с улицы Речного Флота. 15. Город, которого нет на картах станции Старые Горы. 17. Испорченный аппарат, используемый Фадейкой для связи с друзьями. 19. Сигнальный музыкальный инструмент, служащий для созыва Пограничников. 20. Второй штурман СКДР-9. 21. Судно лейтенанта Новосильцева. 23. Подруга единственного юноши острова Двид. 24. Имя литератора Дикого.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Одно из имен журналиста Вяткина на Планете. 2. Место рождения основателя группы «Белые

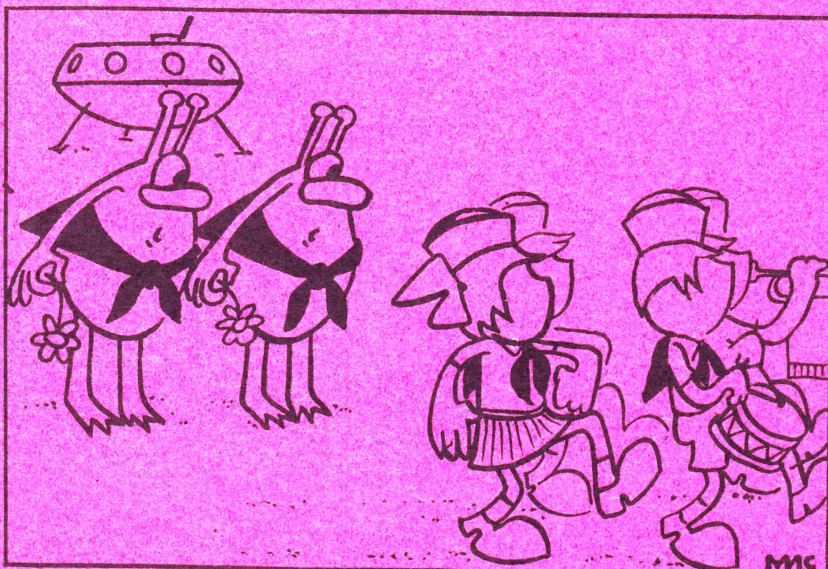

МС

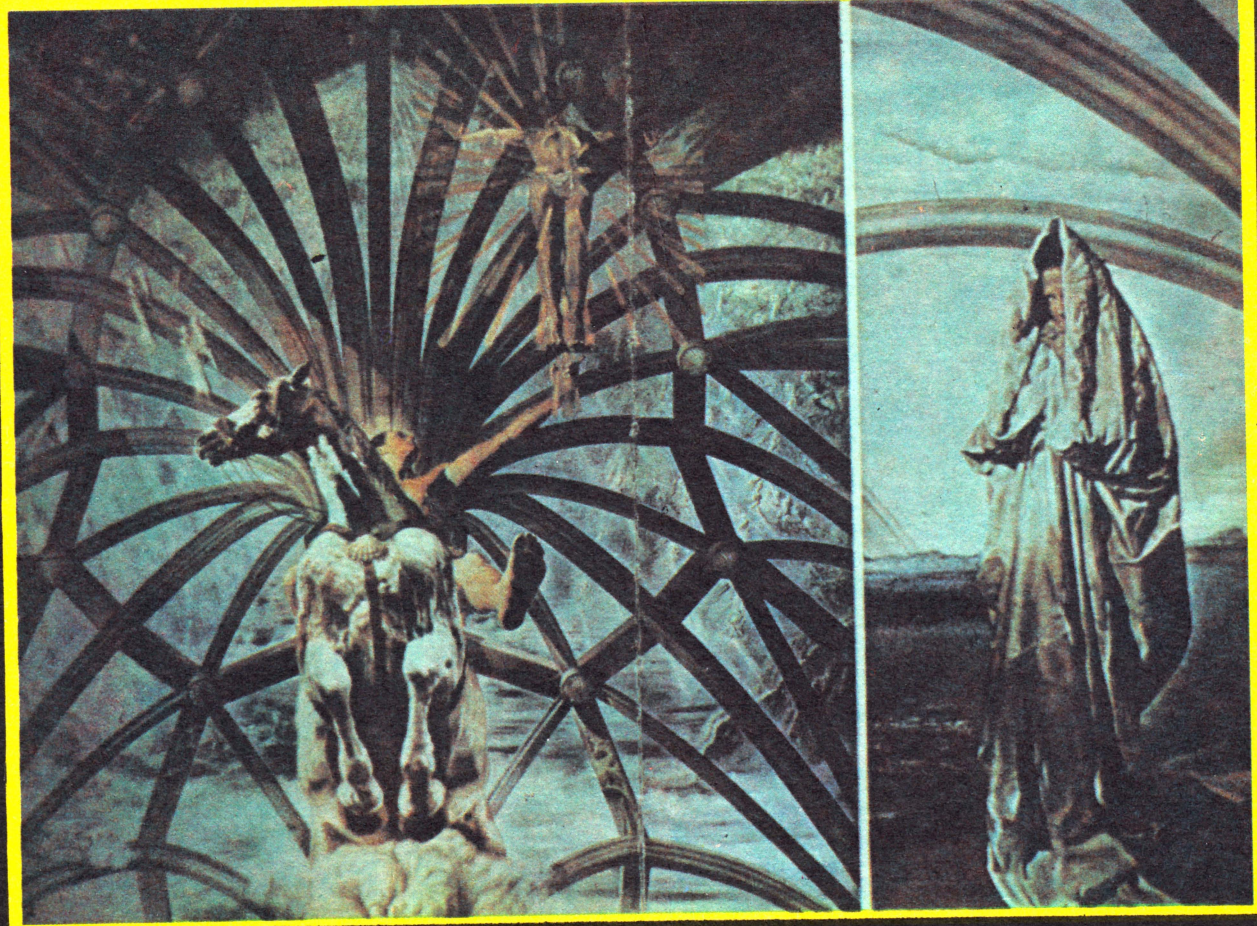

Рисунки С. Ашмарина

Рисунки Михаила Слобожанина

МС

Работы Сальвадора Дали

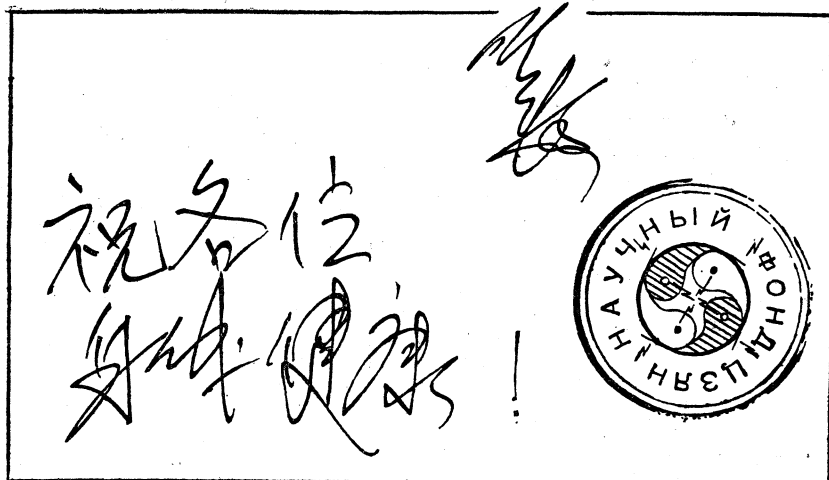
ОТВЕТ ЦЕЛИТЕЛЯ ЦЗЯНА

После опубликования на страницах журнала «Уральский следопыт» моего интервью к нам в клинику иглотерапии (г. Хабаровск, ул. Павловича, 26) и в редакцию, как мне сообщили, пришло тоже много писем, и к тому же сами люди приехали на Дальний Восток из разных мест страны.

Сколько есть сил, мы помогаем страдальцам, но очередь больных не уменьшается... Где выход? В умножении числа моих учеников.

Чтобы обучить врачей моей методике, нужна организация этого дела. Создан научный фонд «Цзян», на базе которого мы и будем учить врачей. Этим мы сейчас и занимаемся, не жалея сил, понимая, что не имеем права лишать тысяч людей последней надежды.

С уважением, Ю. В. Цзян Каньчжев

Эти иероглифы — пожелание доктора Цзяна по-китайски читателям журнала «Уральский следопыт» доброго здоровья и жизненных успехов.

Научный фонд «Цзян» приглашает к сотрудничеству

Научный фонд «Цзян» — общественная организация, созданная для развития работ по биосвязи... Необходимость проведения работ по этой проблеме обоснована семинаром, организованным СО АН СССР, АМН СССР, ВАСХНИЛ.

В основе идеи биосвязи — работы доктора Цзяна Каньчжена, выявившие связь молекул между собой через сверхвысокочастотное (СВЧ) электромагнитное поле, являющееся единым материальным носителем энергии и биологической информации и обеспечивающее их передачу и превращения.

Выявленная закономерность не только открывает возможность глубокого познания сущности живого, но позволяет широко развивать прикладные исследования: направленное изменение наследственных признаков растений и животных, и также микроорганизмов, широко использовать метод управления биоСВЧ в медицине для профилактики и диагностики заболеваний, для лечения онкологических заболеваний, аллергических, наследственных болезней, для решения проблем геронтологии, отторжения органов при трансплантации.

Уже сейчас использование метода управления биоСВЧ дает практический результат: кустистая кукуруза, выращенная из семян, облученных биополем пшеницы, дает тройной выход зеленой массы с гектара и двойной урожай зерна.

Для развития работ Научный фонд «Цзян» приглашает спонсоров как в нашей стране, так и за рубежом. Спонсорам будет оказана первоочередная помощь в практическом использовании управления биоСВЧ в медицине, сельском хозяйстве, а также в области китайской медицины.

Возможно сотрудничество, включая создание предприятий, учреждений, организаций при Научном фонде «Цзян», которым фонд окажет методическую помощь, а также в подготовке кадров.

Наш адрес: 680000, г. Хабаровск, ул. К. Маркса, 33.
Телефон: 33-24-21, 39-06-69.

ПОЛИЦЕЙСКАЯ ШАПКА

Неприметны и как будто незначительны краткие примечания к «Повестям покойного Ивана Петровича Белкина», но в них, оказывается, ключ к шифру. Повесть «Выстрел», читаем, рассказана «подполковником И. Л. П.» Что бы это значило? Белкина зовут Иван Петрович. Выходит, И. П. Б. Возможно, инициалы надо расположить так: И. П. Л. Получится — Иван Петрович Л.

В известных «Воспоминаниях» чиновника Ф. Ф. Вигеля, знакомого Пушкина, говорится о некоем «Л» — «Л». Не том ли, кого мы ищем? «Это я, — оповестил в книге «Замечания на «Воспоминания» Ф. Ф. Вигеля» генерал-

майор Иван Петрович Липранди. — Зная меня тайны тут нет».

Итак, И. Л. П. — реальный подполковник, служивший в Кишиневе и вышедший в отставку на глазах приехавшего сюда в ссылку Пушкина. Инициалы намеренно переставлены и спрятаны среди инициалов заведомо несуществующих рассказчиков других повестей. Причем повести расположены в примечаниях иначе, чем в оглавлении и тексте, — беспорядочно: за четвертой, выдвинутой вперед, следует первая — «Выстрел», затем третья, вторая и пятая. Пушкин не хотел, чтобы Липранди предъявил к нему претензии. А тот делал вид, что повесть к нему не относится.

Какое место занимает он в произведении? Если верить примечанию, он выведен в облике армейского офицера, рассказывающего о виденном и слышанном. Повествователь дважды предоставляет слово тем, о ком ведет речь, — приятелю Сильвио, набивающему руку в стрельбе из пистолета, а потом — своему деревенскому соседу, графу, которому грозит пуля Сильвио. Однако никаких точек соприкосновения с Липранди у него нет. Это очередная предосторожность писателя. Армейский офицер заслоняет собой списанное с натуры лицо. Не он, сторонний наблюдатель без каких-либо примет, а колоритно обрисованный никчемный буян Сильвио, главный персонаж, — литературный двойник подполковника. Пушкинисты в этом не сомневаются!

Оба по происхождению итальянцы и очень похожи. Вот утрированный портрет Сильвио: «Мрачная бледность, сверкающие глаза и густой дым, выходящий изо рта, придавали ему вид настоящего дьявола». Вылитый Липранди, который тоже «всегда был мрачен», «казался страшен», как отметил мемуарист Вигель.

Сильвио — в отставке, но окружен офицерами. Достоверный штрих! Липранди собирал у себя военную молодежь, вспоминает романист А. Ф. Вельтман, также служивший в Кишиневе. Пили, играли в карты. Как в «Выстреле»!

В повести возникает вопрос, на какие средства широко живет, льет шампанское Сильвио? «Никто не знал ни его состояния, ни его доходов и никто не осмеливался (!) о том его спрашивать». Действительно, какие у него доходы? За дуэль он отставлен, видимо, без пенсии.

Ответ подсказан детально, не менее красноречивой, чем Полицейский мост в «Истории села Горюхина». Там, у существующего поныне, но переименованного моста, находившегося возле дома петербургского полицмейстера, Белкин потерял след персонажа-инициала Б. — литератора-доносчика Булгарина, жившего, притом, рядом. Полицейский мост отчетливо характеризует Б.

Есть такой же многозначительный знак и в «Выст-

реле». «Сильвио вынул из картонки (коробки.— *М. И.*) красную шапку с золотой кистью с галуном (то, что французы называют *bonnet de police*²); он ее надел; она была прострелена на вершок ото лба». Не был ли бывший гусар, подобно Булгаину, связан с полицией? Приглядимся повнимательнее к шапке. Прежде всего, надо разузнать, где служил Сильвио, пока его не выгнали за буйство из армии. Мундиры и шапки гусар были не одинаковы. «...Я перепил славного Б***, воспетого Д. Д.-м», — хвастается он. Б*** — Бурцев, реальное лицо, о котором писал в стихах Денис Давыдов.

Оказывается, Бурцев служил вместе с Сильвио в Белорусском гусарском полку³. Рядовые кавалерийских русских полков носили суконные «фуражные шапки», вроде современных «петушков», переломленные вверху так, что их конусообразная часть с кисточкой свисала справа. Цвет тульи соответствовал цвету мундира, околыша — цвету воротника. У гусар Белорусского полка был синий мундир с красным воротником. Значит «фуражная шапка» была двухцветной — сине-красной.

Шапка Сильвио красная. Более того, он имел чин офицера, и ему полагалась «шляпа» — треуголка, вроде наполеоновской. На службе офицеры Белорусского полка надевали кивера — высокие фуражки с султаном, притом черные.

Значит шапка Сильвио — ни то, ни другое. Не русская гусарская, а, действительно, полицейская, которую носили стражи порядка во французской кавалерии в 1815—1821 годах, когда разворачивается сюжет «Выстрела». Она у них была красной!

Эта шапка играет в повести заметную роль. Сильвио бросает ее на пол и топчет, невольно показывая, что именно она заставляет его действовать. Он ходит «по комнате, как тигр по своей клетке».

«Как тигр» — емкое сравнение. У Радищева в «Путешествии из Петербурга в Москву» Петербург — «жилище тигров». Этим «тиграм» доставляет удовольствие «томить слабого до издыхания и рабоблестывать власти». Поэтрадищевец Востоков бичевал «тигров, к крови падких». В девятом томе «Истории государства Российского» Карамзин честит Ивана Грозного: «...тигр, упившийся кровью...»

Таков Сильвио. К нему, видимо, пристала обиходная обличительная метафора. Пушкин называет Робеспьера, воплощающего неоправданно жестокий террор, «сентиментальным тигром». И Сильвио тоже все боится. Он ужасен. На него глядят «с ужасом».

Подобно зверю, преследующему добычу, он неожиданно подкрадывается к графу, чтобы застать врасплох. На голове у него «фуражка» (Пушкин нарочно путает французскую полицейскую шапку с русской гусарской фуражкой, чтобы его намек не был чересчур явным). Сильвио бросает в ней жребий, кому стрелять первому, чтобы обелить себя. Разыгрывает по-новому процедуру дуэли, сомнительные мотивы которой стали еще сомнительней за давностью лет. Наконец демонстрирует свой головной убор непрошеному свидетелю — перепуганной жене графа — со словами: «...прострелил мне вот эту фуражку...» Хочет свалить с себя вину, но делает очевидным, что суть его преследований — в полицейской шапке.

Сильвио говорит, что носил ее в молодости, будучи гусаром. Между тем, ссора с графом произошла не так давно, чтобы он успел состариться, да Сильвио и не стар. Отставной гусар вводит в заблуждение, тем более, что Липранди не был гусаром. Оба — полицейские агенты.

«Фуражка» указывает на прототипа, который, находясь во Франции после победы русской армии над Наполеоном, вылавливал там республиканцев. «В 1815 году, когда я, — вспоминал Липранди, — остался при кавалерии

князя Воронцова во Франции, его светлость поручил мне наблюдение за... обществом под названием Булавки, что поставило меня в сношение с французским начальником высшей тайной полиции в Арденнах и Шампани...»

Мемуарист и соглядатай того же Воронцова Вигель, который познакомился с Липранди еще в Париже, а позже служил с ним вместе в министерстве внутренних дел, сообщает, что тот угощал начальника уголовной парижской полиции Видока, бывшего каторжника, и просто бандитов — с целью выведать «всю подноготную, все таинства Парижа...»

Так же, заметим, Липранди и Сильвио угощали молodeжь в Кишиневе. В мундире офицера и без него, смотря по обстоятельствам, подполковник продолжал заниматься тем же, следуя по пятам за Пушкиным, декабристами и греческими патриотами. Владелец экземпляра книги «Замечания на «Воспоминания» Ф. Ф. Вигеля. Из дневных записок И. П. Липранди», хранящегося в Государственной публичной исторической библиотеке, приписал старческой рукой на титульном листе к слову: «Ф. Ф. Вигеля» — «шпiона», а к слову: «И. П. Липранди» — «обершпiона»! Не гнушающийся ничем прихвостень царизма уничтожающе обрисован в «Выстреле»: «Пистолет у него торчал из бокового кармана».

В полной мере Пушкин понял, с кем имел дело, на юге, когда его перевели из Одессы под надзор в Михайловское. Он получил сообщение из Бессарабии от приятеля, что Липранди «живет здесь (в Кишиневе.— *М. И.*) довольно открыто, и как другой Калиостро, бог знает, откуда берет деньги».

В повести «Выстрел» нашел отклик конец фразы.

В письме Пушкину 1827 года тот же приятель, чинский С. Н. Алексеев, называет Липранди «подлецом» за донос полиции о дуэли. Хотя доносчик был секундантом, он, в отличие от других участников поединка, к дознанию не привлекался.

Еще одно письмо связывает разоблачение Липранди с Алексеевым. 26 декабря 1830 года поэт просил последнего написать «о тех местах, где ты скачешь, но которые остались милы моему воображению (намек на изображение в повести.— *М. И.*)...об Липранди, словом обо всех близких моему воспоминанию... — добавлял он, предупредая какие бы то ни было аналогии. — Пребывание в Бессарабии доселе не оставило никаких следов — ни поэтических, ни прозаических. Дай срок — надеюсь, когда-нибудь ты увидишь, что ничто мною не забыто».

Прозаический «Выстрел» создан в октябре 1830-го, т. е. раньше письма. Пушкин не хотел сказать открыто, кого и что вспомнил в повести. Полагался на догадливость читателей.

Однако в финале «Выстрела» Сильвио уходит от своего прототипа, продолжавшего идти дорогой прислужничества и подлости. Жена помешала убить мужа, Сильвио потерпел фиаско. В нем происходит перелом, подробно исследованный позднее, на фоне новой эпохи, Максимом Горьким в эпопее «Жизнь Климата Самгина». Провокатор превращается там в мстителя-террориста и в отчаянии дает себя убить.

Такой же путь избирает Сильвио. Уезжает из России и присоединяется к греческим повстанцам. Он кладет голову в битве за свободу при Скулянах, неподалеку от Кишинева на берегу Прута. Греки дали здесь последний бой вдвое превосходящим их войскам турок.

В повести есть неопровержимое доказательство того, что Сильвио — Липранди. Тот, между прочим, тоже просился воевать в Грецию. «Выстрел» «рассказан» написан в 1830-м. «Пять лет тому назад», т. е. в 1825 году, Сильвио было «около тридцати пяти лет». Он родился в том же, 1790 году, что и Липранди.

Разоблачая Сильвио, Пушкин разоблачал царского агента И. Л. П.

На снимках: И. П. Липранди; французская полицейская кавалерийская шапка.

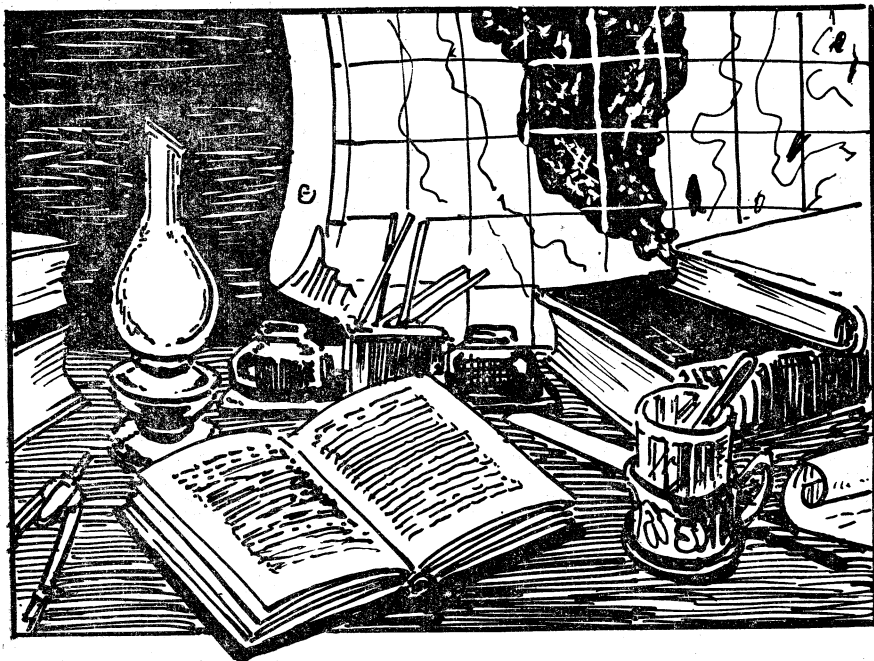
² Полицейской шапкой

³ См. «Лит. Россия», 17 мая 1974 г., с. 16.

Мargarита
ПОЛЯКОВСКАЯ

Рисунки
Игоря Кожевникова

Как мудр был УЧИТЕЛЬ...

Прозрачным сентябрьским утром 1920 года по ступеням златоустовской школы второй ступени взбежал невысокий худощавый молодой человек лет двадцати семи — это был новый заведующий... Тридцать — сорок лет спустя его имя станет широко известно в ученом мире. Слава его как профессора-эрудита, оригинально мыслящего ученого выйдет за пределы нашей страны. О нем будут писать исследователи США, Франции, Германии, Японии, Болгарии, Югославии... Ученым он будет известен как специалист по истории Византии, чья концепция до сих пор вызывает отклики у ученых разных

стран. Но все это будет позднее. А в то утро у него было впереди семнадцать лет работы в школе, из них девять — в Златоусте.

Имя этого человека — Михаил Яковлевич Сюзюмов.

Молодость Сюзюмова прошла в Юрьеве (Тарту). С золотой медалью выпускник гимназии поступил на историко-филологический факультет Юрьевского (бывшего Дерптского) университета. Две его студенческие работы публикуются в широко известном сборнике. Он прекрасно знает греческий и латинский, современные европейские языки; немецкий — язык его молодости (в сту-

денческие годы он жил в немецкой семье), его книги помечены на полях темпераментной готической вязью. Впереди у него — магистерская диссертация...

Октябрьская революция круто меняет судьбу. Вместе с отцом и братом Михаил Сюзюмов служит в четвертой Петроградской дивизии Красной Армии; затем — восточный фронт, тяжелый тиф... Больного его снимают с поезда в Златоусте. Так с июня 1920-го и до последнего дня жизнь М. Я. Сюзюмова оказывается связанной с Уралом.

Такие люди, как Михаил Яковлевич Сюзюмов, могли проявить себя именно в начале двадцатых годов. Это было яркое время, когда принявшая революцию часть интеллигенции стремилась отдать себя общему делу — созданию цивилизации нового типа. Творческий поиск, самоотдача, вера в великую миссию молодой республики характерны для тех дней и тех людей.

Была ли у Сюзюмова какая-либо педагогическая система? Один из его златоустовских выпускников Д. Штейнберг заметил, что Сюзюмов, «подобно Макаренку, был ярым врагом формализма, проникнут духом доброжелательности и уважения к школьникам, он был проводником и примером высокой культуры и образованности».

Признавая Макаренку талантливой личностью, усомнимся все же, истины ради, в правомерности этой параллели. В основе педагогической системы Сюзюмова лежала идея воспитания независимой мыслящей личности. Он всегда настроенно относился к крайним формам коллективизма, полагая, что человек может исчезнуть в толпе, стать лишь ее частичкой. Как и в природе — отдавая предпочтение парковым формам, а не диким зарослям, — так и в обществе Сюзюмов предпочитал интеллект, организованность и эстетические ценности — «дремучести» и «дикости».

Контингент школы был непростым: школа создавалась на основе нескольких учебных заведений. В нее пришли вчерашние гимназисты и гимназистки, учащиеся реального и коммерческих училищ, съехались продолжать образование ученики из окрестных поселков, пришли с заводов. Учились вместе и двенадцатилетние, и те, кому было за двадцать.

Сюзюмов начал работу с создания, вместе со старшекласниками, Конституции школы. Сначала гимназисты возмутились излишней демократизацией, был даже бунт с криками «Долой Сюзюмова!» Но довольно скоро новый директор всех склонил на свою сторону. По Конституции школа имитировала республику. Выборный комитет был очень влиятелен, его председатель входил

в совет учителей. Ни один вопрос не рассматривался без школьников. А вот с родителями директор предпочитал не встречаться — он считал своих подопечных самостоятельными людьми. В школе были и второгодники, и даже в выпускном классе, но не было случая, чтобы они, поступая в институт, показали бы слабые знания.

В школьный комитет входили отделы, «заправляющие» культурными и прочими вопросами, имелся даже свой статотдел, проводивший анкетирование, причем анонимное — своего рода социологические исследования; был школьный суд — с прокурорами и адвокатами...

Особая забота любого директора — возмутители спокойствия, «труд-

нули лишь в незначительной степени. Никакой особой системы директор тоже не создал. Он был просто чуток и дальновиден — и в отношении того, что было под рукой, и к тому, что считалось необязательным, но оказывалось хорошим подспорьем. Нужна наглядность в обучении? — пожалуйста, оформлены предметные кабинеты, даже астрономическая вышка поднялась над школой. Край знаменит промыслом — гравюрой по металлу; а почему бы не использовать уроки рисования для овладения азами этой техники?..

Сам Сюзюмов преподавал историю. Историком он был по природе своей, как говорят, от Бога. Он не «препарировал» прошлое, не сводил только к социологическим схемам — производительные силы, производственные отношения и пр. (хотя считал себя знатоком Маркса,

зайство близ г. Пензы, мой отец Яков обучался в Пензенском училище, затем окончил Ветеринарный институт в г. Юрьеве...» Для многих эта автобиография казалась чудачеством. Но все проще: ее писал историк по призванию.

Весь метод Сюзюмова — в том, что в программу обучения была заложена истинная образованность. Д. Штейнберг вспоминает, как он после нескольких лет домашнего воспитания впервые появился в школу и попал... на урок латинского языка. Уроки латинского, правда, продолжались недолго. Однако два обязательных в этой школе языка — немецкий и французский — заведующему удалось сохранить, выдержав длительную борьбу с местными руководителями наробраза: Вот так же невзирая на косые взгляды чиновников из города он опекал школьный

ные» ученики, только Сюзюмов не применял этот термин. Как истинный педагог, он понимал, что многие школярские выходки совершаются не по преступным намерениям, а от избытка энергии и живости ума. Особенно «славились» своими подвигами два отчаянных мальчишки — Горка и Дорка, — директор дважды их исключал из школы на непродолжительный срок. Позднее эти энергичные натуры нашли жизненное применение: Горка — Г. Юрин — стал вице-адмиралом, а Дорка — Д. Виноградов — работником Совета Министров СССР. Оглядываясь назад, они не раз вспоминали, как мудр был их Учитель.

«Модные» в те годы поиски новых путей работы с учащимися (иллюстративный, трудовой, бригадно-лабораторный методы, Далтон-план) золотоустовскую школу затро-

читал его только по-немецки, полагая, что в русском переводе много неточностей и искажений). Талант историка — в том, чтобы видеть связь времен, чтобы усмотреть в ошибках настоящего «невостребованный» опыт прошлого. То, что было, — частичка того, что Есть, и наоборот. Подтверждением служит автобиография, написанная самим Сюзюмовым для отдела кадров: «Мое происхождение: мои предки, как выселенцы из Великого Новгорода, охраняли южные границы Русского государства, в XVI—XVII в.в. служили в Троицком остроге. Один из моих предков, Овдей, был казнен во время выступления Разина. В 1671 году его сыновья были переселены в Пензу и поверстаны в казаки. В XVIII веке переведены на положение государственных крестьян. Мой дед Адриан имел подгородное крестьянское хо-

хор и сам обучал учеников вальсу и мазурке на танцевальных вечерах...

Ставились в школе и классические спектакли — «Недоросль», «Горе от ума». К новому году всегда готовилась оперетта — либретто писали сами, на школьном материале. По воспоминаниям Б. Соколова, тоже его ученика, Михаил Яковлевич «подбирал учеников, способных писать сатирические куплеты и стихи на заданный музыкальный размер и определенную тему. В работу вовлекались и самые пассивные ученики. Опыт «оперетт» лег в основу школьной «Синей блузы», ставшей тогда популярной. Вся школа жила ожиданием спектакля, наконец, наступал долгожданный праздничный вечер, директор садился за рояль... А пришедшие на вечер представители местных властей получали «сюрприз» — куплеты на общегородские

темы, что-то вроде: «Ушла из Златоуста кислая капуста...»

Конечно, любовь к музыке, стихам, спектаклям родилась не в Златоусте. Эту любовь Михаил Яковлевич Сюзюмов вынес из своего детства. До сих пор дети самого Михаила Яковлевича хранят созданные отцом и его братом тщательно переплетенные (тоже сами!) «кукольные книги». В детстве и юности Миша с братом и сестрой увлеченно играли в «кукольные государства»: брат рисовал «героев», а Миша писал стихотворные тексты. Позднее, став отцом, Михаил Яковлевич «проиграл» своим детям, с помощью нарисованных солдатиков и исторических персонажей, расставленных на домашнем обеденном столе, все основные сюжеты всемирной истории. Даже содержание только что прочитанных газет «проигрывалось» тут же...

Увлечение марками, легшее в основу так называемой «златоустовской платформы», тоже пришло из семьи. Брат Борис был страстным филателистом, а Михаил, студент-историк, объяснял ему значение марки какого-либо государства, видя в ней документ эпохи. Сохранилась фотография, сделанная школьным фотолюбителем и отпечатанная на так называемой «дневной» бумаге: группа ребят с Михаилом Яковлевичем в центре стоят около школьной выставки марок. Можно прочитать на снимке темы представленных серий: «Революция в Венгрии», «Финансовый крах Германии», «Низшие стадии культуры», «История авиации» и другие.

«Платформа» златоустовских школьников была опубликована в журнале «Советский коллекционер» за 1925 год. Однако при дальнейшем обсуждении были высказаны весьма холодные мнения о сборании марок по темам; коллекционеры-профессионалы не могли допустить ломки сложившихся традиций. Но поступали в адрес кружка и ободряющие письма. Запомнился случай, когда пришедшее из Италии письмо начиналось словами: «Синьор председатель...» Председателя кружка А. Мишаева в школе долго потом звали «синьором». Позднее «златоустовская платформа» получила не только всесоюзное, но и международное признание, и ныне в коллекционировании преобладает тематическое начало.

Журналист С. Захаров вспоминает о кружке, участником которого он был: «Занятия в филателистическом кружке он проводил в выходные дни, и на них сходилось чуть не полшколы. Это было как бы продолжением уроков. Михаил Яковлевич имел интересные тематические альбомы, где наряду с почтовыми марками были собраны различные

иллюстрации, исторические документы, географические карты. Я до сих пор помню занятие, где Михаил Яковлевич рассказывал о франко-прусской войне и Парижской коммуне, подкрепляя рассказ содержанием своего альбома».

В апреле 1935 года Сюзюмов «пострадал» за свое увлечение: он был арестован органами НКВД и осужден на три года по статье 59.9 по делу о собирании марок. Освобожден был через девять месяцев после суда...

Михаил Яковлевич мог собирать не марки, а книги. Он мог вообще ничего не собирать, а, предположим, рисовать или играть на скрипке. Важно не то, чему учат, а важно то, как учат. От античности до нас дошел афоризм: «Слова возбуждают, а примеры влекут».

Дух свободы, поощряемый Сюзюмовым, проводился в жизнь и другими педагогами школы — просвещенцами, сохранившими лучшие традиции русских учителей.

Что касается кружков, то их в школе было до двадцати: и массовых, и таких, где числилось всего два-три человека. Они открывались без всякого плана, просто по инициативе даже одного человека. Много хлопот было с «химиками». Не один раз у них что-то взрывалось, лопалось... В очередной раз загорелся шарик натрия, который ребята пробовали разложить в воде; шарик неожиданно прекратил движение, прилип к стенке сосуда и загорелся, вслед за этим загорелась разложенная в фарфоровые чашки смесь для бенгальских огней... Дым заполнил всю школу!.. Рассказывая об этих эпизодах, никто из бывших школьников не мог припомнить, чтобы за «ЧП» последовало наказание. Но именно химический кружок (школа была с химическим уклоном) весьма способствовал тому, что из златоустовской школы вышло много видных химиков (в том числе министр химической промышленности М. Первухин).

Несколько мальчишек занимались в краеведческом кружке. Д. Штейнберг рассказывал как-то, что до школы он был довольно робок и в свои 12 лет стеснялся, например, зайти на почту и купить марки. Положение председателя кружка дало ему много для самоутверждения. Однажды, обратившись в воинскую часть, он достал лошадь с телегой... Митя Штейнберг стал доктором геолого-минералогических наук. Свобода выбора, отсутствие регламентации и ежеминутной опеки рождало стремление к поиску, веру в себя. Ребята открывали свой мир, мир природы, мир знаний, мир жизни. Позднее стихия школьных кружков уступит место плановым «меропри-

тиям», парадным слетам, уйдет из школы самоуправление, самостоятельность, самостоятельность и все права школьников; школа станет учреждением, а у школьников останутся одни обязанности...

Для многих, окончивших Златоустовскую школу второй ступени, стала напутствием в жизни характеристика заведующего — он старался выделить в ней основные черты характера и способности, которые могли бы определить дальнейшую жизнь выпускника; иногда конкретно называл возможную сферу приложения сил — военное дело, педагогика, наука... Не все его предсказания сбылись, но характеристики свидетельствовали о том, что писал их тонкий психолог и равнодушный педагог.

Наказывал ли когда-нибудь Сюзюмов своих учеников?.. Пожалуй, нет. Родителям не жаловался, за химические опыты не ругал, на второй год оставлял справедливо. Можно, правда, вспомнить один курьезный случай... Выпускница школы Л. Морозова рассказывала, как она кубарем слетела с лестницы прямо под ноги директору и была наказана следующим образом. Он оставил ее в своем кабинете, пока она не выучила страницу текста из какой-то трудной книги. По прошествии многих лет она, став студенткой, стала читать «Капитал» Маркса и с удивлением обнаружила, что знает текст первой страницы наизусть... Тут она и вспомнила о «трудной» книге! Думается, Михаил Яковлевич, наказав ее таким образом, знал, что настанет день, когда «нарушительница порядка», став взрослой, неминуемо начнет читать «Капитал» и с улыбкой вернется в тот школьный день, в свое детство...

Златоустовские школьники звали его «Михель». Почему же они, теперь уже поседевшие, вот уже в течение шести десятков лет, собираясь на ежегодные сборы, вспоминают своего «Михеля»?..

Он вдохновенно жил тем, что делал. И рядом с ним жили и зажигали души его огнем ребята, которым предстояло выбрать свой путь. Этот огонь юности и светил им всю жизнь.

**Виктор
КОБИССКИЙ**

**Рисунок
Николая Мооса**

Легенды О Чингисхане

I

Я работал в районной газете. Район наш маленький, расположен на юге Читинской области и почти на две равные части делится рекой Ононом. Население здесь смешанное, но в некоторых селах преобладают буряты. Район соседствует с Агинским бурятским автономным округом, а также с Монгольской Народной Республикой, да и до китайской границы — рукой подать.

Много древних сказаний хранят в памяти и передают из поколения в поколение бурятские народные сказители — улигерчи. Часть легенд связана с именем грозного завоевателя Чингисхана.

Толчком, который побудил меня «покопаться» во временах, отстоящих от наших дней на восемь столетий, послужило, как это нередко бывает у газетчиков, письмо восьмидесятилетнего Алексея Михайловича Грудинина.

...«На территории нашего Акинского района есть нерукотворные «Ворота Чингисхана». Коренной житель Акиши М. П. Гурулев и бывший директор акшинской средней школы П. Г. Прокин еще в довоенные годы ходили гуда с учениками на экскурсию. По их свидетельству, «Ворота Чингисхана» — творение природы. Это большая арка (подобие арки) из камня. На «столбах» ее есть древние надписи. А вот попали они или нет в руки ученых, этого я не знаю... Отголоски старинных легенд утверждают, что это — след одного из воинских путей полчищ Чингиса.

Живет в наших краях и такой слух, что по просьбе декабриста В. К. Кюхельбекера комендант Акинской крепости майор А. И. Разгильдеев доставил откуда-то в Акшу коновязь Чингисхана, которая позже, якобы, была перевезена в Урульгу... Слышал я и о Чаше Чингисхана. Но в печати ничего об этом не встречал, что это за Чаша и где она, — не знаю».

II

В одном из последних произведений известного советского писателя Всеволода Иванова «Хмель, или Навстречу осенним птицам» есть небольшая сказка о Чаше Чингисхана.

«Старики говорят так, что Чингисхан перед смертью велел похоронить себя в Ононе. «Отведите, — говорит Чингисхан, — реку Онон в сторону. И отведите, пока мои пленники не разбежались, — у вас они непременно разбегутся. И когда отведете, закопайте труп мой на дно моего Онона и опять пустите реку по старому руслу. Тут я буду лежать спокойно: никто никогда столько пленных не соберет, чтобы отвести Онон! А чтобы напомнить о моей силе, выберите сейчас же гранитную чашу и поставьте на берегу: вот, мол, какой был сильный, из какой чаши выпивал!» Ну, выдолбили из гранита чашу, поставили на трех звериных лапах — а сам главный зверь, дескать, под землей, и когда помер Чингис, то, как завещал, прах его, отведя Онон, закопали на дне реки. И тут, как водится на поминках, пели, что положено, и весь народ, собравшийся на поминки, пил из той чаши. И на всех хватило! А когда опять пустили Онон по старому руслу, сама собой уже не вином, а гранитом заполнилась чаша. И так стоит до этого времени».

А двумя страницами дальше в повести изложены собственные впечатления Всеволода Иванова от встречи с этим маленьким чудом, которое показали ему забайкальские литераторы Г. Р. Граубин и В. Г. Никонов:

«Гранитная Чаша Чингисхана — в некотором отдалении от прочих скал, словно природа, выдувая ее, понимала, что делает. Это огромный гранитный монолит величиною с одноэтажный дом...

Да, монолит-чаша (даже ободок выведен по краю), чаша, покоящаяся на трех лапах, и что, быть может, самое удивительное — монолит похож на те плоские сосуды, которые употребляют кочевники, чтобы пить чай или кумыс. И стоит она не прямо, а наклонившись чуть набок,

так, как отодвинул чашу номад, досыта напившись ку-мыса!»

Этот останец — так в геологии называют причудливые скалы и камни, образовавшиеся в результате выветривания — можно увидеть и сегодня. Я неоднократно бывал около него, делал фотографии.

Жители Ононского и Агинского районов чаще называют этот останец «Камень-котел». Находится он на левом берегу Онона, недалеко от Кубухайского моста, то есть на территории Агинского округа. Здесь несколько групп останцев: одни напоминают как попало сваленные, тую набитые мешки, другие — птиц и животных. Например, в непосредственной близости от моста среди живописных скал в окружении берез и реликтового степного абрикоса выделяется «Камень-верблюд» — точная копия лежащего животного. Ниже (ближе к Онону) выветрелая дайка более слабых пород образует в скале так называемую «Лестницу богов». Здесь же, у этих скал, есть древние могильники степняков...

Народная молва недаром связывает многие приононские названия Акшинского и Ононского районов с именем Чингисхана. Письменные исторические источники, скажем, «Алтан тобчи» («Золотое сказание»), утверждают, что «...в Дэлэгийон-Болдаге на Ононе в год черной лошади (1162), в первый летний месяц, в полдень шестнадцатого дня родился Чингис-хаган...» Здесь, на Ононе, прошли детство и юность Чингисхана, названного при рождении Тэмучином (Тэмуджином).

III

Да, слухов и легенд довольно много. И, надо сказать, часть из них восходит к той самой сказке, которая принадлежит перу В.с. Иванова и уже цитировалась. Фольклористика знает массу примеров, когда народ не только хранит старые предания, но и создает новые, черпая их из... современной литературы и даже используя сюжеты кино. По словам доктора филологических наук В. М. Сидельникова, большинство песен, сказов и легенд о В. И. Чапаеве народ создал после публикации книги Дм. Фурманова «Чапаев» и особенно после постановки одноименного фильма бр. Васильевых.

Но вернемся к легендам о Чингисхане и для начала заглянем в «Большую советскую энциклопедию». Там сказано: «Умер на территории тангутского государства Си-ся во время начатого им в 1226 г. похода в эту страну». Указана и точная дата смерти — 25.8.1227 г. То же утверждают и другие источники, в частности уже упоминавшийся летописный труд «Алтан тобчи» — сочинение ученого ламы Лубсана Данзана (XVII век).

Прошу обратить внимание, что речь идет о месте смерти грозного завоевателя, а не о месте захоронения.

Глава XIII книги «Алтан тобчи» заканчивается плачем-восхвалением Чингисхана. Последние две строчки этого плача такие: «Среди великого народа возникли ложные слухи. Погребли в этом месте его одежду и чулки и поставили над ними юрту». А затем следует уточнение (прозаический пересказ автора — В. К.): «Подлинный труп его, как говорят некоторые, был похоронен на Бурхан-Халдуне (гора на родине Чингисхана — В. К.). Другие же говорят, что похоронили его на северном склоне Алтай-хана, или на южном склоне Кэнтэй-хана, или в местности, называемой Йэхэ-Утэке».

А теперь перенесемся в XIII век, в ту почти безжизненную ныне местность китайской провинции Внутренняя Монголия, где у цепочки озер, в пустыне Ордос, ключом была жизнь великого государства тангутов Си-ся, простиравшегося далеко на запад, за реку Эндиз-Гол. А здесь, на южной окраине Ордоса, где Великая китайская стена перерезает основание излучины Хуанхэ, располагались главные жизненно важные центры Великого Ся. Тут была тангутская столица — Синцин. Тангуты жили в самом цент-

тре Азии, на стыке торговых путей. Это и предопределило печальную судьбу государства.

Могучий северный сосед — коварный и опасный враг, начиная с 1205 года, раз за разом беспокоит и теснит тангутов. В 1226 году стотысячная тангутская армия под Линчжоу дала монгольским ордам решающее сражение и была разбита. Около года затем продолжалась осада столицы. За этот год тангутское государство было буквально стерто с лица земли, народ истреблен до последнего раба — таким был приказ Чингисхана. Осенью 1227 года разделила участь страны и столица. Синцин был разграблен дотла, как бы в отместку за смерть Чингисхана.

«Пролегели века. Вымерли и потомки потомков тех, — пишет востоковед Е. И. Кычанов, — кто некогда уцелел от меча завоевателей. Ордос — место смерти Чингисхана, скончавшегося под стенами столицы Ся, стало монгольской святыней. Народ сложил много легенд о гибели великого хана».

Одну из таких легенд записал известный русский географ, этнограф и публицист Г. Н. Потанин (1835—1920). Легенда почти дословно цитирует «Алтан тобчи», хотя Потанин путешествовал по Монголии и Китаю в 1884—1886 годах, а летопись Лубсана Данзана была найдена в МНР в 1926-м.

Приведем (в пересказе Е. И. Кычанова) сцену посещения Потаниным места захоронения Чингисхана.

IV

«Юрта, в которой, по словам монголов, хранились останки Чингисхана, ордосская святыня Ихэ-Эджен-Хоро — Великая ставка Владыки — стояла за болотистым лужком речки Чжам-Хак, между двумя песчаными барханами. В нарядном китайском платье, сопровождаемый двумя монголами, Григорий Николаевич пешком отправился к Ихэ-Эджен-Хоро. Вот и сама святыня. На невысокой четырехугольной насыпи, облицованной кирпичами, за проломленной деревянной оградой впритык стояли две юрты и там, где они соприкасались был устроен проход. На юртах золотые маковки, верхние волокнистые покрывающие своды юрт, вырезаны по нижней кромке фестонами в виде языков, свисающих вниз. Григорий Николаевич трижды поклонился, встав перед растворенными дверями юрты. Войти в юрту не разрешалось. Только из темных дверей неожиданно высунулась рука с красным деревянным блюдом, на котором стояла медная вазочка с горевшим маслом. Монголы-дархаты, хранители юрты, сопровождавшие Потанина, предложили ему взять блюдо и подержать его. Затем все снова троекратно поклонились юрте и удалились.

Из расспросов удалось выяснить, что в юрте якобы находится серебряная рака с костями Чингисхана. Каждый год в двадцать первый день третьего месяца по лунному календарю ордосские монголы устраивают большой праздник — тайлга (жертвоприношение — В. К.) — в честь Чингисхана...»

Итак, место не только смерти, но и захоронения — Ордос? Не будем спешить с выводами. Как говорит далее Потанин, рака заперта на три замка, а ключи находятся (находились в ту пору — В. К.) у духовного главы буддистов Тибета панчен-ламы. Дархаты-хранители сами не знают, что лежит в усыпальнице хана.

Места, указываемые в «Алтан тобчи», — «северный склон Алтан-хана», «южный склон Кэнтэй-хана», «местность Йэхэ-Утэке» и даже гору Бурдан-Халдун, наиболее часто упоминаемую в жизнеописании Тэмуджина, — крайне трудно по прошествии столетий увязать с нынешними местностями и названиями.

И все же могила жестокого завоевателя найдена. Как иначе объяснить следующее сообщение «Недели» (№ 2, 1981)? В статье Марины Невзоровой «Лица минувшего» речь идет о продолжателях дела советского антрополога-скульптора и археолога, всемирно известного ученого М. М. Герасимова (1907—1970), около сорока лет назад разработавшего метод антропологической реконструкции,

дающий возможность по костям черепа восстанавливать внешность, лицо человека.

Так вот, в своей статье М. Невзорова пишет: «Научный язык цифр, расчетов и построений обретал скульптурную плоть, становился реальным человеческим изображением. Так были восстановлены лица Ивана Грозного, Андрея Боголюбского, Чингисхана и многих других исторических фигур прошлого».

Сотни кладовщиков и самостоятельных исследователей до сих пор ищут в прионских степях и горах могилу Чингисхана, а она, оказывается, давно найдена! М. Невзорова только забыла попутно указать, где ученые раздобыли череп!

По-видимому, журналистка имела в виду Тамерлана — могила Тимура действительно сохранилась, и скульптурный портрет этого среднеазиатского полководца действительно был воссоздан в мастерской М. М. Герасимова.

Легенды не любят умирать даже под пером журналистов.

V

Основатель монгольского государства Чингисхан до самого последнего времени оставался на родине фигурой одинокой. Его имя фактически было предано забвению — не появлялось ни одной книги, ни одного кинофильма. Только в народных легендах, в сказаниях улигерчинов да в трудах историков Чингис продолжал жить. И время от времени возникали «крамольные» мысли о его политической реабилитации, делались попытки как-то закрепить память о том, кто сказал: «Пусть погибнет тело мое, но вечно будет жить мое государство». Одна из таких попыток даже материализовалась...

Под сенью могучих деревьев, почти достигая их вершин, взметнулся памятник — в виде языков белого пламени. Помимо приведенной выше надписи и высеченного портрета грозного хана, есть на памятнике и такие слова: «Основателю монгольского государства Чингисхану — от монгольского народа». Этот единственный на территории МНР памятник из гипса был сооружен к 800-летию Тэмуджина — 30 мая 1962 года. Он стоит на его родине — в Дадал-сомоне Хэнтэйского аймака.

Как свидетельствует кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института этнографии АН СССР Н. Жуковская: «...сколько голов полетело за то, что проявили обидную для соседа (то есть для нас! — В. К.) инициативу», поставив этот гипсовый памятник. За минувшие 27 лет монголы так и не решились отлить его в бронзе или выполнить в камне».

Да, фигура Чингисхана противоречива, неоднозначна, может быть, страшна. Но не менее значима в мировой истории, чем фигура того же Тамерлана, Александра Македонского или Наполеона. Но ведь их имена не замалчиваются.

Я уже не раз упоминал книгу «Алтан тобчи» («Золотое сказание») — основной, надо полагать, первоисточник для тех, кто интересуется эпохой Чингисхана, поскольку он содержит три четверти «Секретной истории монголов», в том числе и жизнеописание Чингисхана.

В минувшем 1990-м году отмечалось 750-летие создания «Секретной истории монголов». Такое решение было принято сессией ЮНЕСКО. А потому завершу очерк кратким обзором летописного «Золотого сказания», куда составной частью вошли страницы «Секретной истории монголов».

VI

Летопись «Алтан тобчи» была найдена в 1926 году в одном из восточных хошунов МНР и хранится в Государственной библиотеке Монголии. Это список XVIII века — один из томов сочинений ученого монаха Лубсана Данзана.

Первая публикация рукописи состоялась в Улан-Баторе в конце 1937 года, а перевод на современный монгольский язык сделан там же лишь 20 лет спустя.

С 1952 года рукопись известна в США (фотокопия с первого улан-баторского издания осуществлена Гарвардским университетом). Кроме того, она распространялась в списках-копиях и в фотокопиях. Так, первооткрыватель «Алтан тобчи» председатель Ученого комитета МНР Джамьян-гун собственноручно сделал копию для французского монголиста П. Пеллио и переслал ее в Париж, где она хранится и ныне в Монгольском фонде Национальной библиотеки. Одна из фотокопий имеется также в Монгольском фонде Рукописного отдела Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР.

Для перевода на русский язык, предпринятого монголистом Н. П. Шастиной, была использована как оригинальная рукопись летописи, так и названные выше ее печатные издания. Книга вышла в серии «Памятники письменного востока» в 1973 году. Из-за незначительности тиража (всего 6500 экземпляров) она практически сразу же стала библиографической редкостью, достоянием ученых-монголоведов и лингвистов, а до широкого читателя, естественно, дойти не могла. Впрочем, фрагменты книги известны русскому читателю... с пушкинских времен.

Наверное, есть все основания первым переводчиком текста (с китайского) считать отца Иакинфа — Никиту Бичурина, издавшего в 1829 году «Историю первых четырех ханов из дома Чингисова». В прошлом веке, и тоже в Санкт-Петербурге, «Алтан-Тобчи. Монгольская летопись в подлинном тексте и в переводе» была издана ламой Галсаном Гомбоевым (1858).

Но подлинный интерес и к «Секретной истории монголов», и особенно к «Золотому сказанию» — «Алтан тобчи» возник только в последнее десятилетие. В 70-х годах читающая публика нашей страны смогла познакомиться с замечательным историческим романом «Жестокий век». Его автор Исая Калистратович Калашников (он жил в г. Улан-Удэ), следуя труду Лубсана Данзана, создал широкую, колоритную и достоверную картину. Древнее «Сокровенное сказание» ожило под пером галантливого писателя; словно sprysnutые живой водой, воскресли Тэмуджин и его побратим Джамуха, хитрый дядюшка Чингисхана Даритай-отчигин и своенравный шаман Тебтэнгри и десятки других персонажей — не только ханских кругов, но и простого народа.

Калашников тщательно изучал литературные памятники той эпохи. Рукопись «Алтан тобчи» со многими главами (параграфами) «Секретной истории монголов» стала той канвой, по которой писатель «вышивал» живописное полотно «Жестокое века».

Работая над романом, автор побывал в забайкальском и монгольском Прионье, дал много точных пейзажных зарисовок, конкретных привязок к местности.

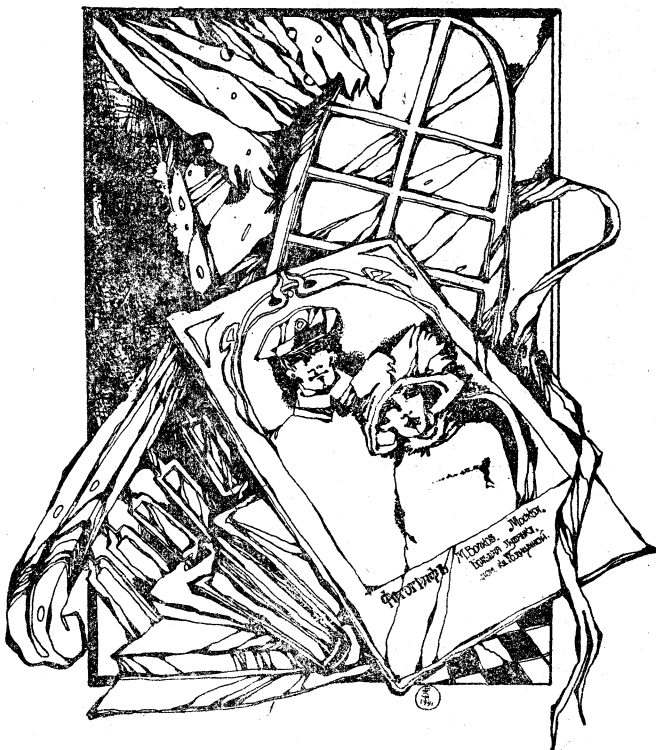
...Вот куда может привести увлечение легендами. Любая большая дорога начинается с маленького шага. С первого шага. Будем помнить эту восточную мудрость!

И пусть легенды никогда не умирают. Пусть они всегда вдохновляют художников, будят пытлиую и ищущую мысль, учат противостоять злу, в каком бы обличье оно не выступало.

Светлана
ВИНОКУРОВА

БЕЛАЯ КОСТЬ

Рисунки
Нatalьи Ермолаевой

Коля сидел на верхней ступеньке лестничного пролета, боком привалившись к стене, терев Надькино ухо и вежливо посмеивался над солдатскими анекдотами Вола.

«Плебейство. Жуткое плебейство!» — вздохнул он и заерзал, сползая по стене чуть ниже, удобнее... Надя поспешно подняла растрепанную голову с его плеча:

— Рука затекла?

На Колю пахнуло ее любимым салатом: свеклой с чесноком.

— Сиди,— не поворачивая головы, бросил он.— Сиди...

Сегодня Коля совсем другими глазами смотрел и на эту лестницу двадцатидвухэтажки, облюбованную ими с осени, и на Володьку, который после армии с трудом внедрялся в гражданскую жизнь — трезвый Коля видел Вола нечасто, и на прочих членах их доброй компании. Да, другими глазами! С сегодняшнего дня...

Вчера Наде исполнилось шестнадцать. С деньгами у Коли было так себе, подарок же требовался не ерундовый — как-никак с детского садика дружат... Покопавшись от безвыходности в хламе на антресолях, он обнаружил «Историю ВКП(б) 1938 года... Можно было не сомневаться, что ничего похожего Надьке никто никогда не дарил и навряд ли подарит. Коля перелистал уникальную книжку и кое-какие места отметил — загнул уголки, чтобы сразу попадать на страницы с наиболее эффектными местами. Занятно будет зачитать на Надином дне рождения...

Зачитал он с выражением, особенно выделяя голосом определения вроде «эти подонки человеческого рода из бухаринско-троцкистской банды», «эти белогвардейские пигмеи», «козьявки», которые «забыли, что стоит советскому народу шевельнуть пальцем...»

Гости сидели свои, в основном из десятого «А». Реакция была бурной, книга в желтоватом переплете почти каменной твердости под гогот и хмыканье пошла по рукам. Только Княгиня произнесла, подняв брови, со своей обычной полуулыбкой: «Богаты мы, едва из колыбели... Что ж тут смешного, мальчишки?»

Коля глянул на нее даже с некоторым сочувствием. Ну, непонятно ей, ну, неважно с чувством юмора у человека — бывает! Но зачем об этом вслух-то?

Однако главным событием вчерашнего вечера стала для него не находка допотопного учебника и не Надькин праздник. Самым главным оказались две небольшие фотографии, выпавшие из «Истории».

Оценил он их не сразу. Какой-то царский офицер — судя по физиономии, ненамного старше Коли. Дама в шляпе... Фотографии были наклеены на красивые картонки с золотистым гербом внизу и подписью: «Фотограф М. Волков, Москва, Большая Лубянка, дом кн. Голицыной». То же было напечатано и на обороте.

Откуда они? Находка озадачила Колю. Но, вернувшись с Надиного дня рождения, он не нашел их у себя на столе... Темка, извлеченный из-под одеяла, после стандартных мер воздействия признался: картонки, скрепленные пластилином, пошли на тоннель. Коля отчистил их, насколько возможно, выложил перед отцом и узнал потрясающие вещи... Оказывается, отцов дед — Колин прадед — был дворянином! С ума сойти, подумал Коля... А отец столько лет молчал! Сидит всю жизнь в своем строймонтажуправлении, и плевать ему, что за кровь течет в его жи-

лах, когда он ругается с бригадирами или с ними же выпивает...

Брат свистел сопливым носом, как закипающий чайник, и Коля перевернул Темку на бок. Свист прекратился. Темкина голова скатилась с подушки, лоб уперся в коврик...

Коля подошел к шкафу, открыл дверцу с зеркалами. Зеркало было темно, как бывшие до нас времена, отпраздновавшие свое давно и бесследно... Бесследно?

Коля вглядывался в себя словно впервые: прямой нос, подбородок развитый, не примитивный... разве что недостаточно жесткий — у всех тогдашних офицеров в фильмах они четкие, длинные... Падавший на Колю законный фоновый свет указал и

шился самыми простейшими интересами и заботами, почему скучновато в этой лестничной компании, да и в классе, где многие умеют грамотно написать лишь термин из трех букв в туалете... Да потому, что его настоящая жизнь должна быть иной! И теперь только от него зависит, как он распорядится собой. Не один же он такой! Значит надо искать их — тех, кто живет более достойной жизнью...

Начинать следовало с Кэт, то бишь с Катьки, что сидела ниже, на куртке Димыча, и хихикала басом над бесконечными анекдотами Вола. Да он, собственно, уже начал... Кэт подтвердила сегодня на большой перемене — Коля спросил ее как бы невзначай, — что Княгинино прозвище возникло не случайно!

на тонковатую шею, но посадка головы! Полуотвернувшись, Коля скосил глаза: да, посадка головы, можно сказать, гордая! Что все-таки значит кровь... Которую его родственники последние семьдесят лет портили по недомыслию, как могли. Судя по всему, Коля первый, кто задумался об этом безобразии... А ведь такая кровь, простите, на дороге не валяется!

— Честно, рука не затекла? — беспокоилась Надя. — Ты скажи, если затекла!

— Не вертись ты... — он рассеянно барабанил пальцами по ее теплому плечу и думал, что сидит тут, на этой лестнице, возможно, в последний раз. Теперь-то ясно, почему в его жизни — в жизни, навязанной обстоятельствами! — многое не нравилось ему. Почему раздражали отец и мать, ограничив-

Не то князья, не то графы в ее роду водились... А информации Кэт можно было доверять. Есть такие люди — знающие о своих ближних то, что те сами о себе порой не знают...

С одной стороны, Княгиня человек чудноватый, на переменах вечно торчит с книжкой у окна. Порой с книжкой на черт-те каком языке! Но ведь и Чацкий, к примеру, своему окружению тоже казался шишанутым... Смотря ведь какое окружение!

Теперь оставалось показать Катьке фотографию прадеда. Такую новость Кэт выложит Княгине непременно, и уж дальше можно будет действовать напрямую. Главное — выделиться из всех, вызвать к себе хоть некоторый интерес с ее стороны!

На следующий день Коля пригласил Кэт домой

для консультации по поводу «варенок»: не много ли за них просят... Все шло по задуманному — пока на прощание Кэт не хмыкнула многозначительно:

— Ладно, не сомневайся, все будет о'кей. Положись на меня!

Она застегнула сапоги, выпрямилась... Коля взглянул в ее весело сощуренные глаза и смешался.

— Что стоишь? За бескорыстную помощь можно и поблагодарить!..

Она кокетливо мотнула кучерявой головой и вытянула шею, подставляя Коле щеку. Чертыхнувшись про себя — вот шустря! — он поймал ее пальцы, потянул руку к себе... Катька, видимо, не поняла его

Надо сказать, легкую Колину отстраненность Надя почувствовала сразу — перемены его настроений она ловила моментально. Забеспокоилась, что случилось, не болит ли что. Коля отмахивался, ему не хотелось раньше времени затевать объяснение, обижать человека — Надька была существом простым, но славным и преданным. И необременительно для Коли влюбленным в него... Сколько одних шпаргалок написала к экзаменам и ответственным контрольным!

Дни теперь стали похожи на цветные картинки комиксов. Все время что-то происходило! Кэт забежала к Коле сама. Он даже вздрогнул от ее тройного звонка в дверь... Деловито, как о шпионской операции, доложила, что «все на мази, что надо — информирован», и Коля покорно чмокнул ее в пушистую и розовую, словно

и начала нелогично выдергивать ладонь, но Коля не отпустил и, галантно поцеловав плотную ручку, пообещал:

— О, непременно, мадам... ПОСЛЕ.

Новое, непривычное для Коли занятие появилось у него на уроках: он наблюдал за Княгиней. И чем дольше вглядывался в нее, тем незнакомой становились ее выпуклые спокойные глаза, и очень прямая спина, и тонкие губы с рассеянной полуулыбкой...

Было в этой улыбке нечто, заметное и понятное, вероятно, лишь Коле: что ж поделаешь, если мы таковы, каковы мы есть? Я все понимаю, принимаю и никого ни в чем не виню! Вот такой открылся ему подтекст... Конечно, ноги у нее толстоваты, но кто, интересно, без недостатков? Этот вовсе не из самых страшных, здраво рассудил Коля. Надька вон тоже... не Венера.

не с нынешнего городского, а с прошловекового мороза щеку... В конце концов, ведь и господа, как известно, порой вступали в разнообразные отношения со своей хорошенькой прислугой...

Записку Княгине он сочинял полвечера. Некоторые слова проверил в словаре — ошибки могли все испортить, у Княгини-то по-русскому был порядок. «Евгения! — написал он, только сейчас заметив, как это звучит: Евгения!.. — Твоя личность с некоторых пор меня очень интересует. Нам есть о чем поговорить. Жду тебя сегодня в четыре у «Кометы». С уважением Николай Воронцов».

Он собирался отдать записку на следующий день, на последнем уроке, но Княгиня в школу не пришла — заболела. Может, оно и к лучшему, решил Коля. Занести ей домашние задания — повод для

встречи самый законный! К записке-то мало ли как можно отнестись.

Княгиня сама открыла дверь Коле. Она была дома одна. Поздоровалась шепотом, с улыбкой тронув замотанное белым шарфом горло. Казалось, она нисколько не удивлена Колиному приходу. Он восхитился: во как надо держаться, никаких примитивных эмоций и дурацких вопросов!

Холл был обставлен нормально, по-современному — Коля почему-то ожидал увидеть что-то необычное... Княгиня сразу предложила ему пообедать вместе, и он чуть не согласился. Отказался в последний

зах смешным... Они уже достаточно взрослые и начнут общение без этих детсадовских фокусов.

Но вскоре он получил записку сам — от Нади! С просьбой встретиться. Коля нашел этот мягкий тетрадный листок после уроков в кармане куртки и мрачно подумал: ну что за глупое ребячество, в самом деле... Могла ведь прямо сказать все, что нужно — рядом же пока сидит! Поколебавшись, он отправился на встречу с самыми неприятными предчувствиями... Ну зачем она навязывает ему этот тягостный разговор? Если б не записка, в их отношениях еще долго ничего не менялось бы...

Знакомые, в раздавленной шелухе семечек ступени Коля оглядел, будто видел их впервые. С отращением оглядел, но и не без нежности — сколь-

момент, увидев рядом с ее тарелкой не только вилку, но и нож... Опыта обращения со столовым ножом у Коли почти не было. Он ограничился чаем, содрав, что перекусил в школе, и дал себе слово как можно скорее покончить с этим позорным неумением.

За час, проведенный у Княгини, он поставил себе «четыре» — то есть в целом остался собой доволен. Они обсудили последний «Музыкальный ринг», поговорили о фантастике, которую Женя, к Колиному удивлению, знала вполне прилично. Большею частью говорил, конечно, он — Женя подавала реплики шепотом, коротко, но удивительно к месту, и вообще обращалась с Колей как-то не по-девичьи естественно и дружелюбно.

Он ушел, унося с собой Бунина и имея, таким образом, дополнительную причину появиться тут снова. Вариант с запиской выглядел теперь в его гла-

ко вечеров просидел тут бок о бок с Надей! В окне летело серенькое солнце сквозь внезапный снег...

— Вот повалил — прямо как снег на голову! — сострил Коля, нервно хлестнул шапкой по перилам, и сырые хлопья взметнулись чуть не до потолка. Надя даже не улыбнулась.

— Коля, — сказала, исподлобья поедая его глазами, — я хочу спросить: ты больше не хочешь... дружить со мной?

В ее голосе было отчаянное и одновременно покорное ожидание Колиного «да», рот с бледным бургорком лихорадки в углу приоткрылся, словно у ребенка... И до Коли дошло, ура, скандала не предвидится — прощание должно случиться теплое и пристойное!

Камень с его души невидимо и неслышимо попрыгал прочь по ступенькам, и Коля чуть не поцеловал эти бедные простуженные губы. В знак благодарности, что ли, за вернувшуюся уверенность в себе и вообще за непонятно что. И даже смешной свекольно-чесночный запах его сейчас не смутил бы... Впрочем, никакого запаха на этот раз, похоже, не было.

— Тоже мне, нашла проблему, — растроганно усмехнулся он. — Ты же прекрасно знаешь, я за многое тебя ценю... Человек ты очень даже хороший... Конечно, если совсем честно, общаться мне с тобой не всегда интересно, даже неприятно... иногда... Но в целом — все в моем отношении по-старому, Надя, никаких перемен нет!

— Пожалуйста, не говори так, Колючка! Я же знаю — к Жене ходишь, а сюда... И почему ты раньше не говорил, что чего-то тебе во мне не нравится? Только теперь говоришь, когда... поздно... Выходит, врал, что отношения у нас хорошие, когда мы сюда ходили? Ну зачем же ты врал-то, Коля... И зачем ходил тогда?

Коля усмехнулся. Он главным образом чеснок имел в виду, а она... вечно все преувеличивает...

— Слушай, одно ты очень верно сказала. Что теперь поздно. А раз поздно, нечего и говорить зря... И что значит — «ходишь»? Можно подумать, я целоваться к ней хожу... Мы о литературе говорим, если хочешь знать! Вкусы у нас сходятся, и я этим очень доволен, вот и все! Если людям есть о чем поговорить — это разве плохо?

— Хорошо, — согласилась Надя и заревела, отвернувшись к стене.

Дотрагиваться до ее плеч Коля побоялся и с досадой присел рядом, на соседнюю ступеньку. Не обошлось-таки без сцены...

— Ну, нашла себе проблему... — начал он, но вспомнил, что эту фразу уже говорил. Надя вдруг обернулась:

— Как она... как она к тебе, не знаю! А я тебя... Я семь лет уже тебя!...

Она встала и, возя по лицу обеими руками, пошла вниз по лестнице.

Догонять ее было неразумно, и Коля остался на месте. Опять ведь преувеличивает, обычную влюбленность в любовь возводит! — взволнованно подумал он. Хотя теоретически не исключено, конечно, и обратное... Правда, он и сам, дай бог памяти, классе в пятом был уверен, что у них любовь!

Выждав немного, он пошел домой. Настроение было приподнятое. Отчасти, пожалуй, обидно, что с Надей они не пара... Все-таки надо отдать ей должное: и шпаргалки, когда требовалось, заготавливала, и почерк его настолько научилась копировать, что конспекты и рефераты, написанные ею за Колю, не вызывали у учителей никаких подозрений. Да и мало ли разных услуг оказывала ему в последние годы... Но не только в дружеских услугах, конечно, дело. Отношения-то и впрямь были неплохие! Скорее, даже очень неплохие...

Но зачем ей убивать время на неподходящего человека? Незачем, это же ясно... А одиночество ей не грозит — Надька девочка нормальная и насквозь понятная, такие не простаивают. Нечего ей бояться.

Вот с Княгиней все по-другому... Есть у них в классе такое определение для некоторых: «с задви-

гом». В эту категорию попала и Княгиня. Как к человеку к ней относились ничего, а как к девочке — никак. Только теперь начали замечать и во втором качестве!

Правда, вела себя Княгиня так, будто ничего особенного не произошло. Ну, подружились с Воронцовым и подружились... Это беспокоило Колю — излишне светские отношения явно затягивались. Но он все же надеялся, что про себя она благодарна ему. За то, что он вытащил ее из просто людей в девочку... Каким независимым себя ни чувствуй, отношение других — вещь не последняя.

Ведь Коля и сам испытывал к Жене благодарность, о которой Княгиня не подозревала: благодарность за будущее. Которое может исправить промахи сразу двух поколений их родственников! К примеру, мать у Княгини дворянка, а отец плебей! Хотя одновременно и профессор... А у Коли — мать. Он, разумеется, любит ее и такой, но...

Сумасшедшая, деловая, ни на какую другую не похожая наступила весна, Коля подтянул учебу (вот оно, влияние правильного чувства), окончательно перестал бояться столового ножа и даже регулярно сидел над французским, разогнав бестолковую Темкину компанию, вечно путавшуюся под ногами: рыжую Инку с ее любимым пластмассовым пистолетом и ушастого Вовика. К Жене приходилось забегать ежедневно: в последнее время у ее отца толклись наглые студенты, выпрашивая зачеты. Надо думать, наедине с ним они вели себя смиренно, но в коридоре, ожидая своей очереди... Вообще-то, Коле нравилось, что этот взрослый народ всерьез принимает Женю — не в пример некоторым в их десятом, — и в то же время ему невыносимо было даже вообразить, что какой-то «хвостатый» переключит ее на себя. Ведь это Коля первым открыл Княгиню...

Тройной звонок Кэт не узнать было невозможно. Коля отодвинул учебник... Завтра экзамен, сочинение, будь оно неладно. В этот раз придется обойтись без Надькиной помощи — которая, честно говоря, очень бы не помешала.. Шелкнув брата по лбу, Коля затолкал его обратно в комнату и открыл дверь. Встретив Кэт привычным шутивным поцелуем, повел ее на кухню — и услышал из-за двери:

— А я видел, а я видел!

Откуда только берутся у этой мелюзги такие вредные голоса? Коля показал Темке кулак и велел убираться на улицу к своей сопливой Инке с пистолетом.

— Слышь! — выдохнула Кэт, глаза ее блестели празднично, стеклянно. — Надька сегодня в загсе была!

— За... зачем? — спросил Коля.

— Зачем в загс ходят! Расписали их с Волом!

Коля сел на табурет... О том, что Вол еще зимой взялся утешать Надю, он знал — Кэт докладывала ему об этом с непонятным удовольствием, хотя Коля не просил и вообще старался пореже вспоминать всю эту компанию... Но что в своих утешениях Вол зашел столь далеко...

— Погоди, ей же только шестнадцать!

— В том-то и дело! Сообразил, ага? Мне Димыч сказал — он сильно датый сегодня — что Вол ему еще

когда признавался... Что Надька отличная баба, хоть и дура, но бабе, мол, так и положено — во нахал, да? И про тебя... кой-чего. Что ты СКРОМНЕЕ, чем он мог подумать! Что он на это не рассчитывал... гад такой... Слышишь, Коля?

— Иди ты, — вяло отреагировал Коля. На него навалилось вдруг странное бессилие.

Кэт, мечтательно ухмыляясь, уселась напротив, тряхнула кучерявой головой:

— Да ладно, не бзикай, я ж люблю подколоть, ты знаешь... Во дела, да? Предки им комнату сняли, Вол сегодня ее туда увозит.

— Как сегодня? А экзамены?

— Да они с Волом через полгода, небось, кого-то уже родят. Какие ей теперь экзамены. Учебный год кончился, и ладно...

именуемая «козлом». Из нее выбрался Вол, и Коля злорадно отметил, что это справедливо — когда козел приезжает на «козле»... Из дома Вол вынес чемоданы, загрузил в машину коробки. И уехал! Надю Коля не увидел, с досадой подумал, что здесь ее, наверное, уже нет... но все-таки решил подождать еще с полчаса. И через час дождался. Вернулся «козлик», Вол, натянув на голову черную куртку, — дождь хлестал уже вовсю, — нырнул в подъезд и вышел под зонтом, вместе с Надей...

На улице к этому времени начало темнеть, да и дождь мешал рассмотреть обоих. Коля заметил только Надину растрепанные, как всегда, волосы, голубые в сумерках коленки и то, как ловко и жадно держал ее за плечи

Коля знал, зачем спешит к Надиному дому. Сначала, когда он выпроводил Кэт и сам через минуту выскочил на улицу, не знал. Но по дороге понял: чтобы успеть, если повезет, полюбоваться еще раз на двухметровую эту дубину, этого козла... этого... Ну, и на нее, конечно!

Во дворе перед Надиным домом была детская площадка. Коля, согнувшись, влез в фанерный домик... Лучшего пункта наблюдения и не придумать! К тому же небо затянуло, рванул ветер, высоко взметнув прозрачную майскую пыль, и хор мамаш со всех этажей грянул: «До-мой!». Коля обрадовался отсутствию любопытных...

Он подложил под себя какие-то дощечки и закурил. Ждать пришлось недолго: у ее подъезда с кошачьим воем тормознула машина, в просторечии

Вол, даже не пытаясь уместиться под зонтом весь целиком — только коротко стриженная голова с жизнерадостными зубами туда и влезла...

— Урод! — крикнул Коля вслед красным огонькам вполголоса, но отнюдь не вполчувства. — И... и ребенок будет такой же! Такая же горилла! — он презрительно рассмеялся и сломал несколько спичек, раскуривая потухшую сигарету.

Этими словами Коля вовсе не хотел сказать, что в каком-то ином случае ребенок был бы во всех отношениях удачнее... Потрясен он был иным и дрожал весь, с головы до кроссовок, не столько от холода — ведь в одной рубашке прибежал сюда, — сколько от возмущения и горечи. Говорила, что любит! Уже семь лет, мол, тебя люблю! Ревела и в классе прес-

ледовала дворняжьими взглядами... Разве честно — такое человеку говорить, так на него глядеть — и так потом поступать? С кем связалась, с кем уехала — с Волом каким-то? Вот она, любовь...

«А ты что думал? — язвительно перебил он себя. — Неужто, хе-хе, верил, что до гробовой доски ждать тебя будет? Как же, разбежалась!»

И вдруг понял: да! Это сногшибательно, поразительно глупо — но он, оказывается, был уверен именно в этом. Что Надька долго — вечно! — будет где-то рядом, под рукой. Точно так же, как долго — всю жизнь! — была рядом прежде...

гами — все вместе, пугающе одновременно, и казалось — это не фонарь гоняет их, болтаясь над площадкой, а сама рыжая земля шатается и выдерживается из-под Коли, таща за собой тени. Так тащит посуду скатерть, сдернутая кем-то на пол...

Ослепительная мысль поразила Колю: а жизнь-то идет уже совсем всерьез... Настолько всерьез, что даже очередные люди рождаются!

Грохнула фрамуга, и посыпались осколки. Бедный квартирисьемщик, тебе всего-то и надо было — согнуть палец, притянуть к себе вовремя раму... А теперь стучит створкой окно, летят куда-то вниз

Коля затянулся, закашлялся до слез и никак не мог остановиться. Огромная, просто космическая дыра открылась в душе, и гулял там в одиночестве лютый сквозняк... Чувство было до того жуткое, что он забыл — вполне искренне! — что думать о своей брошенности ему вроде бы неуместно. Можно сказать, смешно даже...

Над детской площадкой вспыхнул низкий фонарь. Его тарелка моталась под ветром и дождем, и какое-то время Коля оцепенело следил, как скользит сигаретный дым по желтой полосе, упавшей на пол из окошечка и качающейся налево-направо в такт фонарю...

Дождь и не думал кончаться, пережить его дальше не было смысла. Коля вылез из домика и, ссутулившись, засунул ладони под мышки. Рубашка приклеилась к спине, кроссовки разъезжались... А тени от горок и лесенок стремительно двигались под но-

осколки, и тянет в черную оскаленную дыру грозно и холодно.

— А Инка — рыжая, — сонно сообщил брат и сел в кровати. — Мы с ней больше не водимся.

— Чего не спишь? — хмуро спросил Коля. — Я тебе... Ну и что, что рыжая? Раньше, что ль, не видел?

— Вовка говорит, они все злые. Которые рыжие. — Дурак ты, — ответил Коля, забираясь под одеяло.

— Сам дурак! — буркнул Темка и схватил подушку, поспешно прикрывая лоб... Но старший брат отвернулся к стене. А младший еще долго сидел настороже — даже нагрелась прижатая к животу подушка... Долго — пока дыхание брата не перекрыл усилившийся вновь ветер, который гудел на все ночное небо и тяжело и вольно прислонялся к оконным стеклам.

Несколько историй про Тридакну

Рудольф
БУРУКОВСКИЙ

Слайды Николая Маркова
см. на 1-й и 4-й стр. обложки

*Когда в объятьях у пучины
Нырлящик сгинет без возврата,
Что толку спорить о причине —
Бессильных слов пустая трата.
...Где пестрых рыб клубятся стаи,
Где взгляд акулы пуст и мрачен,
Он там, за жемчугом ныряя,
Тридакны створками захвачен.*

Родолфо Ирлахман

Из цикла «Морские мифы»
(перевод Р. Буруковского)

Этот трагический сюжет довольно широко распространен на Востоке. В утро своей свадьбы юноша, желая сделать подарок невесте, отправляется на берег моря и ныряет, чтобы добыть жемчужину, достойную красоты его любимой. Приближается начало свадебной церемонии, а жениха нет. Невеста в отчаянии, родственники в тревоге, все мечутся по берегу моря. Наконец смельчаки начинают обшаривать дно и на коралловом рифе — о, горе! — находят тело утонувшего жениха, нога (или рука) которого зажата створками гигантской тридакны.

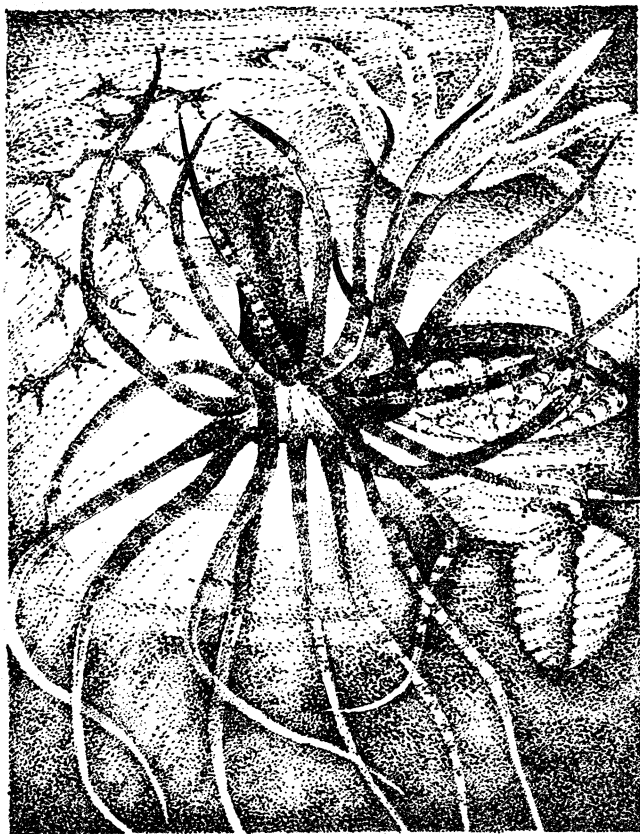
В свое время эта история поразила и мое воображение: что это за ужасное чудовище, что это за живой капкан, ставший причиной гибели героя? И есть ли реальное основание у этой легенды? Не зря в Полинезии называли тридакну гигантским моллюском Пахуа-нуи-апита'а-и-те-раи, который якобы может заглатывать целые корабли. На острове Таити существует легенда, которую пересказал А. Баталин в своей книге «Океан в мифах и легендах».

...Герой Рата во искупление своих проступков, чтобы вернуть себе расположение людей, решил убить гигантского моллюска и достать из его чрева останки погибших. Вот как он это сделал: «Верхняя створка со сверкающей внутренней поверхностью и пилообразным краем, похожим на ряд огромных зубов, стала медленно опускаться на корабль. Но прежде, чем створки сомкнулись, воины по команде Раты одновременно ударили копьями под основание багрового отростка и прервали большую мышцу, крепящую верхнюю и нижнюю створки. Огромная верхняя створка, вздымавшаяся над мачтой корабля, неподвижно и бесильно замерла в воздухе».

Так кто же она — тридакна? Этот двустворчатый моллюск — чемпион среди моллюсков по размерам, может достигать почти полутора метров длины и веса 300 килограммов. Ее утолщенные у вершины створки имеют вытянуто-треугольную форму, выпуклые ребра, радиально расходящиеся от вершины к краям. У некоторых видов на радиальных ребрах сидят поперечные полукруглые чешуи, придавая раковине причудливо-кружевной облик. Около вершины створки раковины не смыкаются плотно, образуя продолговатую щель (для пучка довольно прочных нитей, служащих ряду моллюсков «якорем» — биссуса; правда, он бывает не у всех видов тридакн). Обычное положение тридакны (в противоположность нашей пресноводной беззубке, которая сидит в иле вершиной вверх) — створками вверх, то есть она как бы лежит на спине. От этого у нее смещены все внутренние органы. Нога у моллюска очень маленькая, выходит наружу через отверстие у вершины. В ней и расположена железа для выработки биссуса.

Вероятно, тридакна выделяет какие-то вещества, постепенно растворяющие известняк рифа, так как каждая

Рисунок
Елены Крутских

раковина лежит в углублении, как будто специально для нее приготовленном; края мантии у нее срослись, оставив только отверстия для воды — входное и выходное. Через них моллюск прокачивает воду, отфильтровывая из нее пищу и получая растворенный в воде кислород. Мантия выглядывает между створками эдаким ярким кружевным жабо, цвет которого различен у разных особей.

Замыкательные мускулы у тридакны сближены и образуют как бы одну мышцу, поэтому сила их настолько велика, что захлопнувшиеся створки невозможно открыть даже ломом, нужно ввести для этого через отверстие для биссуса у вершины раковины нож и перерезать мускул (вспомним тайтжанскую легенду!).

После легенд обратимся к научным авторитетам. Оказалось, однако, что и у них не всегда можно получить однозначный ответ. Например, Весьер, ближайший сподвижник Жак-Ива Кусто, пишет (со ссылкой на рассказ зоолога Сэвилла Кента), что некоторые австралийские водолазы видели на Большом Барьерном рифе Австралии экземпляры, достигавшие четырех метров: «...Понятна осторожность ловцов жемчуга, внимательно следящих, чтобы не задеть эти чудовищные челюсти, которые, по слухам (по слухам — не более! — Р. Б.), мгновенно смыкаются над своей добычей». Надо отдать должное автору: он достаточно осторожен, так как о размерах тридакны и о всем остальном пишет с чужих слов, так сказать, по «рыбачьим байкам».

Всемирно известный этнограф из Чехословакии М. Стингл, объехавший всю Океанию, тоже не смог пройти мимо загадки тридакны. Но он пишет куда более определенно: «В коралловых рифах Южных морей обитают моллюски, скрытые под двойным панцирем (вероятно, имеются в виду двустворчатые моллюски; думаю, что это неточность переводчика. — Р. Б.). Среди них можно встретить вызывающего всеобщий страх гигантского двустворчатого моллюска тридакну, размеры которого часто достигают почти двух метров. Тридакна порой так тщательно скрывается в рифах, что ее не всегда могут обнаружить даже местные рыбаки. Но достаточно одного неосторожного движения, и она захлопнет стальные створки раковины. И тогда — конец, ведь захваченную конечность моллюск уже никогда не отдаст. Тридакна погубила и еще погубит сотни мужчин и женщин Южных морей» (из книги «По незнакомой Микронезии»).

Вот так. Четко и определенно... Но можно ли безоговорочно доверять этому? М. Стингл составил свое представление о тридакне со слов местных жителей, а ведь известно сколько угодно случаев совершенно неоправданных страхов перед каким-нибудь животным как раз у местных жителей. Взять, например, нашу медяницу, безвредную безнозую ящерцу, которую мы панически боялись в детстве. И, например, Ж.-И. Кусто, в авторитете которого вряд ли кто-нибудь усомнится, в книге «Чтобы не было в море тайн» (написанной вместе с сыном, Ф. Кусто) высказывает совсем другое мнение: «Самый яркий из известных мне примеров незаслуженно дурной славы — тридакна. Легенды сообщают об этом огромном двустворчатом моллюске тропических вод, будто он способен зажать руку или ногу ныряльщика и держать, пока жертва не захлебнется или не отсечет себе пойманную конечность. Что ж, известные тридакны весом в сто с лишним килограммов, однако просвет между открытыми створками так мал, что просунуть между ними хотя бы кисть может разве что циркач».

Можно ли усомниться в утверждении таких высоко профессиональных ныряльщиков, аквалангистов, таких знатоков моря, как отец и сын Кусто?

Но предоставим слово следующему. Это наш соотечественник, профессор В. П. Зенкович, крупнейший специалист по динамике морских берегов. Вот что он пишет в своей книге «На рубежах земли и моря» о встрече с тридакной на коралловых рифах острова Хайнань: «Что это за щель в одной из глыб? Ее края имеют очертания

фестонов с зубцами до трех сантиметров и окаймлены мерцающей лиловой мякотью. Догадываюсь, что это злобная пасть гигантского моллюска тридакны. Осторожно дотрагиваюсь пальцем до края. Она величаво смыкается, выбросив ток воды, ощущаемый ладонью. А вот еще одна! Но кончается воздух. Нужно вынырнуть, вдохнуть и затем попытаться испытать мощност створки раковины. Вынырнув, машу рукой друзьям и снова иду на дно. Отламываю ветку коралла и втыкаю в «пасть» тридакны. Слышится хруст — ветка перекушена. Да, нужно быть осторожнее и смотреть в оба, чтобы не попасть в такую штуковину ногой».

Как видите, был проделан (пусть экспромтом) эксперимент и сделан недвусмысленный вывод. Он, правда, не отменяет вывода Ж.-И. Кусто, так как одно — ветка коралла, другое — нога или рука.

Известный исследователь подводного мира биолог Ганс Хасс подошел к делу куда основательней. Он купил искусственную ногу и провел свое исследование по всем правилам науки. Его объектами послужили тридакны, обитающие на Большом Барьерном рифе. Вот как он описывает это в книге «Мы выходим из моря»: «...В мутной воде на подветренной стороне рифа мы нашли, наконец, несколько раковин-убийц средней величины. С одной из них мы провели опыт. В то время, как Лотта фотографировала, я всунул ногу (напоминаю — искусственную! — Р. Б.) между раскрытыми створками и врану, чтобы вытащить так же быстро, как это сделал бы человек, случайно вступивший на нее; вернее, я хотел вытащить. Раковина закрылась и не пускала ногу. Чем больше я дергал, тем теснее смыкались створки. Животное вряд ли имело дурные намерения: просто чужеродное тело раздражало ее и оно все плотнее смыкало створки. Я подождал, пока не почувствовал, что раковина сжимает ногу с меньшей силой. Но тридакна опять была проворнее меня. Через тридцать пять минут мы сдались, при помощи троса подняли ее и вытащили на мелководье. Я сунул между створками нож, укрепленный на палке, и перерезал большую запирающую мышцу. Только тогда нога освободилась, и мы увидели, как ее «обработала» тридакна: края створок с двух сторон врезались в гипс».

В самом деле, рассказы о раковине-убийце выглядят правдоподобно. Если собиратель морских огурцов ступит во время отлива между створок раковины-убийцы в том месте, где вода достигает ему по грудь, то вполне возможно, что она удержит его до тех пор, пока он не захлебнется в прибывшей воде. Несомненно, может погибнуть ныряльщик, засунувший руку или ногу между створками».

Да, мрачный вывод! И его не делает более вдохновляющим тот факт, что тридакна «грешит» ненамеренно. Но вот что пишет Ф. Квиличи, известный итальянский кинооператор, в своей книге «Приключения на шестом континенте», в главе, которая называется... «Оклеветанная тридакна» (не более и не менее): «...Впрочем, помедлим еще немного, чтобы взглянуть на черные клубки морских ежей с чрезвычайно ядовитыми длинными иглами, а также на ту гигантскую ракушку».

Это тридакна, украшенная многочисленными легендами; она лежит на дне моря, приоткрыв створки, подобно капкану. Тело ее снабжено сильным мускулом; между зубчатыми краями раковины высовываются концы мантии, словно две яркие мясистые губы.

При малейшей опасности тридакна немедленно закрывается. Так родились предания о «бедном охотнике за жемчугом» и «неосторожном водолазе», которые «попались в западню и задохнулись, не в состоянии преодолеть силу мускула этой гигантской ракушки».

На деле ничего подобного случиться не могло. Мы пытались быстро просовывать руку между створками самых крупных тридакн и, когда створки захлопывались, имели возможность убедиться в том, что руку нельзя высвободить на месте, но зато ничего не стоит оторвать

ракушку ото дна и подняться вместе с нею на поверхность, где ее легко открыть с помощью ножа».

Как видите, и здесь результаты собственных исследований, но выводы диаметрально противоположны, да еще с конкретными рекомендациями.

И ему вторит другой итальянец в своей книге «На лунных островах» — зоолог Франсиско Проспери. Но доводы приводит совсем другие: «...Кто не читал истории или не видел фильмов о бедном ловце жемчуга, который угодил ногой между створками тридакны и, не имея возможности высвободиться, умер в страшных мучениях? В действительности дело обстоит совсем не так. Створки смертоносной ракушки, как прозвали ее сочинители, наделенные горячей фантазией, никогда не открываются настолько широко, чтобы нога человека могла свободно пройти между ними. Это может случиться только с наиболее крупными тридакнами, да и то, если насильно сунуть ногу в щель. Следовательно, речь идет о каком-то весьма исключительном случае, о котором не следует и думать лицам, купающимся в тропических водах».

Как видите, вывод тот же, что и у предыдущего автора, хоть и доводы совершенно другие. Для порядка должен отметить, что в Красном море, где работал Ф. Квилличи, и на острове Занзибар, где занимался тридакнами Ф. Проспери, водится относительно мелкая Тридакна элонгата (буквально — «продолговатая»), а у острова Хайнань и на Большом Барьерном рифе — Тридакна гигас (Тридакна гигантская).

Может быть, Квилличи и Проспери просто имели дело не с теми тридакнами?

Но кто же все-таки прав в этом заочном споре? Трудно сказать. Меня судьба, увы, не уведила за пределы Атлантического океана, и свой опыт бросить на ту или иную чашу весов я не могу. Будем считать, что «великая тайна тридакны» еще ждет своего открытия. Но тем не менее меня не перестает удивлять и восхищать другой, совершенно достоверный факт из жизни этой обитательницы коралловых рифов.

Гигантские тридакны живут на отмелях Индийского и Тихого океанов. В первый год жизни осевшая на дно личинка моллюска вырастает до размера 10 см. А в десятилетнем возрасте тридакна имеет длину 60 см. Если учесть, что с возрастом рост замедляется, то тридакны размерами более 1 метра имеют возраст не менее 25 — 30 лет.

А в толще воды над тридакнами обитает масса микроскопических существ, взвешенных в воде. Среди них выделяются своими изящными панцирями перидиниевые водоросли. Казалось бы, что у них общего с тридакнами? Оказывается, ткани наружного края мантии тридакны заполнены разновидностью перидиний, лишенных панцирей — зооксантеллами Симбиодинумами. Они встречаются в специальных полостях-лакунах мантии, в мускуле-замыкателе и некоторое количество — даже в крови моллюска. Именно от них края мантии ярко окрашены. Зооксантеллы находят приют в теле тридакны, защищаясь таким образом от своих врагов. И, представьте, словно для их удобства, в мантии развиваются своеобразные линзообразные прозрачные клетки, облегчающие доступ солнечного света к водорослям, которые, как и все растения, без него жить не могут.

Но не подумайте, что тридакна настолько бескорыстна! Дело в том, что она «берет квартплату» с зооксантелл... самими зооксантеллами: кроме той пищи, которую отфильтровывает из воды, питается ими.

Так они и сосуществуют ко взаимной выгоде друг друга: моллюск предоставляет убежище водорослям в своих тканях (и это явно выгодно водорослям), а время от времени «снимает урожай», что явно выгодно ему. Явления такого «сотрудничества» — симбиоза — широко распространены в природе (интересующихся могу отправить к увлекательнейшей книге И. И. Акимускина «И у крокодила есть друзья»), но они не перестают удивлять, и

лично мне, например, куда интереснее, чем, пусть и не лишенные основания, легенды про тридакну — роковой капкан.

В повседневной жизни человек исподзует тридакну довольно разнообразно. Например, в Суэце ее раковинами выкладывают бордюры для садовых дорожек, иногда пережигают на известь; на Мадагаскаре она — и поилка для скота, и корыто для стирки, и деликатес. Наибольшим успехом пользовалась, да и сейчас пользуется, тридакна в Океании, на коралловых островах, где камни — редкость. Ведь на некоторых рифах биомасса тридакны превышает двадцать тонн на гектар.

Обнаружив тридакну, островитяне длинным ножом перерезают мышцу-замыкатель, затем извлекают тело моллюска (оно идет в пищу), а раковину сообща вытаскивают на берег. Для обработки раковин существовала целая «индустрия», основывающаяся на технологии каменного века, сохранившаяся и сейчас в некоторых районах Новой Гвинеи. Раковину распиливали... бамбуковой пилой, добавляя по мере надобности песок и воду. Используют раковину для украшения, а кое-где из нее делают местную монету. На Соломоновых островах работу начинали с того, что пробивали каменным молотком дыру, а затем уже распиливали для браслета нужного диаметра. Это требовало много времени и терпения. Выпиливание диска диаметром 30 см занимало месяц работы. Однако ассортимент изделий был довольно большим: браслеты, нагрудные кольца, серьги, круглые диски, палочки для специальных отверстий в носу, служившие украшениями.

Европейцы, пришедшие сюда, быстро оценили значение тридакны в жизни туземцев. Некоторые предприимчивые и неразборчивые в средствах деятели стали ввозить на острова изделия из фарнса, выдавая их за украшения из раковин. В то же время настоящие раковины стали вывозить в Европу, где им быстро нашли применение в качестве экзотических купелей для крещения новорожденных.

В последние годы промысел тридакн стал приобретать угрожающие размеры. Австралийский журнал «Острейший пост» приводит следующие тревожные данные: ежегодно дельцы с Тайваня вылавливают в Коралловом море, омывающем северо-восточные берега Австралии, более миллиона гигантских моллюсков, причем используется только мускул-замыкатель. Причина — спрос на них у богатых гурманов. Это породило все увеличивающееся браконьерство.

Встревожены и филиппинские специалисты. Чтобы не допустить полного истребления тридакн, большой участок коралловых рифов возле острова Нирос объявлен заповедником, и там «рассажена» большая партия молодых моллюсков, привезенных с коралловых рифов островов Палау и Новой Гвинеи.

Вот на такой тревожной ноте и приходится заканчивать этот очерк. Если и дальше будет продолжаться безрассудный, хищнический промысел Тридакны гигас, предмет спора о том, опасна или не опасна она для обитателей и посетителей Южных морей, отпадет сам собой.

НАРОДНОЕ ПОГОВОЕДЕНИЕ

Георгий
РЫЖЕНКОВ

ЕСЛИ ЗАРЯ РАННЯЯ...

*Багровые зори к ветрам.
Восход солнца со столбами ле-
том — к хорошей погоде.*

*Если небо покраснеет в самое
время восхода солнца, будет дождь
в тот же день, а если очень рано
покраснеет (до восхода солнца), то
будет дождь ночью или на следую-
щий день.*

*Если заря очень скоро погас-
нет — к ненастью, в тот же день
будет дождь.*

*Если заря ранняя погорит и бу-
дет красная, то обещает с обеда
дождь.*

*Если на западе облака, а при
восходе солнца они разбегаются —
будет сухая погода.*

*Если утром небо облачно, а при
восходе прояснеет, в тот день дож-
дя не будет.*

*Если солнце восходит на чистом
небе и кажется меньше обыкновенно-
го, и края очень ясно видны, а лучи
очень ярки — сухая погода.*

*Если солнце при восходе кажет-
ся несколько больше обыкновенно-
го — нужно ждать дождя.*

*Если при восходе солнце румя-
но и кажется больше обыкновенно-
го — к ветру, буре, дождю.*

*Если солнце восходит большим
и как будто горит — будет дождь.*

*Если сразу после восхода солнце
заходит за облака — будет дождь.
Если солнце проглянет ярко при вос-
хождении и вдруг закроется облака-
ми, или покажется зарево при утрен-
ней (то же при вечерней) заре, и
заря скоро погорает, то это означа-
ет летом — сильный ветер или дождь,
зимой — снег или метель.*

*Если солнце восходит в тумане,
днем будет тихо и душно.*

*Если летом во время восхода
солнца стоит духота, вечером будет
дождь.*

*Если восходящее солнце закры-
то облаками, и лучи его из облаков
идут кверху — признак дождя; из
середины идут — будет буря с боль-
шим дождем.*

*Если при восходе солнца заря
на западе погорает — к ясной пого-
де. Если солнце восходит белое, то
в этот день будет ясно и впредь бу-
дет ясно.*

*Если восход солнца красный —
с завтрака будет дождь, зимой —
холод.*

*Если при восходе солнца небо
окрашено во все цвета — будет
дождь.*

*Если восходящее солнце очень
ярко и облака вокруг него покрас-
неют — это предвещает ненастье в
тот же день, а иногда дождь с вет-
ром.*

*Если солнце красным в путь от-
правится — следом дождь пойдет.*

*Красные облака до восхода сол-
нца — к ветру, тучи — к дождю.*

*Красные и черные облака при
восходе солнца — к дождю.*

*Когда при восходе солнца на
противоположной стороне горизонта
появится облако и будет поднимать-
ся навстречу солнцу, дождя не бу-
дет, если же облако скроется за го-
ризонт, то надо ожидать дождя.*

*Когда солнце скоро выходит,
видно даже, как оно поднимается
вверх и прячется за облака — будет
дождь.*

*Красная утренняя заря дождь
принесит.*

*При восходе солнце медленно
выплывает из-за облаков — к хоро-
шему дню.*

*При восходе солнца, едва толь-
ко рассветает, заря станет очень
красной — будет дождь.*

*Ранний рассвет — к хорошей по-
годе, поздний — к ненастью.*

*Солнце утром рано вскочит — к
дождю.*

*Спроси волка: «Когда холоднее
всего?», а он ответит: «Зимой при
восходе солнца».*

*Солнце восходит из-за тучи — к
хорошей погоде.*

*Солнце восходит за тучей — к
непогоде.*

*Солнце при восходе краснова-
тое — к ветру и на метель.*

Солнечные лучи при восходе ко-

*роткие, темные, желтоватые или зе-
леноватые — к скорому дождю.*

*Утренняя заря (вечерняя тоже)
скоро потухнет — будет ветер.*

*Утренняя заря скоро погорит —
будет дождь.*

*Утренние зори зимою скоро пе-
регорают — к холоду.*

*Утренняя заря красного цвета —
к дождю.*

ЧИСТЫЙ ЗАКАТ — К ВЁДРУ

*Безветренная золотистая вечер-
няя заря — к хорошей погоде.*

*Вечерняя заря скоро погорит —
на следующий день будет ветер. Ве-
черняя заря красная — к ветру.*

*Вечерняя заря зеленая — к яс-
ной погоде.*

*Вечерние зори весной скоро пе-
регорают — к оттепели. Если заря
вечерняя очень долгая, будет дождь
через день или два, а если корот-
кая — дождь вскоре.*

Если закат ясный — будет ясно.

*Если при захождении солнца по-
являются темные облака — ночью
или под утро дождь.*

*Если солнце садится в тучу, бу-
дет облачно, погода пойдёт к не-
настью, к дождю.*

*Если летом при закате солнца с
северной стороны небо покраснеет,
будет заморозок или холодная роса.*

*Если закат чист, спокойная вечер-
няя заря, дождя не будет.*

*Если закат солнца красный, но не
в тучу — будет ясно, ветрено.*

*Если солнце закатывается боль-
шим и красным, то на следующий
день будет хорошая погода.*

*Если в облачный день солнце
перед закатом ярко сияет, будет
продолжительное ненастье.*

*Если солнце заходит со светло-
алой зарей и в это время нет обла-
ков на восходе, будет ясная погода.*

*Если при закате солнца, когда
оно еще высоко, небо покраснеет, то
в этот же вечер будет ненастье.*

*Если небо покраснеет лишь после
заката солнца — будет ненастье
через день-два.*

*Если после заката солнца тотчас
стемнеет — будет дождь.*

*Если при закате солнца облака
колючками — к дождю.*

*Если облака при закате солнца
следуют за ним — ожидай сильных
ветров.*

*Если после заката солнца на се-
вере облако белое — ненастье на це-
лый месяц.*

*Если при закате солнца на про-
тивоположной стороне от заката бу-
дут красноватые облака, то на завт-
ра пойдет дождь.*

Если весной при закате солнца с южной стороны горизонта виднеется темное облако, то надо ожидать теплой погоды; если облако виднеется с северной стороны, то будут холода.

Если закат ясный и эхо в воздухе звучно раздается — будет следующая день хороший.

Если солнце садится в облака и эхо замирает — будет дождь. Зарезво (заревые облака) на закате — к ветрам.

Закат красный — день будет ясный.

Закат солнца чист — будет хорошая погода.

Закат в облаках — зимой жди снегопада.

Красная вечерняя заря к ветру, бледная — к дождю.

Когда солнечные лучи во время заката отражаются на другой стороне неба, будет перемена воздуха (ветра).

Появление облаков вечером на западной половине неба — признак приближения непогоды.

При закате солнце красно и заря красная — к ветру.

При заходе солнца небо заволакивает с севера — к ветру.

Солнце закатывается большим и красным — к хорошей погоде.

Синие вечерние облака — к перемене погоды.

Солнце за тучу садится — к дождю, в красках — к вёдру.

Солнце в туман садится — к дождю.

Солнце садится в облака — другой день ненастный.

Солнце садится в стену (облака), остальное небо чистое — к дождю.

Солнце садится за черную тучу — на следующий день с утра дождь.

Солнце летом садится во мгле, красноватое — к засухе.

Солнце заходит за тучу, без малейшего просвета — быть завтра дождю, а заходит красным — быть буре.

Солнце, кажущееся при закате бледным, предвещает дождь.

Чистый закат солнца — к вёдру.

Чистое небо при заходе солнца предвещает хорошую погоду, а покрытое тучами — ненастную.

Ярко-оранжевое небо при заходе солнца — к сильному ветру.

ПЕЛИКАН СБИЛ САМОЛЕТ

Владимир
САМСОНОВ

В конце сентября 1987 года в штате Колорадо (США) новейший четырехдвигательный бомбардировщик Б-1Б, летевший на высоте 180 метров, столкнулся с шестикилограммовым пеликаном. Удар птицы сделал пробой в пилоне, поддерживающем двигатель на одном из крыльев. В результате поврежденный прекратилась подача топлива в двигатель. Они остановились. Вспыхнул огонь. Самолет стал поворачиваться, так как двигатели другого крыла продолжали работать. На высоте 500 метров самолет перевернулся... Три человека из шести смогли катапультироваться, остальные погибли. Убыток составил 200 миллионов долларов.

Осенью 1960 года в Бостоне (США) на взлете турбовинтовой самолет «Вайкау» столкнулся со стаей скворцов. Самолет перевернулся, упал в воду, погибли 62 человека.

В начале 1953 года для пассажирского самолета Ил-12, подлетающего к Казани, путешествие в столицу Татарии завершилось... на речном буксире. Потому что на снижении самолет столкнулся с уткой. От удара была повреждена система зажигания двигателей, они заглохли.

Тогда этот случай мог быть отнесен к разряду курьезов, но уже через десять лет проблема столкновений с пернатыми обсуждалась на международном симпозиуме в Ницце. На смену поршневой авиатехнике шла реактивная. И какую опасность

таило в себе столкновение реактивного самолета с птицей, говорит хотя бы такой пример. В 1967 году взлетевший из Пулково Ту-104 на высоте 1600 метров получил удар утки. Была пробита пилотская кабина. Произошла разгерметизация, и самолет совершил вынужденную посадку. Во всем мире резко возросло число подобных случаев. В 1966 году в связи с возросшей «пернатой» угрозой был создан Европейский комитет по опасности птиц для самолетов (ЕКОПС).

Птицы не знают границ. Поэтому необходимо международное сотрудничество для своевременного радиолокационного обнаружения, особенно сезонных перелетов птиц, и передачи оповещения типа штормового «бирдтам» (от английского слова «бирдт» — птица). Из страны в страну по направлению перелета пернатых они передаются между Нидерландами, Бельгией, Данией, ФРГ, Швейцарией и Францией. К примеру, из Испании такие сигналы посылаются во Францию, ФРГ и Швецию во время перелета журавлей. В нашей стране тоже ведется оперативное обнаружение стай птиц радиолокаторами. Однажды диспетчер аэропорта Одессы увидел на индикаторе кругового обзора сравнительно большую отметку от стаи птиц на пути снижающегося самолета и сообщил об этом на борт. Действительно, на высоте 3000 метров прямо по курсу пилота увидел в четырех километрах большую стаю гусей и успел отвернуть в сторону. Диспетчеру была объявлена благодарность.

Между нашей страной и Финляндией впервые было достигнуто соглашение об обмене штормовыми оповещениями типа «бирдтам». Такого рода информация передается, как условилось, весной при массовом перелете морских уток из Эстонии в Финляндию и осенью, когда птицы возвращаются. Обмен опытом помог выяснить, что, например, ночью морские утки пролетают над сушей на больших высотах — до 4,5 километра. В 1987 году с 15 по 31 мая из аэропорта Таллинна в аэропорт Хельсинки шла передача штормового оповещения, в котором сообщалась верхняя и нижняя границы высоты и направления перелета птиц. Шесть раз передавалось такое оповещение. В день пролетало до 60 тысяч морских уток. А за весь период в сторону нашего северного соседа проследовало 210 тысяч морянок, синьги, турпанов. И что самое важное, в те дни не зарегистрировано ни одного случая столкновения птицы с крылатой машиной. А ведь каждое, даже самое благополучное из них, завершается немалыми экономическими убытками.

Казалось бы, что может быть между ними общего? Однако связь, оказывается, есть и, к сожалению, весьма печальная. В последнее время в ряде стран Южной Америки уничтожаются влажные тропические леса. На их месте в бассейне Амазонки разбивают плантации кустарникового растения, из которого вырабатывается кокаин. Но сколько же может быть занято под это земли? «Мы не представляли себе, как много таких плантаций и каких огромных размеров они достигают,— сказал один из старших офицеров отдела по борьбе с наркотиками федеральной полиции Бразилии.—Некоторые из них тянутся на сотни километров вплоть до границы с Колумбией».

Беда в том, что пышные тропические леса часто растут на бедных и слабых почвах. Их уничтожение приводит к быстрому вымыванию верхнего слоя почвы. От этого увеличиваются наносы в реках и высушивается земля до скальных пород. В результате на огромных территориях происходят то наводнения, то засухи. В конце концов столь серьезные нарушения приводят к цепной реакции в природе: исчезает множество растений и животных, изменяется климат. А уничтожение амазонских джунглей на огромных пространствах может, как считают некоторые ученые, привести не только к местным, но и к глобальным изменениям климата.

Экологи подсчитали, что уничтожение влажных тропических лесов во всем мире происходит со скоростью 20 гектаров в минуту! Правда, виноваты в этом не только наркотики. Леса вырубаются и выжигаются и фермерами под новые плантации, под пастбища, дороги и, наконец — просто на дрова.

Но только ли джунгли страдают от хищнического уничтожения? Отнюдь. Выкуривая сигарету, вряд ли кто задумывается, во что она обходится человечеству. Дело в том, что для обработки листьев табака, собранных с плантации площадью 0,4 гектара, табакотводы стран третьего мира сжигают древесное топливо в количестве, равном объему выросшего на подобном участке леса. Да, в развитых странах для просушивания табачных листьев используют нефть и газ, но во многих странах древесина — пока что единственный экономически выгодный источник получения тепловой энергии.

А ведь чтобы получить табак для изготовления 300 сигарет, необходимо сжечь целое дерево средних размеров. Разумеется, различные общественные природоохранные организации, и особенно имеющие отношение к лесным богатствам, пытаются вести борьбу с производителями табака. Но всегда ли она успешна?

Еще богатая лесами Бразилия, являющаяся среди стран третьего мира ведущим экспортером табака, покончила, как утверждают, с использованием для этого дров, но во многих других в угоду курящим леса продолжают уничтожаться.

Е. СОЛДАТКИН

Американец Том Уэбер решил построить в штате Висконсин посадочную площадку для кораблей инопланетян. Мыслится, что вблизи г. Элмвуда будет создан «центр по контактам с внеземными цивилизациями». Почему именно там? Дело в том, что за последние 15 лет больше всего сообщений о наблюдениях НЛО в Соединенных Штатах поступало из Элмвуда и его окрестностей. По мнению Уэбера, отсутствие «прямых» контактов объясняется тем, что командиры космических кораблей из других звездных систем ждут, когда земляне догадаются построить для них специальный комфортабельный космодром. За чем же дело? За «малым» — для реализации проекта требуется более 50 миллионов долларов. Сумма столь велика потому, что требуется, мол, в здании космопорта иметь ряд помещений с различными климатическими условиями (температурой, влажностью, составом дыхательной смеси) — в зависимости от потребностей пришельцев.

В. РОЦАХОВСКИЙ

С детства мы знаем, что колибри — обитатели тропических лесов Центральной и Южной Америки. Да, действительно, большинство видов этой птицы (а их около 170) там и водятся, но один можно встретить и в южных районах... Аляски. Как известно, колибри питаются в основном соком цветов. Зависнув, подобно бабочке бражнику, над цветком и введя в него клюв, колибри через сложный трубочкой язык поглощает нектар. Малый вес и большая затрата энергии (птица очень подвижна) вынуждают ее продлевать эту операцию множество раз.

Этих птичек очень любят на Аляске, и люди стараются облегчить им жизнь, устанавливая в удобных для них местах своеобразные кормушки, наполненные «соком для колибри» — подкрашенной и подслащенной сахаром водой. За день колибри может выпить целый флакон-бутылочку приготовленной для нее жидкости.

Е. ИВАНОВ

В Швеции, в Ботаническом заливе из многолетних отвалов фосфогипса создан искусственный остров площадью 375 тысяч квадратных метров. На него завезли грунт и высадили кустарники, газонные травы. Убедившись, что остров из необычного материала обладает известной устойчивостью против волн, рядом решили соорудить другой. Новые участки суши будут использованы под склады, стоянки яхт и места воскресного отдыха.

Откуда же взялся материал для новой земли в море? В таких отраслях промышленности, как производство фосфорной кислоты и минеральных удобрений, из года в год накапливаются отходы в виде целых гор фосфогипса. Естественно, громадные отвалы доставляют много хлопот, ибо использовать этот бросовый материал еще не научились.

Пока теоретики ищут рациональный способ утилизации отходов, практики решили поступить по-своему.

Д. ЭЙДЕЛЬМАН

Экзоты на окнах

Цитрусовые

«Золотыми яблоками» называли у нас когда-то плоды цитрусовых. Обладание заморским «яблоком» снимало злые чары с несчастных, карало нечистую силу. Съевший чудоплод избавлялся от неизлечимого недуга.

Как отмечал знаток южных экзотов П. М. Жуковский, цитрусовые среди плодовых культур занимают первое место по своей полезности, целебности, вкусу.

Слово «цитрус» — искажение древнегреческого «цедрус», так называли ветки... некоторых хвойных деревьев, которые клали в платье для защиты, от моли. Римляне переделали «цедрус» в «цитрус» — стали так именовать не только пахучие ветки, но и растения, плоды и листья которых обладали приятным сильным ароматом.

Культура цитрусовых возникла в странах Юго-Восточной Азии. Ев-

ропейцы познакомились с «золотыми яблоками» сравнительно недавно. Лимон завезли арабы в Новый Свет в XII в., апельсин спустя триста лет привезли из Китая, португальцы, а мандарины попали в Европу лишь в прошлом столетии. В России первые оранжереи были построены в 1714 году Меншиковым.

В середине XIX века в городе Павлово-на-Оке зародилось в нашей стране комнатное лимонводство. И сегодня там редко встретишь дом, где на окнах не жил хотя бы кустик лимона. Один из лучших сортов для комнат («Павловский») создан именно в этом городе.

Давно известен лимон на Урале. Один из самых неприхотливых и урожайных сортов в комнатном лимоноводстве был выведен здесь и получил название «Уральский». Уже много лет в Свердловске действует клуб любителей-цитрусоводов. Они изучают биологию, агротехнику растений, обмениваются посадочным материалом, делятся опытом с новичками.

Гораздо реже у любителей встречаются мандариновые и апельсиновые деревья. А между тем их агро-

техника не сложнее культуры лимонов.

Цитрусовым, в отличие от других южных плодовых экзотов, посвящено много литературы, эти растения проще достать, о них больше знают. Детально разработаны меры ухода за ними. Причем иногда использование разных агротехнических приемов приводит к одинаково хорошим результатам. Это говорит о высокой пластичности цитрусовых, а любителям-растениеводам дает возможность творчески относиться к своему увлечению. Но при всем разнообразии подходов к агротехнике «золотых яблок» есть и некоторые основные правила ухода, которые желательно соблюдать. Назову те, которые обрел благодаря собственному опыту.

Виды и сорта цитрусовых, наиболее пригодные для комнатной культуры. Сорта лимона: «Павловский», «Мейер», «Курский», «Новогрузинский», «Пандероза»; мандарин, сорт «Уншину»; апельсин «Вашингтон Нэвел», «Первенец».

Основные экологические факторы. Свет. С октября по март досвечивание лампами накаливания или люминесцентными трубками (с тем, чтобы освещенность днем была не менее 3000 люкс). В остальное время года освещенность достаточная.

Влажность воздуха. Ежедневное 1—2-разовое опрыскивание листьев теплой водой. Около горшков с растениями полезно расставить широкие и неглубокие сосуды с водой.

Температура воздуха. Зима: +8—12 °С. Для создания такой температуры растения, находящиеся на подоконнике, отделяются от остальной части комнаты стеклянными рамами или полиэтиленовой пленкой — эта мера не только понизит до нужного предела температуру, но и повысит влажность воздуха. В период цветения и завязывания плодов: +16 + 18 °С.

Полив. Земляной ком всегда должен быть умеренно влажным. Можно использовать обычную водопроводную воду, отстоявшуюся не менее одного дня. Однако в такой воде всегда присутствуют хлор, соли кальция, магния и другие нежелательные примеси. Для нейтрализации хлора следует добавить на 1 литр воды несколько кристаллов тиосульфата натрия (закрепителя), а для смягчения воды — половинку чайной ложки обычной пищевой соды.

Хорошие результаты дает полив снеговой и дождевой, а также дегазированной водой, в которой концентрация растворенных газов воздуха гораздо ниже обычного уровня. Дегазированную воду готовят так: наливают из крана водопроводную, нагревают ее до 95 °С, затем быстро охлаждают до +25+30 °С и поливают растения.

Подкормка удобрениями. Март —

Редакционная коллегия:

Станислав МЕШАВКИН
(главный редактор),
Евгений АНАНЬЕВ,
Виктор АСТАФЬЕВ,
Виталий БУГРОВ,
Юний ГОРБУНОВ,
Герман ИВАНОВ
(заместитель главного редактора),
Сергей КАЗАНЦЕВ
(ответственный секретарь),
Владислав КРАПИВИН,
Юрий КУРОЧКИН,
Николай НИКОНОВ,
Олег ПОСКРЕБЫШЕВ,
Аркадий СТРУГАЦКИЙ,
Юрий ШИНКАРЕНКО

Художественный редактор
Дмитрий ЛИТВИНОВ
Технический редактор
Людмила БУДРИНА
Корректор
Ольга НАГИБИНА

Адрес редакции:
620219, г. Свердловск,
ГСП-353, ул. Декабристов, 67
Телефоны отделов:
22-36-62 (фантастики),
22-45-01 (краеведения, секретариат),
22-10-74 (писем, науки и техники),
22-04-81 (прозы и поэзии, публицистики,
молодежных проблем)

Рукописи принимаются перепечатанными
на машинке через 2 интервала,
60 знаков в строке,
28—30 строк на странице.

По вопросам подписки и доставки
обращаться в районные отделения
«Союзпечати».
Бракованные экземпляры
отправлять
в типографию издательства
«Уральский рабочий».

Сдано в набор 05.03.91.
Подписано к печати 24.04.91.
Формат бумаги 84×1081/16.
Бумага типографская № 2.
Высокая печать.
Усл. печ. л. 8,82.
Уч.-изд. л. 13,4.
Усл. кр.-отт. 11,34.
Тираж 415 000.
(2-й завод: 200 001—415 000).
Заказ 352.
Цена 80 коп.
Типография издательства
«Уральский рабочий».
620219, г. Свердловск,
ул. Тургенева, 13.

© «Уральский следопыт», 1991

80

ЭКЗОТЫ НА ОКНАХ □ А. Семенов

октябрь: через 7—10 дней. Октябрь—март: через 15—20. Даются растворы минеральных и настоек органических удобрений. Выбор вида подкормки зависит от времени года и от того, какую фазу развития проходит растение. Напомню: азот—элемент «роста», калий важен при заложении и раскрытии бутонов, фосфор—для завязывания плодов.

Хорошо отзываются цитрусовые на «нетрадиционные» удобрения: золу (источник калия)—1 ст. ложка на 1 литр воды, столярный клей (источник фосфора)—в той же концентрации.

Через каждые 2—3 месяца полезны внекорневые подкормки микроэлементами (1 таблетка на ведро воды).

Пересадка. Февраль—март. Почвенную смесь составляют из дерновой, перегнойной земли и песка (4:4:1).

Нежелательно использование белых пластмассовых сосудов, так как они полупрозрачны, что служит причиной развития микроскопических водорослей на почве, примыкающей к стенкам горшка, а следовательно, ее переувлажнения и закисания.

На дне горшков (на 1/4 их высоты) необходим слой дренажа (галька, керамзит, гравий и т. п.).

Болезни и вредители. Особенно досаждают цитрусовым тля, паутинистый клещик, щитовка. Против них используют карбофос (0,2—0,3 процента), крепкий настой табака, мыльно-керосиновую эмульсию.

Обрезка. После укоренения черенков или удачной прививки развивающиеся молодые растения подрезают таким образом, чтобы за 2—3 года добиться появления у них побегов 4—5 порядков (именно на них формируется основной урожай). Причем от главного ствола, имеющего невысокий штамб (10—15 см), должны отходить 3—4 скелетные ветви, служащие ветвями первого порядка.

Удаляют «на кольцо»: побеги слабые от отмирающей верхушки, вертикально растущие, направленные внутрь кроны. Удаляют также последний—осенний—прирост побегов, дающий слабые ветви и хлоротичные листья.

Основные неприятности, с которыми сталкивается любитель-цитрусовод. Весенний листопад—в феврале—апреле часть листьев равномерно желтеет и опадает. Это явление нормальное, так как каждый лист живет 2—3 года.

Полный листопад. А это уже серьезно, ведь цитрусовые—вечнозеленые растения и никогда не должны терять все листья. Возможные причины: пересушка (или, напротив, переувлажнение и закисание) земляного кома, поражение паутинистым клещиком.

Опадение молодых завязей. Запомните два правила: количество созревающих плодов у цитрусовых составляет (в благоприятных условиях) не более 15 процентов от количества распустившихся цветков, а еще чаще эта величина не превышает 2—5 процентов; количество плодов, которое может «прокормить» растение, в 10—15 раз меньше количества листьев на нем.

Конечно, дотошный читатель сразу укажет на неполноту любого моего «тезиса». Но необъятного не объять, а в отношении цитрусовых это справедливо в особенности. Так что в путь, друзья! У вас самих есть возможность выбрать тот или иной «подход» к растениям, поддержать автора или не согласиться с ним, представив хорошие результаты, достигнутые собственным опытом.

На прощание хотелось бы заметить, что цитрусовые—очень «многоликая» группа растений. Помимо знакомых нам лимона и мандарина, апельсина и грейпфрута, как много среди них интересных, но малоизвестных видов! Например, кинкан. Низкорослый вечнозеленый кустарник с небольшими оранжевыми плодами, съедобной частью которых является не только мякоть сердцевинки, но и сочная кисло-сладкая... корка. Или шеддок с огромными, до 25 см в диаметре плодами, отличающимися приятным, чуть горьковатым вкусом. Совсем не похожа на них мурайя—приземистый кустарник с перистыми листьями и съедобными продолговатыми плодами размером... с ягоду барбариса. А еще есть цитрон, лайм, шуазия... и сотни всевозможных гибридов, причудливо сочетающих в себе особенности родительских форм... Для любителей-растениеводов это неиссякаемый источник новых плодовых экзотов.

